

Т Р У Д Ы
ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАГО
ВОЛЬНАГО ОБЩЕСТВА
ЛЮБИТЕЛЕЙ
РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

~~~~~  
*Miser sum miserisque succurrere disco.*

~~~~~  
1818 годъ.

ЧАСТЬ III.

Ст. ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ Типографіи Карла Крайя.

№ 9783/3

1813 кр. 1-3
ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ, чшобы, по напечатаніи до выпуска изъ типографіи, предшавлены были въ цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департаментна Министерства народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ публичной Библиотеки, и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ.

С. Пешербургъ, Іюля 10го дня 1818-года.

Цензоръ, Статс. Сов. и Кавалеръ
Г. Яценковъ.

53402

П Р О З А.

ОБЪ ИЗЯЩНОМЪ.

Весьма трудно разобрать, сравнить и согласить мнѣнія знаменитыхъ ученыхъ, изслѣдовавшихъ по съ особеннымъ глубокомысліемъ и точностію, по съ великою проницательностію и остроуміемъ какой либо предметъ важный, занимательный, разнообразный. Такого рода есть изслѣдованіе свойствъ изящнаго, а особливо въ настоящемъ философскомъ вѣкѣ. Въ наше время все измѣряютъ математически, и самыя удовольствія воображенія и сердца подчинили холодной строгости разсудка.

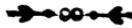
Кто могъ бы подумать изъ древнихъ Грековъ, что изящное, сія черта
Ч. III. Кн. 1.

божества въ самыхъ грубыхъ шѣлахъ , содѣлается нѣкогда предметомъ сухихъ , опвлеченныхъ понкоспей , метафизическихъ умозрѣній. И какой народъ болѣе ихъ произвелъ изящнаго и въ поэзи, и въ живописи, и въ ваяніи? Какой народъ болѣе ихъ былъ къ нему спрасшенъ и умѣлъ его цѣнить? — Они довольствовались шворить его и плѣнять своихъ современниковъ и пошомство; а мы, холодные ихъ послѣдователи, ограничиваемся только сужимъ разборомъ онаго. Правда, когда быстрыя крылья шворческой способности ослабѣвали въ самой Греци, и вмѣсто вдохновенныхъ стихошворцевъ заступили хитрые софисты и ученые шолкователи, Лонгинъ сдѣлалъ уже первый опытъ умозрѣнія объ изящномъ; но въ своемъ разсужденіи онъ разбираетъ только нѣсколько высокихъ примѣровъ изъ Гомера, не объясняя существа самаго предмета. Удивительно! почти во всемъ на свѣшѣ умъ человѣческій прежде гигантскими

шагами спремился къ изобрѣшеніямъ и опкрытіямъ; а попомъ, какъ бы упомясь опъ великой дѣяшельности, разомаприваль свои произведенія.

Съ послѣдней половины прошедшаго спольнїя, какъ въ просвѣщенной Европѣ начали занимась умозрѣнїемъ объ изящномъ, многіе ученые спрудились съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ и славою на семь поприщѣ, и предложили свѣспу свои мысли, изслѣдованія и замѣчанія. Опъ шого ли, что все въ началѣ своемъ бываетъ несовершенно и слабо, или пошому, что любопытные и глубокомысленные изслѣдователи обращали свое вниманіе шо на разныя часпи сего многообразнаго предмета, шо на впечатлѣнїя, имъ производимыя; или опъ ученой ревности приводить все въ правила, измѣненныя особеннымъ образомъ по дарованїямъ, вкусу и духу каждаго писателя; — что ихъ изслѣдованія произвели сіе разномысліе, породили множествосисшемъ, нерѣдко противорѣчащихъ

одна другой, всего чаще несходныхъ, шакъ, что сколько въ ученое мѣръ явилось въ полвѣка о семь предметѣ книгъ, столько же почти и различныхъ мыслей. Даже можно найти нѣкоторое особенное опличіе въ сужденіяхъ о немъ между разными просвѣщенными народами.

Впрочемъ сія разнообразность мнѣній, сія почность, родившаяся опъ изслѣдованія многихъ его часшей, принесли свою пользу. Невозможно соспавляшь общихъ понятій, когда не знаютъ часшныхъ, на коихъ онѣ должны основашься; шакъ почно, какъ невозможно созидашь цѣлаго, не имѣвши часшей. Человѣкъ собираешъ познанія путемъ аналитическимъ; синтетическій даенъ имъ совершенство. Сперва наблюдательный умъ разлился по всѣмъ часшямъ изящнаго, замѣшилъ разныя степени, изслѣдовалъ разные роды, объялъ ихъ опношенія и связь, и тогда уже съ симъ богатымъ запасомъ могъ смѣло приняшься созидашь цѣлое,

приводить въ порядокъ, искать общихъ началъ.

Невозможно и при томъ бесполезно было бы вычислять и разбирать всѣ мнѣнія о сущности изящнаго; но дабы показать яснѣе, сколько всѣ онѣ, иногда прошиворѣча въ частномъ, невольно согласуются въ общемъ или главномъ свойствѣ, мы приведемъ хотя нѣкошорыя важнѣйшія мысли, коими просвѣщеннѣйшіе народы разспивовали между собою.

Мнѣніе Пульи, изложенное въ умозрѣніи пріятныхъ чувспивованій, было нѣкогда принято многими за истинное. Онъ называется *изящнымъ все то, что чувства и силы наши занимаетъ соответственнымъ и легкимъ образомъ*. Неудивительно, что оно было уважаемо; съ перваго взгляду оно имѣетъ видъ истины. Но войдемъ въ его сущность. Неоспоримо, что изящное занимаетъ наши чувства и силы; но это есть впечатлѣніе, производимое изящнымъ на человека, а не самый предметъ. Ибо естли

изящество состоить во впечатлѣніи, производимомъ на чувства, а сіи послѣднія, какъ извѣстно, бываютъ различной степени и при томъ измѣняюща въ каждомъ человѣкѣ; но и вещественное, истинное изящество будетъ также измѣняться. Далѣе говоришь онъ: занимаешь чувства и силы соотвѣстственнымъ и легкимъ образомъ. Какія силы занимаешь оно соотвѣстственно; въ чемъ состоить сіе соотвѣстствіе? Въ согласномъ ли занятіи силъ душевныхъ между собою, или соотвѣстственно качествамъ изящнаго предмета?

Знаменимый Англичанинъ Гюпсесонъ со всѣмъ иначе изъяснялъ изящное. Онъ доказываетъ необходимость *внутренняго чувства* и сіе раздѣляетъ на *внутреннее чувство истиннаго, нравственнаго и изящнаго*; наконецъ называетъ изяществомъ все то, что бываетъ постигаемо симъ внутреннимъ чувствомъ изящнаго. Что есть въ человѣкѣ внутреннее чувство истиннаго, нравственнаго и

изящнаго, это справедливо и доказано уже яснѣйшими доводами. Неоспоримо также и то, что способность сія необходима для ощущенія и познанія изящнаго, но она одна недостаточна; она указываетъ его, но не произноситъ своего суда почему оно изящно. И такъ Гюссесонъ разсмаприваетъ болѣе дѣйствія души, пораженной изящнымъ, нежели свойства самаго предмета. Впрочемъ система его имѣла весьма многихъ послѣдователей по точности, глубокомыслию и ясности, съ коею она изложена.

Но большая часть ученыхъ, кои при опредѣленіи изящнаго обращали свое вниманіе на самый предметъ и на существенныя его качества, а не на впечатлѣнія, имъ производимыя, какъ Пульи и другіе, или на способности души, имъ занимающіяся, какъ Гюссесонъ и его многочисленные послѣдователи полагали его одни въ единствѣ, другіе въ *разнообразіи*, иные въ *правильности*, поряд-

кѣ, *пропорціи*. Наконецъ, сколько извѣстно, первый Гагедорнъ старался изяснить изясство *въ согласіи разнообразія къ единству*. Мнѣніе сіе имѣло своихъ послѣдователей и прошивниковъ; но въ новѣйшія времена, когда наблюденія и опыты, сдѣланныя учеными въ обширной и занимательной области изяснаго, спали подводились подъ общія, неизмѣняемыя правила; когда многочисленный и богатый запасъ для эспешики озарился свѣшпильникомъ здравой философіи, то мнѣніе сіе принято всѣми почти единодушно и найдено удовлетворительнѣйшимъ къ объясненію всѣхъ явленій въ сферѣ изяснаго.

И пакъ изясное вообще, въ обширномъ смыслѣ взятое, состоитъ въ *согласномъ отношеніи разнообразія къ единству*. Войдемъ въ подробное разсмотрѣніе сего опредѣленія. Сущность, родъ, степень изяснаго зависятъ отъ качествъ, рода и степени *соединенія* между разнообразіемъ и единствомъ, то есть; въ отношеніи ихъ одного къ дру-

гому. Сии три качества суть необходимы и существенны. Внешнее чувство, глазъ или ухо, находитъ удобность познавать предметъ по его простотѣ или *единству*; *разнообразіе* его услаждаетъ, даетъ пищу воображенію, приводитъ его въ дѣйствіе и плѣняетъ; разумъ замѣчаетъ родъ, качества, мѣру и степень отношенія ихъ, даетъ рѣшительный свой судъ объ изяществѣ и одобряетъ удовольствіе, полученное чувствомъ, воображеніемъ и сердцемъ. Всего легче разсматривать сіе въ произведеніяхъ изящныхъ искусствъ. Возьмемъ на примѣръ великолѣпный дворецъ съ его украшеніями. Спавемъ его разсматривать. При первомъ быспромѣ взорѣ на все сіе рождается какое-то неопредѣленное, неизъяснимое чувство красоты и удовольствія. Но мы еще не знаемъ, почему онъ прекрасенъ и почему нравишься? Это внутреннее чувство изящнаго, какъ замѣшилъ Гюгесонъ, и какъ чувство, оно поражается прекраснымъ,

не зная по чему, не разбирая для чего? Оно чувствуешь, а не размышляешь. — Пойдемъ разсматривать шеперь его колоны, арки, великолѣпный фронзонъ, ряды оконъ; замѣшимъ прекрасныя приспройки (флигели), примыкающія съобѣихъ споронъ; обозримъ спашуи распавленныя на крыльцахъ, между колонами. — Глазь насыщилсѣ симъ богатствомъ, симъ великолѣпиемъ, сею роскошью видовъ; воображеніе плѣнено сею перемѣною, симъ множествомъ прекрасныхъ предметовъ, новыхъ на каждомъ шагу, съ каждымъ взоромъ. — Удовольствіе шеперь гораздо болѣе, гораздо полнѣе, гораздо правильнѣе. Чшо же его произвело? И глазь и воображеніе скажутъ намъ, чшо многообразіе причиною его, — Но имѣемъ ли мы полное понятіе о красотѣ зданія, разсмотрѣвши его часпи? Конечно нѣтъ. — Выберемъ шеперь удобное мѣсто, спанемъ шамъ и обнимемъ все однимъ взоромъ. Примѣнимъ, какъ колоны и фронзонъ украшающъ его ли-

це, какъ съ обѣихъ сторонъ спройно помѣщены въ немъ арки, какъ крыльца правильно расположены, въ какомъ порядкѣ украшены спашуями, какъ соразмѣрно прилежатъ флигели, какъ они кажутся малы прошивъ главнаго спроенія, и какъ малость здѣсь пріятна, какъ самое зданіе кажется ошъ того больше, прекраснѣе, величеспвеннѣе. Чшо замѣчаемъ мы во всемъ? Порядокъ, соразмѣрность всѣхъ частей къ цѣлому: слѣдовательно согласіе разнообразія въ единствѣ. — И тогда понятіе наше о красотѣ дворца полно, удовлетворительно, тогда наше удовольствіе больше и яснѣе: ибо разсудокъ его ободряетъ (*). Такимъ образомъ можно показатъ справед-

(*) Нужнымъ почишаю замѣшитъ, что велику изящное естъ родъ, а всѣ роды, совокупляя только общія качества содержащихся подъ ними видовъ, не сущеспвуютъ въ Природѣ, шо и примѣръ сей взятъ изъ прекраснаго, одного изъ видовъ, какъ я послѣ покажу.

ливость его опредѣленія, разсмапривая каждый изящный предметъ.

Но скажущь: можно изъясняшь такимъ образомъ красочу въ архитектуру, въ живописи, вообще красочу фигуру; невозможно однакожь, по шѣмъ же правиламъ, изъяснишь красочы цвѣшовъ, сельскихъ видовъ и проч. Не опъ того ли сіе, что произведенія искусствъ намъ болѣе извѣсны? Мы можемъ ихъ разложитъ на часпи и соединитъ въ одно, знаемъ ихъ пропорцію: между шѣмъ, какъ не постигаемъ сего ясно въ швореніяхъ Природы. Но, разсмапривая подробнѣе и шочнѣе, и въ нихъ мы найдемъ шу же правильность, порядокъ, соразмѣрность, разнообразіе и единство, и тогда не можемъ опвергать, чшобы не онѣ были причиною ихъ красочы.

И такъ для сосшавленія изящества необходимо согласное отношеніе разнообразія къ единству. Опъ чегоже такъ? Не ешшли это всеобщій, неизмѣняе-

мый, вѣчный законъ ума человѣческаго? Чпо другое есть истинное, чпо нравственно доброе, какъ не согласное, стройное отношеніе разнообразія къ единству, какъ не гармонія? Находишься ли она въ мысляхъ, чо есть: когда размышленія свои располагаемъ, или раздробляемъ, или соединяемъ, шакъ, чпо частныя понятія подчинены общимъ, сіи правильно дѣляшся на содержащіяся подъ ними, слѣдствія ясно выводяшся изъ доказанныхъ уже истинъ, и всѣ, какъ части, каждая занимая свое мѣсто, составляютъ согласное цѣлое: вопгь *истина!* Располагаешь ли человекъ свои поступки и дѣянія безчисленно многообразныя, шакъ, чпо всѣ они стремяшся къ одной верховной цѣли, разумомъ предначершанной, короче: ешьяли есть гармонія въ его поступкахъ, тогда мы видимъ *нравственно доброе*. Находишься ли соотвѣтствіе разнообразія къ единству въ образахъ, въ формахъ въ фигурахъ: вопгь *изящное!* Общая ихъ сфера или родъ есть гар-

монія; истинное, изящное и нравственно доброе суть ея виды.

Изъ сего справедливо можно вывести слѣдующія заключенія: — Поелику умъ даетъ рѣшительный свой судъ о достоинствѣ изящнаго, отъ того сужденія объ истинно — изящномъ одинаковы у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ и во всѣ времена. Гомеръ, Юпитеръ Фидіевъ, Вергилій, Аполонъ Бельведерскій нравились Грекамъ, Римлянамъ, нравились теперь всей просвѣщенной Европѣ и будутъ нравиться потомству, покуда человекъ будетъ имѣть умъ сколько образованный, что бы постигалъ ихъ совершенства.

И такъ есть изящество постоянное, непремѣнное, какъ истина, какъ добро. Далѣе, рассмотримъ впечатлѣнія, производимыя изящнымъ. Удовольствіе, получаемое отъ разсматриванія, или при произведеніи онаго, есть чистое, высокое, наслаждающееся. Я не знаю чѣмъ было различно удовольствіе Фидіа въ минушу,

когда гений его облекъ въ плѣснй образъ небснаго громовержца, — Невтона, когда онъ поспигъ законъ шягопѣннн, и Брута, изгнавшаго тирановъ изъ своего опечества: я не говорю о спелени, но о качесствѣ.

Опъ чего говоряпъ, и говоряпъ весь на справедливо: испинный поэтъ, шворецъ - живописецъ, ваятель, рѣщикъ должны изображашъ испину, одѣянную въ образъ, въ формы, шопъ измѣреннымъ словомъ, другой смѣщеніемъ свѣша и шѣни на холстѣ, шрешій образованіемъ формъ на мраморѣ, чепвертой на мѣди, шу самую испину, копорую глубокомысленный философъ излагаешъ опвлеченными словами въ сухихъ, спрогихъ умозаклученіяхъ. И что значипъ вся мифологія Грековъ, предспавленная чувспву олицетворенною въ прекрасныхъ видахъ боговъ? Ихъ философскія испины, ихъ опвлеченныя поняпія о божесствѣ овеществовшворенныя для чувспва.

Отъ чего сердце человѣческое отъ начала міра предубѣждено въ пользу красоты споль сильно, что въ понятіи своемъ никогда не можешь (увы! и не должно бы) оцѣляшь ее отъ истины и добродѣтели. Онѣ сливаюшя всегда вмѣстѣ, и какъ скоро станемъ различать ихъ, — очаровательное божество исчезаетъ. — Это родныя сестры, это дочери предвѣчной гармоніи, Граціи небесныя, геніи благошворительныя, разлученныя слабостію и развратомъ человѣческимъ и изгнанныя въ воображеніе стихотворцевъ; но должны спвующіе всегда обитать во глубинѣ души нашей.

Сдѣлаемъ примѣненіе сего опредѣленія къ поэзіи. Всѣ говорятъ, что цѣль ея есть нравственная польза, наставленіе рода человѣческаго. Замѣчено, продолжаютъ они, когда у человека воспламенено воображеніе, размягчено сердце; тогда истины, тогда наставленія поражаютъ первое сильнѣе и напечатлѣваюшя во второмъ глубже. И такъ поэзія пре-

деспотами своими для того только стараешься усладить душу, что бы послѣ нечувствительнаго влиль въ нее горечь наставленій. Каждый поэтъ, воскресенный истиннымъ даромъ, желая, на примѣръ, исправить развращенные нравы своихъ согражданъ, беретъ перо и думаетъ: какъ бы лучше сообщить свои наставленія, въ одѣ ли, въ комедіи, въ баснѣ, или въ эклогѣ? И есть ли сіе справедливо, по почтенный любимецъ Музъ, какою трудною, косвенною дорогою идешь ты къ своей цѣли, какія тяжкія ненадежныя средства избираешь для крапкого нравоченія, которое по большой части пропущаютъ съ легкомысліемъ и забываютъ въ скороспѣи? Припомъ увѣришь стихотворца или творца - художника въ священную минуту бесѣды ихъ съ геніемъ, что ихъ трудъ есть пусная, суешная забава, будетъ нѣкоторой родъ несчастія, за которое упрекаетъ насъ собственная наша совѣсть. Не яснѣ ли видна польза поэзіи изъ опредѣленія пред-

ложеннаго мною объ изящномъ. — Геній находить предметъ, воспламеняется, шворить: онъ поучаетъ, не заботясь давать поученія; самый предметъ, изъ котораго онъ созидаетъ свое швореніе, есть уже наставленіе, истина, добро нравственное, одѣтое въ прекрасныя формы; — и душа моя съ жадностію вливается въ себя, забывая рѣзецъ ли, перо, или кисть представили его моимъ чувствамъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

О ФИЛОСОФІИ (*)

Съ нѣкотораго времени обнаруживалось покушеніе унизить названіе философіи. Сія же участь угрожала словамъ, имѣющимъ обширнѣйшее значеніе; онѣ были благословляемы и проклинаемы сообразно тому, какъ употребляли ихъ въ счастливыя или несчастныя событія; но, не смотря на случайныя порицанія и прославленія, философія, религія и свобода никогда не перемѣняли своего достоинства. Человѣкъ злословитъ солнце, жизнь и любовь; онъ спрашиваетъ, чувствуютъ, что сіи свѣпильники Природы снѣдаютъ его; но пожелаетъ ли онъ погасить ихъ?

(*) Изъ сочиненій Г-жи Стале о Германіи.

Все, ограничивающее наши способности, есть учение низкое, недоспойное человека, предназначенного стремиться къ высшей цѣли бышя - къ нравственному совершенству; но мы никогда не достигнемъ до ней посредствомъ одного частнаго умерщвленя какой либо силы нашего существа, могущей возвысить насъ къ сей цѣли; и естли небо даровало бы людямъ болѣе генія, то тѣмъ болѣе имѣли бы они добродѣтели.

Изъ числа различныхъ отраслей философіи Нѣмцы особенно занимались метафизикою. Предметы, ею объемлемые, могутъ быть раздѣлены на три части. Первая заключаетъ въ себѣ шайну сотвореня, т. е. во всемъ неопредѣленное; вшорая образованіе понятій. (*des idées*) въ душѣ человеческой, и третія употребленіе нашихъ способностей, не обращая къ ихъ источнику.

Первое изъ сихъ ученій, относящееся до познанія шайны вселенныя, было

обрабошываемо у Грековъ также, какъ
 шеперь у Нѣмцовъ. Нельзя опвергать,
 чшобы такое изслѣдованіе, какъ бы
 ни было оно возвышенно въ его осно-
 ваніи, не заставляло насъ на каждомъ
 шагу чувствовашь нашу слабость и не
 уничтожало бы смѣлаго предпріянія по-
 слѣ усилій, немогущихъ довести насъ
 до яснаго разрѣшенія. Польза прешней
 части наблюденій метафизическихъ, за-
 ключающихся въ познаніи дѣйствій на-
 шего разумнія неоспорима; но ее огра-
 ничиваетъ кругъ обыкновенныхъ опы-
 товъ. Философическія разсужденія впо-
 рой часши, изыскивающія свойство ду-
 ши и происхожденіе понятій, мнѣ ка-
 жущся самыми важными. Сомнительно,
 чшобы мы когда либо постигли вѣчныя
 истины, объясняющія существованіе се-
 го міра; но самое стремленіе къ тако-
 вому изслѣдованію заключается въ чи-
 слѣ благородныхъ мыслей, которыя вле-
 куптъ насъ къ другой жизни: ибо безъ
 сего бесполезна была бы способность,

дарованная намъ къ разсмотрѣнію самихъ себя. Посредствомъ сей-то способности наблюдаемъ мы ходъ нашего разума. Возвышаясь безпрестанно и спараясь узнать — самопроизвольно ли дѣйствуетъ разумъ, или возбуждается къ тому внѣшними предметами, мы получаемъ время отъ времени большее понятие о свободной волѣ челоуѣка и слѣдовательно о порокахъ и добродѣтели.

Множество нравственныхъ и духовныхъ (religieuses) вопросовъ зависятъ отъ того, какъ принимаемъ мы образованіе нашихъ понятій. Въ семъ отношеніи Французскіе и Нѣмецкіе философы раздѣляются особенно по принятымъ ими системамъ. Непрудно понять, что еслили разность заключается въ самомъ источникѣ, то она должна уже обнаруживаться во всемъ послѣдующемъ: слѣдовательно невозможно познакомиться въ подробности съ Германіею, не показавъ хода философіи, которая отъ Лейбница до нашего времени

не представляла являть могущество свое надъ республикою учености.

Метафизику человѣческаго разума можно разсмапривать двояко: въ теоріи, или въ послѣдствіяхъ. Изслѣдываніе теоріи шребуееть способности, копорой я не имѣю; для меня легче наблюдать вліяніе какого-либо метафизическаго мнѣнія на развитіе ума и души.

Разумѣйте о Пророцѣхъ по ихъ лисаніянь, сказано въ Евангеліи. Правило сіе можеть быть для насъ пупеводителемъ на стезѣ различныхъ системъ философическихъ; ибо все шо, что противно нравственности ееть шолько софизмъ. Жизнь сія не имѣла бы никакой цѣны; еетьли бы она не служила средствомъ къ духовному воспитанію нашего сердца и еетьли бы свободнымъ выборомъ добродѣтели на земли не приговляла насъ къ высшему предназначенію. Метафизика, общественныя поспановленія, искусство, науки, словомъ — все должно быть оцѣнено нравственнымъ

образованіемъ челоуѣка; это оселокъ, которой данъ какъ невѣждѣ, такъ и ученому. Ибо хотя познаніе средствъ принадлежитъ только просвѣщеннымъ; но послѣдствія для всѣхъ удобопонятны.

Чтобы хорошо понимать Метаматематику; надобно разсуждать геометрически. Въ сей наукѣ, также, какъ въ арифметикѣ, одно пропущенное малѣйшее кольцо разрушаетъ всю цѣпь, ведущую къ ясной очевидности. Метаматематическія разсужденія отвлечены, но не менѣе точны какъ математическія; предметъ ихъ необъясненъ. Въ Метаматематику нужно соединить двѣ весьма противоположныя способности: воображеніе и расчисленіе; тамъ все должно измѣрять съ точностію и никакое ученіе не требуетъ столь великаго напряженія умственныхъ способностей, какъ метаматематика. При всемъ томъ въ самыхъ возвышенныхъ задачахъ всегда находится такая точка, которая всѣми можетъ быть постигнута: ее-то намѣрена я представить.

Я спрашивала у Фихте, одного из сильнѣйшихъ мыслящихъ умовъ въ Германіи: не можетъ ли онъ сообщить мнѣ прежде мораль его, нежели метафизику? Одна зависить отъ другой, отвѣчалъ онъ, и сія рѣчь была исполнена глубокомыслія; она заключила всѣ побудительныя причины той пользы, которую можно извлечь изъ философіи.

На нее привыкли смотрѣть, какъ на рушительницу сердечной вѣры; если бы епо было справедливо, то она была бы врагомъ людей; но сего нельзя сказать о ученіи Платона и Нѣмцевъ; они почишаютъ чувство первоначальнымъ дѣяніемъ души, а философическій разумъ опредѣленнымъ единственно изслѣдовать значеніе сего дѣянія.

Непоспѣжимая загадка вселенной была предметомъ тщесныхъ размышленій для многихъ, достойныхъ однако же удивленія, потому, что внутреннее побужденіе возносило ихъ за предѣлы се-

го міра опыскивашь чего-то лучшаго. Умы высшей степени безпрестанно блуждають около бездны мыслей безконечныхъ; но, не смотря, на то тщетно усиливается разумъ вознесшись на небо.

Происхожденіе мысли занимало всѣхъ истинныхъ философовъ. Двѣ ли Природы въ человѣкѣ? Естьли одна: то духъ или вещество? Естьли двѣ: то понятія происходятъ ли отъ чувствъ, или рождаются въ душѣ нашей, или онѣ суть смѣшенія дѣйствія вѣншихъ предметовъ на насъ и на внутреннія способности, копорыми мы обладаемъ?

Съ сими прѣмя вопросами, раздѣлявшими во всѣ времена міръ философическій, соединено изслѣдованіе, непосредственно относящееся до добродѣтели, то есть: судьба, или свободная воля опредѣляетъ предпріянія людей?

У древнихъ судьба происходила отъ соизволенія боговъ; у новѣйшихъ

относятъ ее къ обыкновенному ходу вещей. У древнихъ свободная воля зависѣла отъ судьбы: ибо человѣческая воля боролася съ событіями и нравственный сопротивленіе было необходимо; напроивъ того фатализмъ новѣйшихъ разрушаетъ необходимо довѣріе къ свободной волѣ. Если бы обстоятельства опредѣляли всѣ наши поступки: то мы не въ состояніи были бы сопротивляться имъ; если бы внѣшніе предметы были бы причиною всего происходящаго въ душѣ нашей: то какая независимая мысль освободила бы насъ отъ ихъ вліянія? Судьба, происходящая отъ неба, наполняетъ душу нашу священнымъ ужасомъ; между тѣмъ приковывающая насъ къ землѣ — только унижаетъ наше достоинство. Когда бы сказали: къ чему всѣ сіи вопросы? тогда можно было бы отвѣчать: къ чему нужно то, что нужно? Ибо, что важнѣе для человѣка, какъ познаніе: почто ли находишься сошвѣшвенность между

его дѣйствіями и въ какомъ соотноше-
ніи сила воли къ могуществу дѣйствующи-
хъ на нее обстоятельствъ? что бы-
ла бы совѣсть, если бы раждалась
она отъ единой привычки, отъ обыкно-
веній нашихъ; если бы она была ни-
что иное, какъ произведеніе цвѣтовъ,
звуковъ, благовоній, словомъ: всего окру-
жавшаго насъ въ дѣйствіи?

Метафизика, спарающаяся отъ открытій
источникъ нашихъ понятій, чрезвычай-
но дѣйствуетъ въ своихъ послѣдстві-
яхъ на свойство и силу воли нашей.
Сія метафизика есть высочайшая и
вмѣстѣ необходимѣйшая изъ всѣхъ на-
шихъ познаній. Защитники пользы вер-
ховной — нравственной не могутъ пре-
зирать ее:

А. Б.... ковъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ КЪ РЪКЪ ПАШЪ.

Къ сосѣду моему.

При отъѣздѣ моемъ изъ Цесербурга вы желали, что бы я сообщилъ вамъ описаніе моего путешествія, я далъ слово и теперь его исполняю. Не ожидайте отъ меня картинъ во вкусъ Лашапеля и Сперна. Пламенное воображеніе перваго и живое чувство послѣдняго могли сдѣлать очаровательными предметы самые обыкновенные; напрошивъ я опасаясь, что бы не нависти скуки, представляя полезнѣйшее и достойное всеобщаго вниманія.

Оставя вихри суеты Петрополя, быстро помчался я изъ сей шумной Шпилицы и очутился на берегахъ Невы

за великолѣпнымъ строеніемъ вновь воздвигаемымъ для духовной Академіи, гдѣ чистый воздухъ освѣжалъ грудь мою и я дышалъ свободно... Съ одной стороны стеклянные и фарфоровые, попомъ не столько блистательные, но сколько же нужные заводы, по заготовленію матеріаловъ для построения великолѣпныхъ зданій, которыми Пешрополь, какъ бы возникши изъ болотъ по гласу Амфіона, удивляетъ Европейцовъ. Таковыя виды встрѣчались мнѣ до знаменитой Александровской фабрики. Здѣсь съ правой стороны по теченію Невы, которая, не будучи стеснена великолѣпною оградой, какъ въ Петербургѣ, небрежно разбросанными рукавами своими представляла восхищительное зрѣлище: шумящія струи ея, отражая въ себѣ сіяніе солнечныхъ лучей, по колебались шихо, по пѣнились подъ рулями судовъ, осѣняемыхъ разноцвѣтными флагами и быспро несущихъ различныя богатства изъ отдаленнѣйшихъ предѣловъ Россіи для пошре-

стей и роскоши столицы. Петрополь представлялся мнѣ средоточіемъ, всѣхъ силъ, всего богатства, всего величія единственной въ свѣтѣ Россійской Имперіи. Вотъ образъ того чуднаго устройства въ Природѣ, по которому все спешаешь къ своему началу. Оптѣзжая непримѣнно отъ столицы далѣе и далѣе, я видѣлъ мирное уединеніе Дюка Сера Каприола и многія богатыя селы очаровательныя по своему мѣстоположенію. Восхищался островами, Пеллою и другими, Природою сотворенными мѣсталами, какъ будто для украшенія Невы, на берегахъ которой воздвигнута обитель Царей Россійскихъ. Разнообразные и привлекательныя виды сопровождали меня далѣе 40 верстъ за Пешербургъ, пока наконецъ распался я съ водами царственной рѣки. Послѣ сего, продолжая путь по прекрасной лѣсной дорогѣ, очутился въ Шлиссельбургъ, который Петру Великому послужилъ ключемъ къ открытію вратъ Швеціи и мощнымъ

Русскимъ исполинамъ отверзъ путь въ храмъ славы. Продолжая плаваніе по драгоцѣннымъ водамъ канала, текущаго отъ Шлиссельбурга до Новой Ладоги, мнѣ казалось, что довольно всякому взглянуть на сіе спешенное скопище водъ, чтобы во всей полношѣ видѣшь неусыпные пруды и мудрую прозорливость Петра I и сказать: Онъ былъ Великій изъ Великихъ! — Тутъ предшавлялось мнѣ торжество народной промышленности, спекающей въ семь каналъ. Вообрази себѣ пространство, имѣющее 104 версты, и на немъ текущій пріямный, тихій ручей, по которому въ торжественномъ порядкѣ спѣшили къ назначенной цѣли безчисленное множество жизненныхъ потребностей; вообрази себѣ разнообразное движеніе какъ самыхъ судовъ, плывущихъ медленно одно за другимъ, такъ и волненіе людей, кошащие съ веселымъ духомъ движутъ и ведутъ цѣлыя громады, какъ бы по одной струѣ. Предшавъ, что отъ сей единой

спруи зависить спокойствіе и довольство столицы Сѣвера со всѣми окрестными ея городами и селеніями. Вспомня, какъ прежде внутренняя торговля Южныхъ странъ Россіи съ Сѣверомъ преграждена была самою Природою, не смотря на естественное сообщеніе Волги съ Невою посредствомъ Ладожскаго озера, какой препетъ поражалъ плавателей онаго при одномъ воспоминаніи о его буряхъ. Великій Пётръ опытомъ удостоверень былъ въ неудобствѣ, или, лучше сказать, въ невозможности плаванія по сему бурному озеру, которое, какъ нѣкій грозный гигантъ,

Изъ нѣдра водъ главу подъемлетъ,

Ни спону, ни мольбѣ не внемлетъ.

Для несперпимыхъ въ сушѣ бѣдъ,

Всѣхъ бурныхъ чадъ къ себѣ зоветъ;

Велитъ, проспря свирѣпы очи,

Покрытъ угрюмымъ мракомъ ночи

И свѣтлозарный лѣпній день;

Вдругъ шуча, бурейо влекома;

Ч. III. Кн. I.

3

И вихрь, и дождь, и прески грома
 Являють близку въ адъ спупень.
 Тамъ безъ кормиль суда несущся,
 Тамъ снаспи всѣ скрипяшь и рвущся —
 Желѣзный опорвань оплошь:
 Волна, зря ликованье водъ,
 Свирѣпу челюсть отворяеть;
 Но бурѣ Петрѣ: я здѣсь, вѣщаеть,
 Едва великій по изрекъ,
 Свѣшило міра возсіяло,
 Въ одно мгновеніе преспало
 Волненье озера и рѣкъ.

Какую пользу могла принести пор-
 говля, производимая по грознымъ спе-
 зямъ влажной стихіи! Сообрази все сіе,
 и ты увидишь, сколь высоко и благодѣ-
 шельно было одно намѣреніе Пепра I-го
 въ разсужденіи сего канала. Теперь же
 плавапель, кромѣ препяпспвій опъ по-
 роговъ, на рѣкахъ ему вспрѣчающихся,
 начиная опъ Новой Ладоги до самага Пе-
 шербурга, почипаеть уже себя доспиг-
 нимъ прмспани, и спокойными глазами

издалека смогришь на предѣлы пуши
своего. Представь себя на крошкихъ
сихъ водахъ, освѣщаемыхъ луною, когда
звонкій рожокъ веселящихся пловцевъ
прерываетъ безмолвіе ночи; когда при
мирномъ колебаніи волнъ подъ судами,
раздаются пѣсни безопасности и безпеч-
ности; — тогда ты обрадуешься бынію
своему и въ сладостномъ восторгѣ бла-
гословишь священную пѣнь Пепра Ве-
ликаго, и память его ревностнаго и до-
стойнаго еопрудника Миниха, побѣди-
теля Агарянь, спрадальца въ Пелымъ,
и благодѣтеля позднихъ поколѣній въ
Новой Ладогѣ, — Миниха, который въ по-
слѣдніе дни жизни своей писалъ къ Ека-
теринѣ Вшорой, что кланялся каждому
водоходному судну, плывущему по Ла-
дожскому каналу. И подлинно таковое
великолѣпное, полезное и пріятное зрѣ-
лице производишь, какъ я думаю, на каж-
домъ и на мнѣ самомъ подобное впечатлѣ-
ніе, такъ, что, безъ всякаго на то
права, я готовъ подражать восторгу ве-

ликаго мужа. Каналь Ладожскій естъ печашь назидательнаго пророческаго Пешрова духа, и какъ нынѣ, шакъ и въ позднїя времена, будешь призывашь друзей челоувѣчества къ благодарности Ему и достойнымъ Его Преемникамъ, копорые постояннымъ трудомъ усовершали и разпространяли въ пользу судоходства другими проводами сіе высокое его намѣреніе и Сѣвернымъ жишелямъ, начиная съ Пешербурга, опкрыли неизчерпаемый кладъ богатства. Высокая мысль, соединить Неву съ Волгою, достойна Пешра Великаго: шеперь мы пользуемся соединеніемъ Аспрахани и Пешрополя; а нѣкогда, можешь бышь, наши дѣши будущь пользовашься соединеніемъ Москвы нешолько съ Казанью, но и съ самымъ Пешрополемъ. Обращимся къ другимъ предметамъ моего пушешествїя.

Въ Новой Ладогѣ, при самомъ вѣздѣ, вспрѣшило меня другое сердцу моему прїянное зрѣлище. На правой сторонѣ находишся деревянная церковь, су-

ществующая болѣ 40 лѣтъ. Она построена Суворовымъ, и въ ней, хвала мудрымъ Паспырямъ! еще и нынѣ курится жертва Богу. Храмъ сей украшенъ внутри богатыми дарами благочестія, и жишели намѣрены учредить при немъ кладбище въ память Рымникскому Герою, который, будучи еще Полковникомъ, споялъ въ Новой Ладогѣ съ Суздальскимъ пѣхопнымъ полкомъ. Сей Герой и вмѣстѣ ревностный сынъ въры каждое Воскресенье и праздникъ ходилъ въ оный храмъ для принесенія сердечной хвалы Всемогущему. По выходѣ изъ церкви, онъ имѣлъ свойственное быспрому своему духу обыкновеніе кричать Офицерамъ: „Робяща! присшупомъ на водку!“ И какъ будто окриленный Богомъ брани шопчасъ по легкости своей перепрыгивалъ чрезъ довольно широкій ровъ, вырышый для лагернаго времени. Всѣ Офицеры и бывшіе съ нимъ дворяне и жишели должны были сему обычаю слѣдовать; шѣ же, которые по непрвор-

спву, или по староси, не могли пере-
прыгнуть шакого проспранства, оспа-
вались въ самомъ рвѣ, обращали на себя
дружеской смѣхъ и къ водкѣ допуска-
лись уже послѣ. Въ пособіе дворянъ
Суворовъ завель при полкѣ своемъ на
собшвенномъ иждивеніи небольшой кор-
пусъ, гдѣ образовалось до десяти дво-
рянскихъ дѣшей. Жили Новой Ладоги
къ великому основателю сего заведенія
имѣли отличное уваженіе, которое со-
храняютъ и до сего времени; равно какъ
и ошъ него были любимы. Въ 1788 году,
уже осыпанный Царскими милоспями,
по прибытіи своемъ въ Пешербургъ, онъ
преимущесшвенно оспановился вмѣспѣ
съ дочерью своею, нынѣ вдовспвующею
Графинею Зубовой, въ домѣ Новоладож-
скаго купца Ефрема Ивановича Шарова,
кошораго отличнo уважалъ, приказавъ
какъ своей дочери, пакъ и роднымъ, съ
нимъ бывшимъ, и всему своему шпашу
не иначе называшъ его, какъ дѣдушкою,
што и самъ исполнялъ спрого.

Изъ Новой Ладоги ѣхаль я сухимъ пушемъ по Архангелогородской дорогѣ до станціи Манихи; однакожь переправлялся два раза чрезъ рѣки: въ самомъ городѣ чрезъ бурный Волховъ, и потомъ въ десяти версахъ отъ него чрезъ Сязь на, такъ называемыхъ, Сязьскихъ рябкахъ. Сязьскій каналъ приноситъ также много пользы: въ немъ сходящяся суда изъ рѣкъ Свири, Паши и другихъ. Основанная нѣсколько на рѣкѣ Пашѣ, которая, не болѣе пяти лѣтъ тому назадъ, явила въ себѣ новую отрасль промышленности. Спроевой и дровяной лѣсъ, берега ея, такъ сказать, опягощающій, изплѣвалъ прежде почти безъ всякой пользы, потому, что не было средства доставлять его въ Санктпетербургъ чрезъ Ладожскій каналъ. Сязьской всядной проводъ оживилъ рѣку Пашу и жителямъ ея не было болѣе нужды лѣса свои, изъ которыхъ они издавна съ большимъ искусствомъ строили суда мореходныя, пропускавъ чрезъ опасное Ладожское озеро. Можно

сказать, что на рѣкѣ Пашѣ находилось собственное Адмиралтейство, и жилища ея были споль искусны въ строеніи торговыхъ судовъ, что покойный Князь Григорій Александровичъ Пошекинъ - Таврической, мужъ дальновиднѣйшій, купилъ у М. С. Талызиной село Колголемо и вознамѣрился для Черноморскаго флота переселить часть новыхъ крестьянъ своихъ въ Николаевъ, что и исполнилъ. Перемена климата и свойственныя пому краю болѣзни изстребили половину переселенцевъ, такъ, что они принуждены были убѣдительно просить Князя о возвращеніи ихъ въ отчизну, — который наконецъ согласился перевести ихъ обратно, и такимъ образомъ сіи Южные переселенцы опять теперь съ похвальными успѣхами упражняются въ ремеслѣ своемъ на рѣкѣ Пашѣ (*).

(*) Селеніе сіе нынѣ принадлежитъ болѣею частью Г. Г. Зотовымъ, Князьямъ Мышецкимъ, а частью Его Сіятельству Графу Д. И. Хвостову. *Изд.*

Вопшъ вамъ крапкое начертаніе небольшого моего пушешествія. Я не могъ умолчать о шѣхъ пріянныхъ чувствованіяхъ, которыми одушевлялся въ продолженіи пуши своего. Сіи чувствованія произвели во мнѣ воспоминаніе о высокой душѣ Петра Великаго, въ одно время созидавшаго величественный градъ сей и забошившагося доставить ему на самыя позднія времена вѣрное средство къ пропитанію и обогащенію.

1815 года,
Іюля 18 дня.

Графъ Д. Хвостовъ.

ДИТЯ МИЛОСЕРДІЯ.

Изъ Гердера.

Всемогущій вознамѣрился ' сотворить
человѣка, и созвалъ всѣхъ верховныхъ
Ангеловъ.

„Не создавай его!“ вѣщаль Ангель
Правосудія: „онъ будешь несправедливъ
„противъ собратій; сурогъ и жестокъ
„противъ слабѣйшихъ.“

„Не создавай его!“ говорилъ Ангель
„Мира: „онъ увлажитъ землю кровію по-
„добныхъ себѣ; первородный сынъ его
„умерившиъ своего брата.“

„Онъ осквернитъ своєю ложью свя-
„тыню Твою!“ произнесъ Ангель Испи-

ны: „хотя бы Ты и создалъ его по соб-
 „сшвенному подобію Твоему.“

Они еще не пресшали говорить, какъ
 Милосердіе, юнѣйшее и любимѣйшее, ди-
 тья Предвѣчнаго, предсало предъ лице
 его. „Содѣлай его, Отче,“ сказало оно,
 „Твоимъ изображеніемъ, любимцемъ
 „Твоей благосши. Есшьлибъ и всѣ ис-
 „полнишли воли Твоей оставили его:—
 „я спану помогаю ему, самыя его по-
 „грѣшности превращу во благо, и скло-
 „ню сердце его къ жалосши и соспра-
 „данію; когда же онъ усранился опъ
 „мира и испины, оскорбишь оправед-
 „ливость и правосудіе: тогда самыя
 „слѣдствія заблужденія должны будущъ
 „возвратишь его на пушь правый.“

Всемогуцій создалъ челоуѣка: сла-
 бое швореніе, но и въ самыхъ слабо-
 спяхъ своихъ воспитанникъ Благосши,
 сынъ Милосердія и Любви, которая, ни-
 когда не оставляя, всегда исправляетъ
 его.

Вспомни, о человекъ! происхожденіе свое, ешьли ты спрогъ и жеспокъ. Изъ числа всѣхъ свойствъ Божіихъ Милосердіе избрало тебя къ жизни; а Соспраніе и Любовь воспоили тебя млекою своимъ.

В. Бриллеръ.

Д В А О Т В Ъ Т А.

(Народный рассказ.)

Посвященъ Кн. А. П. Ур—ой.

*Иной старается писать для славы;
А я лишь для друзей, да для забавы,
А сей рассказъ
Для васъ.*

Въ нѣкопоромъ Европейскомъ городѣ у богатаго вельможи украдена была очень немалая сумма денегъ. — Сила и знашность гордаго богача пребовала всей дѣшельности сысчиковъ; но дѣшельность ихъ, на сей разъ, была напрасна: долго опыскивали виноватаго — и не находили.

Такимъ образомъ обстоятельство сіе нѣсколько времени пребывало въ безъизвѣсности.

Одинъ молодой человекъ, именемъ Робертъ Скрытый, прїѣхалъ въ шопъ городъ и остановился въ гостинницѣ. Онъ имѣлъ въ городѣ немногихъ, но коршкыхъ знакомцевъ, коимъ извѣстенъ былъ, какъ весьма небогатый, короче: какъ бѣдный Робертъ. — Нынѣ трудно узнать въ немъ прежняго сотоварища: у него нарядъ не нарядъ, экипажъ не экипажъ, все богатое, все пышное!

Въ общей залѣ гостинницы случилось однажды бытъ и Роберту и друзьямъ его: Онъ взглянулъ на нихъ, они на него; узнающъ другъ друга, и послѣ взаимныхъ привѣтствій, начинающъ разговоръ.

Ты ли это? Робертъ! Сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались мы? Да себя и не узнаешь! Давно ли возвратился? Гдѣ погостилъ? “

— У родныхъ.

„Скажи, милый, какимъ образомъ ты вдругъ разбогатѣлъ? Не женился ли?“

— Нѣтъ.

„Не умеръ ли кто изъ богашыхъ
родственниковъ?“

— Нѣтъ. . . . —

На бѣду Скрышнаго надобно было случиться въ залѣ и сысчику. Молодой прїѣзжій продолжаетъ разговоръ съ товарищами, угашиваетъ ихъ. А между тѣмъ пїявица сысчикъ, приближась къ нему, присматривается къ разговору, — и послѣ нѣкоторыхъ коварныхъ привѣщивій, увѣреній въ готовности своей къ услугамъ, знакомится со Скрышнымъ и друзьями его. — Продолжается угощеніе, продолжаются и разговоры. Всякой, въ свою очередь, говоритъ о томъ и о другомъ; рассказываютъ новости; — натурально, что не забыто и происшествіе о покражѣ денегъ у знатнаго господина. — Между рассказомъ о томъ, сысчикъ хитро вплетаетъ въ разговоръ такія слова, которыми даютъ знать молодымъ людямъ, что поискъ виноватаго все еще продолжается, что поискъ сей порученъ нѣкоторымъ людямъ въ городѣ и, наконецъ,

съ большею понкосцію, даепть имъ знапть; чшо и онъ въ эпомъ порученіи — *нелосторонній*.

Послѣдняго было довольно, что бы нарушилъ спокойствіе общества знакомыхъ и прекратилъ веселый разговоръ. Всѣ спали ошорожнѣе, скромнѣе.

Въ это небольшое, но примѣнное разстройство друзей, сысчикъ, какъ бы случайно, мѣряепть глазами съ головы до ногъ Скрышнаго, видишь его замѣшательство — раскланивается.

По удаленіи сысчика, друзья, приведенные въ безпокойство, начали дѣлать догадки о незнакомцѣ и о намѣреніяхъ его. Едва успѣли сказать другъ другу о томъ, что имъ предпринять нужно, — какъ являюпся два чиновника Полиціи, коимъ извѣсны были нѣктопорые изъ друзей Скрышнаго. Ихъ обязали подпискою беречь пріѣзжаго знакомца и вмѣстѣ съ нимъ на другой день пошпру явиться въ судъ.

Наши молодые люди удаляются из мѣста свиданія и, по общему совѣшу, Скрышный заходитъ съ однимъ изъ друзей своихъ къ спряпчому, чѣмъ по совѣшываешь о дѣлѣ.

Не опишу всего разговора ихъ. Скажу лишь о томъ, что Робертъ, не будучи похипшелемъ искомага, не желалъ, по обшпашельсшвамъ своимъ, объясняешь предъ судіями, какъ и опъ чего именно разбогашълъ. Спряпчій за обѣщанную награду, присовѣшовалъ ему прпшворпшься помѣшаннымъ и давалъ въ судѣ шолько *два отвѣта*, о копорыхъ узнаемъ въ послѣдствіи.

Нашало упро и Скрышный съ товарищами явился въ судѣ; явился и сысчикъ съ шремя (какими-шо) свидѣшелями.

Вошъ Скрышный, вмѣспѣ съ друзьями, вводпшь въ прпшпшвенную залу. Ему велѣно спашъ прпшву судей, друзьямъ его на правой споронѣ, а сысчику и свидѣшелямъ — на лѣвой.

Ч. III. Кд. I.

4

Сысчикъ, подошедъ къ судіямъ, завѣрилъ, что это самый шопъ челоуѣкъ, на котораго онъ имѣеть подозрѣніе, — и сшалъ на свое мѣсто.

Главный судія подаль знакъ. Является допросчикъ. Сдѣлавъ почтительный поклонъ судіямъ, надѣваетъ онъ очки, приближается къ Скрышному и, поспоря на него приспально, послѣ нѣкотораго молчанія, присупилъ къ дѣлу.

Начинается допросъ.

Долросчикъ. Ты ли Робертъ Скрышный, недавно пріѣхавшій въ городъ?

Скрышный. Ну, пакъ, чтожъ!

Долр. Ты подозрѣваешься въ похищеніи важной суммы денегъ у Его Превосходительства Г-на Барона Полносумова, и имѣешь судишься въ своемъ преступленіи.

Скр. Вотъ, еще!

Долр. Какъ? Что? Или не вѣдаешь ты сего священнаго мѣста, въ коемъ шеперь находишься? Здѣсь храмъ правосудія.

Скр. Ну, шакъ, чшожь!

Долр. И шакъ, пустые и грубые опвѣшы здѣсь не у мѣша: здѣсь говорятъ одну истину.

Скр. Вотъ, еще!

Долр. (Въ недоумѣніи къ судіямъ:) Онъ безуменъ!

Судіи. Продолжай! мы слушаемъ!

Долр. (Къ Скрытному, показавъ на свистика:) Сей господинъ обличаетъ тебѣя.

Скр. Ну, шакъ, чшожь!

Долр. Возражай, буде можешь.

Скр. Вотъ, еще!

Долр. (Показавъ на свидѣтелей:) Сіи люди подтверждаютъ его обличеніе.

Скр. Ну, шакъ, чшожь!

Долр. Ежели не возразишь, по виновенъ будешь.

Скр. Вотъ, еще!

Долр. (Нелюбо помолтавъ:) Судя по опвѣшамъ твоимъ, я заключаю, что ты играешь роль сумасшедшаго.

Скр. Ну, шакъ, чшожь!

Долр. Прозорливые судіи видяшь намѣренія швои.

Скр. Вошь, еще!

Долр. (Строго.) Переспанешь ли шы повпоряшь неподобающіе опвѣшы свои? Возпомни, гдѣ шы? — Опвѣсплуй: шы ли похипиль сокровище Его Превосходительства Барона Полносуммова?

Скр. Ну, шакъ, чшожь! . . .

Долр. Ешаго и довольно! (Суділиб:) Высокопочтенные судіи! Вы слышали признаніе преступника. Справедливая резолюція ваша, да положишь ему наказаніе по мѣрѣ содѣяннаго. (Скритнолу:) Выслушай учаспь свою. Ты обличень и признался въ похищеніи.

Скр. Вошь, еще!

Долр. Какъ! шы снова чинишь оприцаніе; начинаешь паки неподлежащіе опвѣшы свои?

Скр. Ну, шакъ, чшожь!

Долр. О! по эшому шы не имѣешь

спраха бышь осужденнымъ гораздо болѣе?

Скр. Вотъ, еще!

Долр. Да, да. Ты потерпишь сугубое наказаніе: въ началѣ, какъ похищившій сокровище, пошомъ какъ неуважившій судебное мѣсто и, наконецъ, какъ разнорѣчивый показатель, сирѣчь: признающійся и вкупѣ оприцающійся.

Скр. Ну, шакъ, чпожь!

Долр. И поелику не въ одномъ пунктѣ обвиняешься, но по всѣмъ вышесказаннымъ пунктамъ и опвѣщсшвоуашъ долженствуешь,

Скр. Вотъ, еще!

Долр. Въ послѣдній разъ говорю, чпо единообразные опвѣшы швои совершенно подозрительны. Ты не шпо чувствуешь, чпо говоришь!

Скр. Ну, шакъ, чпожь! —

Долр. Прекращаю вопрошенія мои. Пусть люди несравненно опынѣйшіе и прозорливѣйшіе, нежели я, опкроюшъ пресшупленіе, которое шы скрышь спараешься; узнаюшъ шочную испину.

Скр. Вотъ, еще!

Долр. (Судилѣбъ:) Высокопочтенные, знаменитые судѣи, исполнили закона и защитники невинности, имъ охраняемой! Слабое краснорѣчіе мое не подѣйствовало на совѣсть и сердце преступника упорнаго, или безумнаго. Наблюдательныя очи ваши, конечно замѣтили, какъ бросаешь оны на всѣхъ взоры съумасброднаго! Ваша долговременная опытность и постоянное благоразуміе, безъ сомнѣній, разрѣшашъ загадку, для меня непонятную.

И положено;

Обо всемъ, относительно дѣла сего, спросить:

Вопервыхъ — друзей Скрытнаго,

Вовторыхъ — доносчика, и

Втретьихъ — свидѣтелей,

И спрошены —

И показали:

Друзья Скрытнаго: Что они совершенно одобряютъ знакоца своего по сердцу, по воспишанію и по образу

жизни. — Родители Роберта, сказали, одинъ изъ нихъ, живущъ очень недалеко. Они люди честные и достойные почтенія. — По причинѣ случившагося вчера съ нашимъ другомъ припадка, мы не успѣли еще узнать, гдѣ именно проживаютъ они. — Сего господина (*указывая на свистика*) мы видѣли только вчера, будучи съ нимъ въ одной гостинницѣ, и гоповы были приняты въ кругъ знакомства своего; но весьма обманулись по наружности. Что же касается до сихъ прехъ свидѣтелей, то смѣло, единогласно и чистосердечно увѣряемъ, что они насъ совершенно не знаютъ; по крайней мѣрѣ мы доселѣ не всирѣчались съ ними никогда.

Всѣ друзья Роберта подтвердили слова поварища.

Свистикъ говорилъ о подозрѣннн.

Свидѣтели смѣшались — и признаны ложными.

Но главный судія, привснавъ съ

своего мѣста, поправиль парикъ и подо-
шель къ Скрыпному, дабы узнать са-
мому, что можно.

Судя · (Добродушно:) Другъ мой!
сказываюшь, что ты имѣешь опца, ма-
шеръ и другихъ родспвенниковъ?

Скр. Ну, такъ чтожь!

Суд. Побереги ихъ.

Скр. Вошь, еще! —

Суд. Спало бышь для тебя нѣшь
ничего священнаго?

Скр. Ну, такъ, чтожь!

Суд. Не ужели и совѣсь, сія лучшая
и строга я повѣренная дѣль нашихъ, не
стягомишь юное сердце швое?

Скр. Вошь, еще!

Суд. Молодой человекъ! ты совѣмъ
не жалѣешь себя.

Скр. Ну, такъ, чтожь!

Суд. Правосудіе строга: оно любишь
испину, видишь и пресступника и не-
виннаго.

Скр. Вошь, еще!

Суд. (Потерявъ терпѣніе.) По крайней мѣрѣ объяви намъ, что ты дуракъ?

Скр. Ну, такъ, чтожъ!

Суд. И что время, проведенное нами съ тобою, употреблено было бы на лучшее.

Скр. Вошь, еще! . . .

И заключено:

1) Поелику Робертъ Скрышный въ полномъ присущствіи судей найденъ совершенно съумасшедшимъ. 2) Поелику свидѣтели пресупленія его оказались совершенно ложными. 3) И поелику показанія одного Сысчика противу опроверженія нѣсколькихъ *неподозрѣнныхъ* людей, коимъ извѣстенъ подсудимый, совершенно недоспапочно: то и бысть Скрышному опъ суда и слѣдствія свободнымъ впредь до выздоровленія, буде оное послѣдуетъ; о чемъ донесши, въ свое время, кому слѣдуетъ.

Скрышный и друзья его освобождены опъ суда.

Едва они успѣли припши на кварширу судимаго, какъ обрадованный спряпчій вбѣгаешъ къ нимъ въ комнашу и съ восшоргомъ говоритъ Робершу: „Ну, не правда ли, сударь; не правда ли, что совѣтъ мой подѣйсшвовалъ превозходнѣйше — и вы правы!“ —

Скрытннй. Ну, шакъ, чтожъ!

Стрялсйй. Вы правы! какъ я радъ! и радъ искренно. . . . А смѣю ли напомнить о вашемъ словѣ — ошдашъ шеперь обѣщанное? . . .

Скрытннй. Вопшь, еще! . . .

Аи —

СТИХОТВОРЕНІЯ.

БУРИВОЙ и УЛЬМИЛА.

Эпическій отвѣтъ.

Осенняя полночь Новградъ пріосѣняла,
Лишь въшровъ грозна брань съ Ильменя за-
ывала.

Среди безмолвной пьмы вкушало все покой.
Единъ Новградскій Князь, могущій Буривой,
Славена дивнаго пошомокъ знаменишый,
Опершися на мечь, въ крови враговъ омышый,
Съ супругою младою въ черпогѣ възсѣдалъ,
Гдѣ мирные часы съ Гордаромъ раздѣлялъ,
Съ Гордаромъ, оныхъ спѣнь сосѣдспвеннымъ
владыкой,

Чшо нѣкогда воздвигъ ихъ праощецъ великой;

И окрестъ въ звукахъ спрунь Бояновъ вѣщій
духъ,

Со гласомъ юныхъ дѣвъ, склонялъ къ вниманью
слухъ.

Ихъ спрѣйный ликъ, гремя, какъ съ горъ
падуци рѣки,

Повѣдалъ власть Боговъ, счастливыхъ пред-
ковъ вѣки,

Тьмочисленныхъ племень Славеновыхъ исходъ
съ Дунайскихъ береговъ къ равнинамъ Мой-
скихъ водъ *),

Изгнаніе Варягъ и Финновъ низложенъе,
Созданъе Новграда, его распроспраненъе

И подвиги въ бою праотческихъ сыновъ:

Какъ быстрый Рудопокъ лилъ кровь своихъ
враговъ,

Какъ Волховець средъ безднъ съ пропивными
спязался

И Волхвъ большой зміей по Мушной разспи-
лался **)

*) Древнее названіе озера Ильменя.

**) Волхвъ, по преданію, былъ великій вол-
шебникъ. Когда приближались къ Славянску
непріятели, то часпо онъ превращался въ
великаго змія, ложился поперѣгъ рѣки, и

Какъ мужесшвомъ своимъ безшрепешный Ван-
 даль

На Русь, Зырянъ и Чудь законы налагаль;
 Какъ храбрый Буривой, Новграда къ вящщей
 славъ

Кунгардскую спрану подвергъ своей державѣ,
 Гдѣ гордый Князь Изборъ, спрашась его побѣдъ,
 Съ нимъ дщерь соединилъ Ульмилу въ цвѣшѣ
 льшѣ;

Какъ въ бишвѣ передъ шѣмъ у спѣнѣ Славя-
 цограда

Гордаръ Свѣонску рашъ низвергъ во мрач-
 ность ада,

И сколько Буривой могущеспва явилъ
 Съ шѣхъ поръ, какъ съ нимъ прѣязнь союзомъ
 обновиль.

Еще грѣмѣла пѣснь. Возрѣніе владыки
 Вливало новый огонь въ согласны, звучны лики,

шѣмъ не допускаль еуда ихъ подойшши къ го-
 роду. Изъ зависши къ его волшебсшву, подѣ
 спаросшь онъ удушень и ушоплень водяными
 чудами въ рѣкѣ Мушной, кошорая съ шѣхъ
 поръ названа по его имени *Волховошѣ*.

И Рында, вѣрный рабъ, при маніи одномъ
 То чарою злапой съ пѣнящимся виномъ,
 То кубкомъ серебрянымъ со медомъ арома-
 нымъ

Бесѣду обносилъ. Межь пѣмъ, къ dospѣхамъ
 рапнымъ

Супруга своего Ульмила преклонясь;
 Внимала рѣчь пѣвцовъ; въ воспоргѣ шаялъ
 Князь.

Единый лишь Гордаръ, презрѣвъ ихъ звуки
 спройны,

Бросалъ на Князя взоръ печальный, беспо-
 койный.

Въ лицѣ его, въ душѣ, какъ облако луну,
 Глубокая тоска смущала шишину:

Онъ въ сердцѣ подавлялъ возвѣспниковъ шер-
 занья —

Лешящи изъ него тяжелы въздыханья,

Склонивъ свое чело въ волненъи мрачныхъ думъ.

Незапно хоръ умолкъ. Возникнулъ нѣ-
 кій шумъ:

Спозвучный, смущный крикъ ошь Волхова
несепся

И, въ спогнахъ повпорясь, по гриднямъ раз-
даешся.

„Что значиль бы сей громъ?“ зываешъ Буривой.

„Познай, о Рында, все — и духъ мой успокой.“

Лишь рекъ, усердный рабъ черпогъ его оста-
виль

И къ Волховскимъ брегамъ спопы свои на-
правиль.

Но коль ужасный видъ срѣшаешъ въ шѣхъ
мѣспахъ!

Тьмочисленны полки Варяговъ на судахъ,
Свирѣпымъ Княземъ ихъ, Свенонемъ, предво-
димы,

Предъ Новградомъ звучашъ булашами своими.

Свенона лишь одна любовь шуда влекла,
Любовь, что съ юныхъ лѣтъ Ульмила въ немъ
возжгла.

Онъ часпо силой бишъ на холмахъ Сомменъ-
Линна *)

Оспориваль ее у Князя — Славянина,

*) Древнее названіе Выборга.

И памь ее лишась, рѣшился нѣжду спрасить
 Въ Новградѣ доказашь, иль въ бившѣ мерш-
 вимъ пасшъ.

Въ сихъ мысляхъ оруживъ опважныя дру-
 жины,

Пусшился съ ними вдаль чрезъ Финскія пу-
 чины;

Въ сихъ мысляхъ онъ доспигъ испока *Мутной*
 водъ ;

Но Рында упредилъ злодѣевъ быспрый ходъ:
 Предвозвѣщаешъ онъ о бѣдствѣ Буриной,
 И се выгралъ, какъ вихрь, ко брани духъ героя.

Взмупилась по его возванью пишина ;

Несчешна, сильна рашъ воспрянула опъ сна.

Уже блестящъ мечи, враги зіяющъ адомъ,

Ужъ сыплешся въ поляхъ шьма спрѣлъ кале-
 ныхъ градомъ.

Ужъ молніей носясь, ужасный Буриной

Разишъ, какъ скрышный громъ въ глубокой
 шьмѣ ночной.

Спремишся грудь на грудь, булашъ прошивъ
 булаша,

Гош ово шоржештво надъ силой супосшаша ;

Какъ ратию своею Гордаръ изъ-за рѣки,
Ударивъ съ быспрошой въ Новградскіе полки,
Ихъ спрои низпровергъ. — Сей Князь небла-
годарный

Всегда пишалъ въ душѣ намѣренья коварны.
Онъ, видя какъ счастливъ во браняхъ Буривой,
Духъ зависти скрывалъ личиною одной;
Спрашился всякой часъ его преобладанья,
И тайно возбудилъ Свенновы желанья:
Да Новградъ подъ его десницею падеть,
Да Князя онъ во плѣнь съ супругой уведеть,
Лишь въ Сѣверѣ бѣ гремятъ всей властію
великой;

Гордаръ ласкался бытъ Новградскихъ спранъ
владыкой.

Онъ кровію своею Свенону далъ обѣщъ,
Что въ помощи его сомнѣнья болѣ нѣтъ.
Свершилося. Варягъ побѣда увѣнчала,
И Князя въ дальній край съ оспашкомъ войскъ
изгнала *);

*) Въ городѣ Каремзы, а по нѣконорымъ
мѣстопорикамъ Варми, что нынѣ Кежогольмъ.
Ч. III. Кн. 1. 5

Едва предъупредишь супругу онъ успѣлъ,
Что бѣгство для него единственнѣйшій удѣлъ.

При вѣспи сей въ постыку Ульмила по-
грузилась;

Цвѣщущая краса мгновенно помрачилась.

Вошше спѣшили къ ней родные и друзья

Бесѣдою смягчить опчаянне ея;

Всѣ чувства въ ней, вся жизнь зашмились
мракомъ ночи :

„Погибь!“ она спенешъ: „погибь!“--и слезны очи

Открыла лишь тогда, какъ Рында произнесъ:

„Свершился наконецъ надъ нами гнѣвъ небесъ;

„Нѣтъ къ средствамъ ни часа; единое спасенье

„Княгиню нашу скрываетъ изъ града въ опдаленье.

„За тридцать отсель двусадій *), въ пѣхъ,
мѣстахъ,

„Гдѣ Волховъ съ Волховцемъ объемлются въ
струяхъ,

*) Садія содержала въ себѣ 99 сажень
нынѣшней мѣры; слѣдственно холмъ, назы-
ваемый до нынѣ *Холопвилъ городкой*, нахо-
дится отъ Новгорода въ 12-ши верстахъ
безъ малаго.

„На самомъ быспрыхъ водъ полкружномъ
поворопъ,

„Во мрачноспи лѣсовъ, въ глубокой ихъ дре-
мошъ,

„Крушой, безлюдный холмъ подѣмлепъ свой
хребепъ,

„Гдѣ вѣрное для насъ убѣжище опъ бѣдъ :

„Туда въ сію же ношъ мы съ нею удалимся,

„И, силы съединивъ, швердыней оградимся,

„Доколь еще война сверѣпшвуепъ вокругъ,

„Доколь не изнемогъ гражданъ великій духъ.“

Сей гасъ, какъ лучъ огня заблудшему въ
пустынѣ,

Просперъ опрадный свѣпъ въ печальну мысль

Княгинѣ.

Вдругъ ближнихъ и друзей подвиглися сердца:

Мы въ Князѣ зрѣли всѣ тероя и опца.

„Не выдадимъ шебя!“ возвали и мгновенно,

Въ свой подвигъ успиремясь, ихъ рвенъе неиз-
мѣнно

По Волховскимъ зыбямъ, какъ орлее крыло,

На дикій верхъ холма Ульмилу пренесло

Тамъ спѣши, въ крапкихъ дняхъ швердныи
 соруженной,
 Сокрыли пляжку скорбь Ульмилы сокрушенной;
 Тамъ, въ ожиданіи супруга каждый часъ,
 Она опъ береговъ не опводила глазъ.

Но щещно день и ночь надежда ей ла-
 кала.

Луна, свершивъ свой кругъ, надъ холмомъ воз-
 сіяла.

Супруга нѣшь; — онъ все въ безвѣспности
 своей.

Межъ пѣмъ ужасна вѣспъ доспигнула до ней,
 Чшо врагъ, свирѣпый врагъ, Свенонъ, уже въ
 Новградъ,

Чшо ищешъ онъ ее въ неистповой досадѣ
 И мечъ свой обагрятъ грозилшя шамъ въ крови,
 Доколь не обрѣшетъ въ себѣ ея любви.

Какъ сираникъ на торѣ, онъ грома попра-
 сениой,

Сей вѣспью пораженъ Княгини духъ спѣс-
 ненной,

Въ смущеньи Ринду двовъ къ себѣ она зовешъ:
 „Погибла я иперъ, погибла!“ вопиешъ.

„Ты спась меня; но смерть мнѣ снова угро-
жаешь,

„Спаси, и днесь познай, гдѣ Князь мой пребы-
ваешь?

„Спѣши къ нему, скажи, доколь я жива. . . .“

Тушь сердца тяжкій вздохъ прервалъ ея слова,
Пролился по лицу шокъ слезный — и въ мгно-
венье

Лешить послушный рабъ исполнишь пове-
лѣнье.

Решивый конь спрѣлой несешь его изъ
спѣвнѣ.

Варяжскою броней и шлемомъ покровень;

Уже за Волховомъ далеко Рымда мчишься,

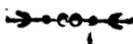
Ужъ Новградъ передъ нимъ въ шуманной мглѣ
дымишься.

При мысли: — шамо власшь враждебныя руки,

Въ немъ сердце пошряслось ошъ гнѣва и шоски.

Но съ бодростью свой пушь онъ далъ про-
спираешь,

Какъ вдругъ незапный видъ его оспановляетъ.

Гдѣ свѣплы воды Мсты спекаюся въ

Ильмень,

Въкуешъ дикій боръ, куда не входипъ день,
Тамъ Рында изумленъ, въ древесномъ шихомъ
мракѣ

Находишь воина лежащаго на злакѣ.

При взглавіи копье, на вѣшвахъ мѣдный щипъ,
Вблизи унылый конь недвижимо споишь;
Шлемъ грозный на челѣ, опущенно забрало
Черты его лица опъ взора сокрывало.

„Кпо былъ бы випязь сей?“ такъ Рында
возопиль,

И прижды грянувъ въ щипъ, опъ сна его
взбудиль;

Но ужасомъ объятъ, едва не палъ на землю.

„Тебя ли,“ випязь рекъ: „шебя ли зрю и внемлю?

„Еще ли не забышь въ Новградѣ Буривой?

„Чпо спалося съ моей супругою драгой?“

— На Волховскомъ холмѣ, въ воздвигнушой
пвердынѣ

Сокрылась опъ врага. — „Слѣши жъ ска-
зашъ Княгинѣ,

„Что съ новой силой я лечу прошивъ него.“

Внимая сладкій гласъ владыки своего,
Къ Ульмилъ вѣрный рабъ съ пою вѣснью
стремился,

Что скоро къ ней супругъ, — защитникъ воз-
вратился;

Но Князь ему во слѣдъ не могъ рѣшиться
въ пушь:

Еще опъ прежнихъ ранъ его помилась грудь.
Онъ ходъ свой по градамъ, по весямъ напра-
вляетъ

И воинство его поспѣшно возрастаетъ.

Тамъ гласъ его влечетъ и Руссовъ и Зырянъ,
На битвахъ дивну Чудъ и шепетъ дальныхъ
спранъ

Славянски племена, опъ всѣхъ непобѣдимы,
Всѣхъ быспро въ слѣдъ себя влечетъ герой
любимый.

Всѣхъ движетъ рвеніе спаси престольный
градъ,

И се верхи бойницъ вблизи уже блестятъ.

Глубока пишина окрестность облекала;
 Вдали едва заря изъ мрака возникала.
 Единный шумъ дубравъ чужь слышался съ вы-
 сошь
 И шиховъ въ брегахъ плесканье Мойскихъ водъ.
 При семъ безмолвьи Князь съ дружиной въ
 градъ вспушаетъ;
 Но мечь его нигдѣ Варяговъ не срѣшаетъ.
 Лешипъ къ черногамъ онъ на крыльяхъ шой
 мечты,
 Чшо ждуть его ужь шамъ обьяшья красоны,
 „Ульмила!“ при врапахъ взываетъ въ сей на-
 деждѣ —
 „Не съшуй! Я съ шобой! мы счастливы какъ
 прежде.
 „Ульмила!.. Но почшо не зрю себя сей часъ?
 „Я прошъ же все — швой другъ; мой пламень
 не погасъ.
 „Когда на поле бишвъ я прежде оплучался
 „И въ счастья къ тебѣ, иль въ бѣдшвъ воз-
 вращался,
 „То нѣжна грудь швоя отъ горѣспи рвалась;
 „Сшруя горячихъ слезъ на сердце мнѣ лилась;

„А нынѣ . . . ни живой взоръ, ни радостныя
пѣнья,

„Не срѣпашъ моего ршъ брани возвращенья!“

Приблизился; но что? нѣтъ свѣта межъ
древесъ;

Всѣ входы къ перемамъ осеній листь занесъ;
Помосшы облеклись пуспынной желпиною;
Лишь вънровъ шумный гуль шамъ спорить
съ шишиною.

Онъ милую еще, еще къ себѣ зовешъ;

Но эхо только спонъ изъ сводовъ опдаешъ.

„О небо! гдѣ она!“ въ сомнѣннн жестпокомъ
Воскликнулъ — и черпогъ окинувъ слезнымъ
окомъ,

Не вѣдаешъ, куда спопы свои влачишъ,

Какъ Волховъ шумомъ водъ иппи ему преппишъ.

Тамъ видишъ онъ въ брегахъ, въ ущелин
песчаномъ

Убогу хижину подъ ушренимъ шуманомъ,
Близъ коей въ сѣдинахъ рыбарь свой ушлый
чолнь

Со мрежами спускаль на змби пихихъ волнь. —

„Успѣшный старцу пушь!“ взываетъ низходящій

Въ подворье Буривой; и старецъ гласъ дрожащій,

Озряся вокругъ себя, простеръ: благодарю!—

Но кто сюда пришекъ во шмѣ?—Еще зарю

Не срѣпили въ лугахъ пернапыхъ ранни
клики. —

„Единъ изъ вѣспнжковъ Новградскаго владыки

„Приспѣлъ сюда къ его супругѣ. Гдѣ она?“—

На Волховскомъ холмѣ. — „О старецъ! коль
спрана,

„Справа родимая для чувспѣвъ швоихъ свя-
щенна,

„Когда владыки жизнь для подданныхъ без-
цѣнна,

„Попшисъ, да оживишь Княгиню вѣспѣ сія,

„Что скоро будешъ онъ въ убѣжище ея.“ —

Едва онъ рекъ, ловець раздвигъ свои вѣсприла,

И съ шумомъ веслъ ладья опъ глазъ его со-
крыла.

Съ воспоргомъ Буривой являешся въ
 полкахъ;
 Но шамъ онъ зришь мечи у всѣхъ уже въ
 рукахъ,
 Осѣдланы кони, хорутви распущенны.
 И какъ дремучій лѣсъ въ рядъ копія спѣсненны.
 „Спѣши!“ подъялся кликъ: „на бишву насъ веспи.
 „Спѣши, о храбрый Князь! Опечесство спаспи.
 „Мыслышали, что здѣсь Свенонъ неушолоимой,
 „Не видя швоея супруги, имъ любимой,
 „Собравъ богату дань, опмщение изрекъ
 „И полчища свои внизъ Волхова повлекъ.
 „Тамъ всюду мечъ и овиъ“... Сей кликъ изъ
 рашна спроя,
 Какъ громъ, смященный духъ взрываетъ Бу-
 ривоя.
 „За мной!“ гласишь: „за мной! Злодѣя истре-
 бимъ!“
 И быспро понеслись всѣ рашники за нимъ.
 Лешаишь уже вблизи зубчашый верхъ
 швердыни
 Являешъ изъ-за шучь убѣжище Княгини.

Открылся холмъ — ужъ шамъ дружини съ
ихъ вождемъ ;

О радость ! сколько чувствъ ? Забилось сердце
въ немъ.

Мгновенно нѣкій шумъ по Волхову раз-
дался ;

Что сильно съ края въ край, запынясь, вско-
лебался.

Валы во слѣдъ валамъ ударились къ холму ;
Блескъ молній освѣпилъ лѣсовъ густую пшму.
Возспалъ ужасный крикъ, и ошблески була-
шовъ

Являющъ на судахъ плывущихъ супосшавовъ :

Ихъ быстрыя кормы несутся по волнамъ
Къ бѣляющимъ въ бору Ульминымъ спѣнамъ,
Свенонъ въ шорместивенномъ, въ блестящемъ
украшенъ,

Неисповый Свенонъ предводитъ ихъ спрем-
ленъе.

„Куда ты ? о злодѣй !“ подъявъ огромный щипъ,
Взываетъ Буривой : „что здѣсь тебя манишь ?“

„Ужель мое одно сокровище : Ульмила ?“

„Такъ вѣдай, наглый врагъ ! сей холмъ — швоа
могила.“

„Сступай! моя рука докажешь, сколь ши малъ,
 „Какъ прежде съ поля бипвъ опть спрълъ моихъ
 бѣжалъ;

„Сступай!“ — О дерзскій вождь! Свенонъ въ
 ожесоченьѣ

Вопилъ: давно ль ши зрълъ опть рукъ моихъ
 паденье?

Я смертію о немъ шебъ напояну. . . .

Съ симъ словомъ дикій взоръ, чрезъ водну
 глубину,

Кипяцій кровію, съ презрѣніемъ бросая,
 Подвигся онъ къ холму, какъ шуча громовая,

Тамъ быспрою спопой касаяся земли,

„Что скажешь мнѣ пеперь?“ воскликнулъ
 издали,

И ринувшись въ ряды Новградскаго героя;

Занесъ тяжелый мечъ надъ выей Буриной;

Но мощный вождь Славянь, безшрепешный
 Опкаръ,

Покрывъ его щипомъ, опшодилъ сей ударъ.

Свенонъ, какъ алчный левъ, въ среду Зырянъ
 спремился;

Все воинство за нимъ, свирѣпшвуя, шѣс-
 нишся.

Туть сшиблась съ грудью грудь, сразился
мечъ съ мечемъ,

Валился пруть на пруть и льется кровь
ручьемъ.

Вошце бѣгущіе за хищными полками

Славяне въ нихъ дождяшъ калеными стрѣ-
лами.

Вошце Зырянскій вождь, паденье зря своихъ,
Сражаешъ Рапомысль Варяговъ каждый мигъ.

Свирѣные враги въ бою неупомимы:

Повсюду люта смершь и груди шѣль предъ
ними.

Такъ ясный горизонтъ съ полунощи зашмивъ,

Незапная гроза, среди богатыхъ нивъ

Цвѣщущіе плоды на корнѣ повергаешъ,

И вшоргшись въ часпый лѣсъ, съ землей древа
срываешъ.

Свенонъ лепишъ на холмъ, гдѣ верхъ

пвердыни зримъ,

Какъ шамъ изъ дебрей Чудь являешся предъ

нимъ.

Ея безспрашный вождь, Израдь, въ спремени
яромь,

Варяжскаго Царя встрѣчаешь вдругь ударомь.

Огромный щипь его опь сильного меча,

На части раздробясь, сорвался со плеча.

Свенонь воспрепечаль; но вкругь его булаши

Израда облеснувь, пронзающь мѣдны лапы.

Трикрашно осприве ему вонзалось въ грудь;

Трикрапъ его спасти за нимь спремилась

Чудь!

Онъ молнѣй средь враговь изъ ряда въ рядь

мешался,

И съ жизнию своей ихъ смерщью распавался.

Все рушилось предь нимь; — но сила пре-

могла:

Онъ палъ, и съ кровью жизнь изъ груди из-

спекла.

Тогда Израдовъ другь, смущясь его па-

деньемь,

Опкаръ прошивъ враговь подвигся люшымь

мщеньемь

Мгновенно обративъ стремленье рашныхъ
 силъ,
 Къ Свенону самому онъ пушъ себѣ ошкрылъ.
 Наспигъ его; — но вдругъ Гордаръ неблаго-
 дарный,
 Измѣнникъ своего Опечесшва коварный,
 Размахъ его меча щипомъ оспановиль.
 Ошкаръ къ измѣннику всѣ силы успремиль:
 Онъ смерщнымъ осприемъ, вращавшимся при-
 крапы,
 На нолы раздробиль его желѣзны лапы.
 Удариль въ шлемъ, — Гордаръ свергаешся
 съ коня,
 Онъ множесшва — мечей звучипъ его броня;
 Гордаръ низшалъ, ползешъ, воспрянуль, убѣ-
 гаешъ;
 Но Рында, появясъ, копье въ него вонзаешъ,
 И сорванну потомъ главу его въ крови,
 Подъязши, возгласиль: „Се данъ швоей любви
 „Къ опечесшмой спранъ, предашель дерзновен-
 ный!“
 Воззвалъ и — вшоргся въ брань, какъ шигръ
 ожешпоченный.

Такъ Рында защищаль Опечество въ бою.

Межь пѣмъ носилась смерпъ во враже-
скомъ спрюю:

Тамъ храбрый Буриной съ вождемъ опважной
Чуди,

Свенона окруживъ, смыкаюпъ грудь ко груди.

Ихъ быстрые мечи, сверкаючи вокругъ,

Тесняпъ его, разяпъ; опспрануль онъ, но
вдругъ

Лѣшипъ къ нимъ, вновь его кольчуги зазвучали,

Удары на ударъ, на раны раны пали.

Свенонъ опъ нихъ въ свои бросаеися ряды,

Гдѣ новы бѣдспвія спрегутъ его слѣды.

Невѣдомый герой являеися во брани;

Ужасна грозна спаль въ его опважной длани.

Онъ мужеспвомъ побѣгъ Свенону воспрешилъ

И полчища его вновь къ бишвѣ обрашилъ.

Какъ волны водный вихрь влечешъ въ свою
пучину,

Такъ вишязъ низлагаль Варяжскую дружину.

Воище его шеснитъ ихъ яроспна борба;

Ихъ мышца предъ его могущеспвомъ слаба.

Ч. III. Кн. I.

Все рушило его чудесное стремленье.

Новгородскій Князь, узрѣвъ злодѣевъ низ-
ложенъе,

Удвоилъ прошивъ ихъ усилія свои,

И всюду пошекли кровавыя ручки.

Онъ къ вишязю проникъ средь вражескаго
круга.

Но кто его очамъ являешся? Супруга.

„Ульмила!“ вопіешъ въ объятіяхъ у ней,

„Что было бы виной опважности твоей?“ —

— Виною — ты одинъ, Ульмила отвѣчала.

Въ опчаянны со стѣнъ на башню я взираю,

Какъ нѣкій воинъ вдругъ ко мнѣ приноситъ
вѣсть,

Что въ башнѣ ты погибъ. Въ то время люта
мечь

И вѣрной бышь тебѣ сердечное желанье

Подвигнули меня съ врагами въ сосязанье ;

Но здѣсь открыла я коварство наконецъ :

Сей вѣстною меня привлекъ Гордари, шай-
льщецъ.

Онъ, видя перевѣсъ оружія къ Новграду,
 Въ сей хитроспи мечшаль найши себѣ по-
 щаду;

Но щещною себя надеждою пипаль. —

„Ахъ! другъ мой!“ Буривой слова ея прерваль:

„Коль любишь ты меня, бѣги, бѣги опселъ“

— Какъ? мнѣ тебя бѣжашь, доколѣ духъ мой
 въ шѣлѣ,

Въ опасности тебя оставишь не могу.

Супруга ли предамъ Опечесшва врагу?

Нѣшъ, лучше бышь съ побой, что Боги бѣ
 ни судили. —

Внезапно гласы прубъ побѣду возвѣспили;

Новградскіе полки разсѣяны въ поляхъ.

Едина Русь врагамъ наводишь нѣкій спрахъ.

Варяги въ шоржесшвѣ. „Друзья!“ гласишь

Ульмила:

„Ужель прошиву нихъ ослабла наша сила?

„Ударимъ!“ — Съ словомъ симъ быспрѣ ор-
 лихъ крыль

Взвергаешся, и воѣ за нею, въ бранный пыль.

„Опмщу шебѣ за чесшь!“ глася, булашомъ
блещеть;

Свенонъ, ее познавъ, ошъ ужаса шрепещеть.

Въ свирѣпствѣ, наконецъ, лепишь прошивъ
нее;

Но взоръ, прелестный взоръ сдержаль его
копье.

Ульмила вѣрною дружиной окруженна,

Заносишь осприе на изверга спѣсенна,

Копорый, опразивъ меча ея размахъ,

Послѣшно во своихъ скрывается рядахъ.

„Опмщу!“ она гласишь, и въ полчищахъ злодѣя,

Любезнаго спасши желаньемъ пламенья,

Теряется ошъ глазъ супруга своего.

Варяги между пѣмъ, шрепещуци его,

По Волхову въ ладьяхъ послѣшно убѣгаюшь;

Кровавые ручьи слѣды ихъ омываюшь.

Вошце Новградскій Князь, преслѣдуя враговъ,

Любезную спокрапъ зовещъ изъ ихъ рядовъ,

Нѣшь гласа: — онъ спѣшишь на брегъ свой,

къ ней зываещъ,

Но шолько шумный боръ спенаньемъ ошвѣ-

чаещъ.

Уже изъ-за холма всходящая заря,
 На поле рашное лучи свои простря,
 Со грудь лежащихъ шѣль сгоняла прочь шу-
 маны ;

Лишь Волховъ навѣвалъ прохладу имъ на раны:
 Въ то время Буривой, съ вождями вокругъ его,
 На поприще изшелъ изъ спана своего,
 Да падшимъ за свое Опечесиво во брани,
 Чесивуя ихъ любовь, воздасъ послѣдни дани.
 Но сколь плачевный видъ! Здѣсь палъ его родной,
 Тамъ другъ его въ крови съ разсѣченной
 главой.

Здѣсь мощный вождь Израдъ, шамъ, горестна
 картина!

Опкаръ объемлеть шрупъ единспвеннаго сына.
 Онъ, къ славъ въ цвѣтѣхъ лѣтъ любовію возженъ,
 Неисповой рукой Гордара пораженъ.

Сей видъ въ ужасну скорбь повергнулъ Буривой;
 Испочникъ горкихъ слезъ омылъ лице Героя.

Межъ цѣмъ онъ слышишь вопль изъ груди
 мертвыхъ шѣль :

„Подай мнѣ помощь, Князь! пы смерпи мнѣ
 хошѣль.“

На сей плачевный гласъ спѣша въ древесну
чащу,

Подходитъ Буриной шамъ къ воину лежащу.

Пернашый шлемъ скрывалъ черпы его чела;

Преломленный булашъ повержень у чресла;

Спруилась ала кровь сквозъ панцыри раз-
бишы.

Князь тихо сдвинулъ шлемъ, открылъ его
ланишы.

Но что находить онъ? Ульмилу предъ собой!

„О Боги!“ вѣ себя зываетъ Буриной,

„Ульмила!“ ... Тушь она, открывъ глаза шу-
манны,

„Смотри,“ произнесла „коль сладостны мнѣ
раны,

„Смотри, и вѣрную супругу не забудь!“

Съ слезами Буриной повергся ей на грудь.

Дрожащею рукой она его объяла,

И съ смертію борясь, „просни!“ ему вѣ-
щала;

„Просни! но въ знакъ того, что мной ты
былъ любимъ,

„Отдай сей памятникъ родителямъ моимъ;—

„Да вѣдають они, какъ дщерь ихъ умираеть!“

Безмолвствуя, свой щипъ къ супругу проспираеть,
 раеть,

Возводишь помный взоръ къ любезному въ
 слезахъ

И жизни слабый свѣтъ померкъ въ ея глазахъ *).

Въ оспашкахъ древнихъ стѣнъ несчастной
 прахъ сокрытый

Какъ будто шепчеть вамъ дѣянья знамениы
 Прошкшихъ дивныхъ лѣтъ. Когда взойдетъ
 луна,

Вкругъ холма нѣкій плачь разноситъ памъ
 волна,

И спранникъ, восходя на верхъ его, внимаеть
 Унылый споръ вѣковъ. Тамъ все напоминаеть
 Чувстввишельнымъ сердцамъ въ глубокой пи-
 шинѣ

Супружнюю любовь и долгъ къ родной спранѣ.

Е. Люценко.

*) Буривой удаллся вновь въ городъ Кареллы, гдѣ, какъ извѣстно по Ишоріи, оспашался до конца своей жизни:

ГРОЗНАЯ НОЧЬ.

Ты проснулась, — воешь буря!

Хлоя! слышишь рвзкой свистъ? —

Осень, сводь небесь нахмуря,

Съ дрьвь спрясаешъ хрупкй лисъ.

Ночь съ грозой сошла на землю,

Крупный дождь въ окно спучишь;

Шумный ропощь волнь я внемлю:

Днѣпръ въ скалахъ ключемъ кипишь! —

Тамъ пловцевъ застигла шуча,

Валь сердитый на мель бьешъ;

Спонешъ шатка снасть скрыпуча,

Съ воемъ вихрь канаты рвешъ.

Съ сильнымъ свиспомъ, съ мачтъ сдирая,

Треплешъ съ прескомъ паруса:

Бьешъ, спучишь, раздравъ, свивая

Рвешъ и мечешъ въ небеса! —

Слышишь! — глухо огласилась
 Даль ошь бури и громовъ,
 Въ темный боръ гроза вломилась:
 Слышишь! — рухнулъ царь лѣсовъ!

Спранникъ, бурей застиженный,
 Помершвѣлъ, дрожишь какъ листъ:
 Спрашенъ мракъ, — и лѣсъ сгущенный
 Спрашно вшоришь бури свистъ!

Но мятежны взыры, воя,
 Намъ неспрашны въ шалащъ:
 Не смушишь ничто покоя,
 Коль покой живешь въ душѣ.

Нась любовь спржеешь и грѣешь
 Подъ злымъ своимъ крыломъ;
 Пусшь шамъ буря свирѣеешь,
 Пусшь грохочешь въ шучахъ громъ!

Мы не ссоримся съ судьбою,
 И не ропщемъ на Творца;
 Хлоя! мнѣ шалащъ съ побою
 Краше пышнаго дворца.

Другъ мой! небо намъ защитой,
 Грозной бури не спрашисъ,
 И пылающей ланишой
 Ко груди моей прижмисъ! —

И прелестная супруга,
 Вявь, что другъ ей говоритъ,
 Уклонясь въ объятія друга,
 Какъ дыша, безопасно спишь! . . .

Долго молніи блискали
 И будиль злодѣевъ страхъ;
 Въ пышныхъ домахъ шрепешали,
 Сладко спали въ шалашахъ.

И тогда, какъ обновленный
 Ясно день ужъ засвѣшилъ,
 Милую супругу блаженный
 Поцѣлуемъ разбудилъ! —

Федоръ Глинка.

Я пью изъ чаши роковой,
 Друзья, и Вакхъ пеперь со мной!
 Теперь я вами упѣшаюсь,
 Наступишь вечеръ *) — распрощаюсь,
 Наступишь вечеръ — и вашъ другъ
 Сойдетъ на вѣкъ въ подземной кругъ,
 Съ Плутономъ пишь, съ нимъ веселишься
 И жизнью новой насладишься.

А ты, прелестная Наяда,
 Другъ вѣрной мой, моя опрада,
 Приди и окропи слезой
 Мой прахъ, сокрытый подъ землёй!

Когда же утренняя роса
 Спадетъ на доли, на лѣса,
 Распанься ты съ моей могилой,
 Забудь меня, мой геній милой,
 И искреннихъ себѣ друзей
 Найди между живыхъ людей:

*) У древнихъ осужденнымъ на смерть давали выпивать ядъ обыкновенно вечеромъ, дабы они могли еще воспользоваться цѣлымъ днемъ своей жизни.

Безумной спрасью пошь пылаешъ,
Кшо къ праху вѣрносшь сохраняешъ!

Ужель проспишься шы съ красою,
Какъ нѣжна лилія съ весною? . . .

Уже ли на зарѣ своей
Не узришь больше красныхъ дней? —

Еще наполню кубокъ свой;
Друзья, не опсшаваъ, за мной!
До дна вы чаши осушайте,
За здравіе жрецовъ вкушайте.
Пусть къ Спиксу гоняшь всѣ меня;
Сего дня же шамъ буду я,
Взойдешь лишъ мѣсяць со звѣздами;
Но завтра — очередь за вами!

Друзья! еще одно желанье;
Наспулишь скоро расшаванье,
Пробьешъ, пробьешъ послѣдній часъ —
И я на вѣкъ оспавлю васъ:

Въ знакъ искренней любви своей,
Надъ урной хладною моей,
На мѣстѣ помъ сооруженной,
Куда я мракомъ покровенной,

Сойду сномъ безпробуднымъ спашь,
Сей стихъ велише напишашь:

„Умѣлъ онъ жизнью наслаждашья,
„Умѣлъ и съ жизнью распашья!“ —

Въ послѣдній разъ сію злапую
Наполню чару круговую;
Въ честь Вакха, въ честь моихъ друзей
Я спану пишь шеперь изъ ней.

А ты, о другъ безцѣнный мой,
Наяда — радость и покой!
Моимъ воспоргамъ улыбнися
И къ сердцу спраспному прижмися;
Въ объятяхъ пламенныхъ пвоихъ,
Свершивъ послѣдній въ жизни мигъ,
Плющемъ и миршами вѣнчанный,
Я сиду въ край давно желанный.

Ал. Дуроль.

КЪ ЮЛІИ.

Гдѣ ты, о Юлія! другъ милый,
Единокровная моя?

Во мракѣ ль хладныя могилы
Заросшей мхомъ, искашь себя?
Граду на камень швой надгробной
И грудью разобью его;
Подъ нимъ пещеру смерти злобной
До гроба взрою швоего.

Но въ немъ ковчегъ лишь сокрушенный
Твоей души, доброшъ, ума;
Гдѣ жъ ты сама, о другъ безцѣнный,
О Юлія! — гдѣ жъ ты сама? —
Не ты ли въ вѣяньи Зефира?
Не въ запахѣ ли розы ты?
Или въ сіяніи эфира
Твои разлиши красоты?

Не ты ли упренней зарёю
 Мнѣ кажешься въ моемъ окнѣ?
 Не ты ль вечернею росою
 Вся разливаешься по мнѣ?
 Не ты ли, для моей оспрады,
 Среди ночныхъ тишинъ,
 Ко мнѣ возводишь помны взгляды
 Изъ-за печальныхъ луны?

Когда жъ по своему примѣру,
 Творцу молюсь я въ грусти злой,
 Не ты ль тогда свящую Вѣру
 Приводишь въ помощь мнѣ съ собой?
 И чшобъ умѣришь скорби люпы
 Вселяешься въ груди моей? — — —
 Такъ, Юлія такъ въ пѣ минушы
 Ты бьешься, — а не сердце въ ней.

Графъ С. Салтыковъ.

ГИМНЪ ВЕСЕЛОСТИ.

Въ прекрасные младые годы,
Когда мы радость всюду зримъ,
Друзья! — въ часъ милыя свободы
Веселость мы вѣнкомъ почтимъ.
Нась долгъ священный заспаляешь
Ей честь божественну воздашь;
Она жизнь нашу украшаетъ;
Такъ можно ль бы ея отказать?

Любовь съ волшебными мечтами
На крыльяхъ времени летитъ;
Веселость, какъ весна, цвѣтами
Дней нашихъ зиму оживитъ.

Веселость горе улаждаетъ ;
 Оспраду въ помно сердце льетъ ;
 Она подпорою бываешь
 Младыхъ и преспарѣлыхъ лѣтъ.

Веселости кпо гласу внемлеть,
 Того несчасье не спрашивъ ;
 И самая краса приѣмлетъ
 Опъ ней свой блескъ и милый видъ.
 Она и мудрость украшаетъ
 Чудесной прелестью своей ;
 Съ ней въ дѣвяхъ сила возрастаетъ
 А сшарость зришь подпору въ ней.

Но радость и веселья прочны
 Лишь въ добродѣтельныхъ сердцахъ ;
 Когда же чувспва въ насъ порочны,
 То нѣтъ улыбки на устахъ.
 Чшобъ бышь невинности красою
 Веселость опъ Судебъ дана ;
 Безъ ней душа, полна шоскою
 Былабъ какъ безъ цвѣшовъ весна.

Веселость! благо несравненно.

Причина счастья въ жизни сей!

Чело спраданьемъ ошугченно

Украсть пы въ шарости моей!

Пишая въ чувспвахъ восхищенье

И всѣ восторги лѣшъ молодыхъ;

Я саму смерть за наслажденье

Приму въ объятіяхъ своихъ. —

Ал. Кирѣевскій.

ФІАЛКА и ДУБЫ.

ВАСНЬ.

Въ глуши подь хвороспомъ, въ долинь
Фіалка на судьбу задумала ропшашь:

„За что шакъ счастливы шамъ дубы на вер-
шинь?

„Куда имъ весело на высотѣ спояшь!

„Для нихъ и свѣтъ открышь, они и къ солнцу
ближе!

„А я? что можешь бышь моей здѣсь доли
ниже?

„Мнѣ право жребій мой пошпль!“...

Еще не кончила — вдругъ спрашно боръ завылъ —

Стемнѣли небеса — и въпры налетѣли:

Въ гремящихъ шучахъ блескъ!

Въ лѣсахъ дремучихъ шрескъ!

И дубы гордые, шашаясь, заскрипѣли!...
 Фіалка слышала ихъ вопль, ихъ шаяжкій сонъ;
 Но слышала вдали и словно какъ сквозь сонъ:
 Ей буря въ высотѣхъ ревуца не вредила.

Когда жъ все стихло въ небесахъ,
 Она увидѣла, что буря на холмахъ
 Всѣ дубы съ корнемъ вонъ и лоскомъ положила...

И шупъ-шо распозналъ неопытный цѣшпокъ,
 Что доля мирная, что пихой уголокъ
 Надежнѣй и вѣрнѣй, чѣмъ гордыя вершины,
 Гдѣ часшо падаюшъ подъ бурей исполины.

Ө. Глинка.

С М Ъ С Ъ.

(Über Russlands Papiergeld und die Mittel dasselbe bei einem unveränderlichen Werthe zu erhalten. Von Ludwig Heinrich von Jacob. Halle. 1817. 168 Seiten in 8.)

О Россійскихъ бумажныхъ деньгахъ и средствахъ доставить имъ постоянное достоинство. Сочиненіе Лудвига Гейнриха фонъ Якова. Галле 1817. 168 строкъ въ 8-ю дол. *).

Г. Яковъ долго находился въ Россіи; онъ извѣстенъ сочиненіями своими о Государственномъ хозяйствѣ вообще и о различныхъ предметахъ, касающихся въ особенности до Россійскихъ финансовъ. Книга сія, кошорой намѣрены мы представить здѣсь

*) Книга сія уже переведена и вскорѣ будетъ напечатана. Надѣмся, что она принесетъ много удовольствія любителямъ Государственной Россійской Экономіи.

краткое содержаніе, издана на Нѣмецкомъ языкѣ и, по важности заключающихся въ ней разсужденій, заслуживаетъ особенное вниманіе.

Авторъ, приступая къ изложенію мнѣнія своего о способѣ доставленія Россійскимъ ассигнаціямъ постоянного противъ серебряной монеты курса, вначалѣ разсуждаетъ о причинахъ упадка цѣны ассигнаціонныхъ рублей. Причины сіи полагаетъ онъ не въ упадкѣ вексельнаго курса, то есть, не въ низкой цѣнѣ нашихъ ассигнацій въ иностранныхъ мѣстахъ; но въ умноженіи ассигнацій и въ послѣдовавшемъ отъ сего умноженіи денежныхъ капиталовъ сверхъ надобности для внутреннихъ оборотовъ. Онъ замѣчаетъ въ семъ мѣстѣ, что состояніе вексельнаго курса или цѣна нашихъ ассигнаціонныхъ рублей въ иностранныхъ мѣстахъ превышала почти всегда состояніе денежнаго курса въ Государствѣ, или цѣну ассигнаціонныхъ рублей въ серебряной монетѣ: слѣдовательно пониженіе цѣны ассигнаціямъ произошло не извнѣ, но имѣло начало свое во внутреннихъ оборотахъ.

За симъ Г. Якобъ, разсуждая о количествѣ всѣхъ обращающихся въ Государствѣ

ассигнацій въ сравненіи съ необходимымъ для внутреннихъ оборотовъ количествомъ металлическихъ денегъ, выводишь слѣдующія заключенія: 1) Что нынѣшнее состояніе цѣны ассигнаціоннаго рубля, продолжающееся съ мало важными перемѣнами уже нѣсколько лѣтъ, показываетъ съ нѣкоторою достоверностію истинную соразмѣрность ассигнацій къ серебрянной монетѣ, или существенное достоинство ассигнаціоннаго рубля, равняющагося одной четверти рубля серебряннаго. 2) Что однако же постоянной цѣны ассигнаціямъ еще ожидать нельзя и 3) что и вексельной курсъ или цѣна денегъ нашихъ въ иностранныхъ мѣстахъ также подвергаться будетъ измѣненіямъ. Справедливость заключеній своихъ доказываетъ Г. Якобъ разными доводами и примѣрами, взятыми изъ событій, какъ въ Россіи, такъ и въ другихъ Государствахъ, наипаче въ Англіи случившихся.

Представивъ такимъ образомъ нынѣшнее состояніе денежнаго курса въ Россіи, Г. Якобъ предлагаетъ вопросъ: „Чего надлежитъ желать касательно курса нашихъ ассигнацій?“
Общее всѣхъ или большей части народа желаніе, клонится (по мнѣнію Г. Якоба) къ тому, что бы цѣна ассигнацій, возвышаясь по

степенно, достигла наконецъ первоначальнаго цѣны серебра сосполнѣя. Такое возвышеніе должно однакоже встрѣпить многоразличныя затрудненія при принятіи разныхъ, въ сей цѣли ведущихъ мѣръ, а сверхъ того такое возвышеніе, по мнѣнію Г. Якоба, должно произвестн въ денежныхъ оборотахъ болѣе неудобства, нежели пользы. Возвышеніе сіе можетъ послѣдовать шнмо постепенно, смотря по количеству ассигнацій, которыя исподволь изъ обращенія выводимы будутъ, и слѣдственно измѣненіе и колебаніе достоинства ассигнаціоннаго рубля не токмо не прекратится, но и разпространится еще на многіе будущіе годы. Всѣ неудобства, произшедшія въ денежныхъ оборотахъ отъ пониженія курса ассигнацій въ послѣдніе годы, имѣютъ произошли вшорично, но токмо въ обратномъ порядкѣ отъ возвышенія сего курса. Основываясь на такихъ предположеніяхъ, Г. Якобъ считаешь выгоднѣе и справедливѣе доставить ассигнаціонному рублю, сообразную съ нынѣшнимъ его достоинствомъ, постоянную и непремѣнную цѣну серебра цѣну. Но какимъ образомъ достигнуть до сей цѣли?— Простее, но вѣрно къ предположенной цѣли ведущее средство, по словамъ его, есть учре-

жденіе банка, кошорый размѣнивалъ бы ассигнаціи на серебрянную монету, плаща за рубль одинаковое и поспоянное количество серебрянной монеты. При учрежденіи такового банка встрѣчающся два затрудненія: на какихъ положеніяхъ оставилъ упомянуый банкъ, и по какой соразмѣрности опредѣлишь поспоянное достоинство ассигнаціоннаго рубля противъ серебрянной монеты? — Въ отвѣтъ на послѣдній вопросъ Авторъ предполагалъ, что существенное достоинство ассигнаціоннаго рубля съ нарочитою достоверностію опредѣлишь можно $\frac{2}{3}$ и $\frac{1}{4}$ долею серебряннаго рубля. Предположеніе сіе подтверждается разными заключеніями, выводимыми Авторомъ изъ возвышенія цѣны жизненными припасами и плащи за работу, изъ поспояннаго или шокмо маловажнымъ измѣненіямъ подверженнаго состоянія курса ассигнаціонныхъ денегъ въ послѣдніе годы, и изъ примѣрнаго изчисленія всего количества обращающихся въ Государствѣ ассигнацій. Въ слѣдствіе сего полагается, что достоинство ассигнаціоннаго рубля опредѣлишь можно въ $\frac{1}{4}$ серебряннаго рубля или въ 25 копѣекъ серебряною монетою. На семъ основаніи банкъ производилъ бы плащекъ въ серебрѣ на всѣ

представляемыя ему ассигнаціи. Оный учре-
дитъ можно или на счетъ казны со вкладомъ
25 миліоновъ рублей серебромъ, или посред-
ствомъ частныхъ вкладовъ. Въ семъ послед-
немъ случаѣ правительство могло бы пору-
чить обществу частныхъ особъ учрежденіе
банка и управленіе онымъ. Общество сіе со-
ставило бы основной капиталъ изъ 25 миліо-
новъ рублей серебромъ посредствомъ вкладовъ
или акцій въ 1000 рублей серебромъ. Для
обезпеченія банковыхъ вкладчиковъ и чинямаго
ошъ онаго банка плашежа по предъявляемымъ
ассигнаціямъ, Авторъ предлагаетъ ошдатъ
банку, въ управленіе на закладномъ правѣ, со-
размѣрное числу выпущенныхъ ассигнацій
количество государственныхъ имуществъ.
Банкъ пользовался бы одною четвертою до-
лею частныхъ доходовъ сихъ имуществъ.
Главною цѣлю сего банка было бы поддержаніе
постоянной цѣны ассигнаціоннаго рубля,
опредѣленной вышеизъясненнымъ образомъ.

Мы, представляя вкратцѣ содержаніе сего
сочиненія, не могли, можетъ быть, изложитъ
мнѣнія Автора довольно ясно и понятливо,
особливо для читателей, копорымъ по не-
привычкѣ занимаешься сими предметами, по-
кажутся нѣкоторыя предложенія темными.

Въ разсужденіи же тѣхъ, которые желаютъ узнать въ подробности мнѣніе Авшора, слышаемся мы на самое сочиненіе, довольствуюсь въ такомъ случаѣ, что обратили на оное вниманіе.

ИЗЪВЛЕЧЕНІЕ

ИЗЪ ПИСЬМА Г. КОРРЕСПОНДЕНТА.

Изъ Москвы,

Въ сей столицѣ — въ саду Генераль-Маіора Ивашева открыты минеральныя воды. Три Профессора ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета Гг. Фишеръ, Рейсъ и Кошельницкій были отправлены для изслѣдованія свойства сихъ водъ, на которые обратилъ вниманіе свое Г. Московскій Военный Генераль-Губернаторъ.

Вотъ описаніе сего цѣлебнаго источника, сдѣланное означенными Гг. Профессорами:

„Сии воды вытекаютъ изъ песчанаго слоя, со дна колодезя, въ три сажени глубиною,

„который по приказанію владѣльца пониженъ
 „почпи на сажень для уменьшенія въ немъ
 „высоты воды. Надъ нимъ сдѣлана каменная
 „бесѣдка.

„Вода въ колодезѣ совершенно прозрачна
 „и безцвѣтна; въ правой сторонѣ его при-
 „мѣтны воздушные пузырьки, поднимающіеся
 „безпрестанно со дна на поверхность. Воз-
 „духъ, производящій пузыри, есть газъ угле-
 „кислый, коего опдѣленіе замѣчено Профес-
 „соромъ Рейсомъ въ самомъ ключѣ на днѣ
 „колодезя, когда вода изъ него со всѣмъ была
 „вычерпана.

„Запахъ этой воды, а особливо вкусъ ея,
 „показываетъ, что въ ней находится желѣзо,
 „которое посредствомъ противодѣйствую-
 „щихъ веществъ, — какъ то: чернильныхъ
 „орѣшковъ и Прусско-кислаго пошаша, дѣлается
 „видимымъ. Пропорція этого начала доволь-
 „но подходитъ къ находящейся въ извѣстнѣй-
 „шихъ желѣзныхъ водахъ въ Пирмонтѣ и Спа.
 „Пропорцію желѣза должно полагать полграмма
 „на фунтъ воды.

„Вещество, растворяющее желѣзо есть
 „угольная кислота; но этойъ газъ находится
 „въ сей водѣ гораздо въ большемъ количествѣ,

„нежели сколько нужно для соспавленія угле-
 „кислаго желѣза и разшворенія его въ оной.
 „Онъ даже шакъ обилень, чшо доспавляетъ
 „эпой водѣ слабый кисловашый вкусъ, сое-
 „диненный вмѣстѣ съ желѣзиспымъ. Эшопъ-
 „шо газъ покрываетъ внушреннюю поверх-
 „носшь наполненнаго сею водою спакана
 „множешвомъ воздушныхъ пузырьковъ.“

„Сверхъ шого содержишся въ эпой водѣ
 „весьма малое количешво углекислой извѣспи;
 „но другой средней соли въ шакомъ количе-
 „ствѣ, которое бы можно было ошдѣлишь,
 „ни одной не найдено.“

Оныя наблюденія доказываютъ, чшо сїи
 воды принадлежатъ къ классу желѣзиспыхъ,
 кисловашыхъ, и чшо они занимають ошлич-
 ное мѣсто, особливо между желѣзиспыми во-
 дами въ Россїи.

Сїе химическое разложение показываетъ,
 чшо Ивашевская вода имѣеть соспавныя на-
 чала сходныя съ водами Пирмонша и Спа;
 почему цѣлительная сила ея, какъ заключаецъ
 Докторъ Медицины и Хирургїи Профессоръ
 Мужинъ, ешь укрѣпляющая шѣло, возбужда-
 ющая жизненныя силы и горячительная. Дѣй-
 ствіе ея должно ускорять кровообращеніе,

умножать багрянотъ (сигог) крови, согревать и сжимають шло, дають физическую крѣпость волокнамъ и возбуждають къ пищу.

Пропустимъ изчисленіе болѣзней, въ которыхъ можно употребляють воды сіи, и заключимъ вообще словамъ самихъ Гг. Профессоровъ, изслѣдовавшихъ ихъ свойства:

„Воды сіи равно полезны, какъ для внутреннего, такъ и для наружнаго употребленія, и желательна, что бы Медики воспользовались оными при излеченіи болѣзней.“

Генераль-Маіоръ Ивашевъ желаетъ при сихъ водахъ устроить приличное зданіе съ чешырьмя ваннами для пользованія спржающихъ въ Госпиталяхъ военно-служащихъ и бѣдныхъ. — Быть можетъ цѣлебная сила Ивашевского источника удержишь соземцовъ нашихъ отъ путешествія къ водамъ заграничнымъ.

В.....

УЧЕНЫЯ ИЗВѢСТІЯ,

ИЗЪВЛЧЕННЫЯ ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Въ Парижѣ изданы Энциклопедическія описанія (annales encyclopediques), собранныя Г. Милленомъ. Онѣ заключаютъ въ себѣ драгоценныя во всѣхъ родахъ наукъ и изящныхъ искусствъ матеріалы. Ученый и просвѣдъ найдутъ въ семъ твореніи шакія сокровища, кошорыя безъ пособія онаго, приобращаются съ большою пошвредою времени и нерѣдко съ нарочистыми издержками.

Въ Антверпенѣ основалось общество для распространенія общепользыхъ знаній, подъ именемъ: Общества друзей наукъ. Нынѣ присоединилось оно къ извѣстному обществу: Tot nut van het Algemeen.

Священникъ Елардъ Ромерсгаузенъ въ Ахенѣ изобрѣлъ новое орудіе для удобнаго

измѣренія мѣспѣ, которое называлъ онъ *Диастиметромъ*. Оно отличаетъ предъ всѣми до него изобрѣшенными инструментами преимущественно тѣмъ, что для измѣренія онымъ потребно малое время, и что при самомъ измѣреніи разрѣшаетъ само собою тригонометрическія всякаго рода изчисленія. Орудіе сіе устроено весьма просто и замѣняетъ, въ разсужденіи скорости и точности измѣренія, всѣ употребляемыя до нынѣ въ подобныхъ случаяхъ таблицы и трудныя выкладки.

Въ Парижѣ выходитъ въ десяти часяхъ новое, исправленное и дополненное изданіе Французской Исторіи, сочиненной Анкепи-лемъ. Она начинается отъ Галловъ и оканчивается смертію Лудовика XIV.

Въ Тонгернѣ найдены при устроеніи новой дороги многія Римскія древности, между коими наиболее отличаетъ изваянный идолъ, который сообщилъ свою глазуръ землѣ, оной окружавшей. Также открыта древняя Римская большая дорога, которая споль опровергла, что токмо съ большою силою можно было ее отрыть.

Математическій классъ Королевской Академіи наукъ въ Берлинѣ, предложилъ на 1819 годъ слѣдующую задачу: сдѣлать, гдѣ Геометрическое описаніе какой бы то ни было кристаллизаціи (известковаго шпата, пшяелаго шпата, плавика, или искусственныхъ солей) не шерминами минералоговъ, но собственно Геометрическими выраженіями, и опредѣлить проницаніе слоевъ и образованіе зерна; и 2е положеніе законовъ приращенія, изъ коего поясняется внутреннее строеніе кристалловъ по законамъ Механики и представляющія въ аналитическихъ формулахъ.

Въ Лондонѣ изданы *Memoirs relating to European and Asiatic Turkey; edited from Manuscript Journals, by Robert Walpole*. Сіе превосходное твореніе заключаешъ въ себѣ собраніе дневныхъ записокъ, сообщенныхъ многими учеными путешественниками, посѣщавшими Турцію. Относительно Географіи; преимущественно же познанія древней Греціи и малой Азіи, содержишъ оно неоцѣненныя сокровища. Г. Вальполь, извѣстный какъ путешественникъ, Филологъ, Археологъ и Спикешворецъ, присоединилъ къ оному многія собственные сочиненія въ видѣ примѣча-

ній. Здѣсь изчислены въ почности причины безсилія и паденія Турецкой Монархїи. Уже съ основанія Опшоманской Поршы, воинскій духъ народа началъ приходишь въ упадокъ. Наболѣе же содѣйствовали упадку Государства сего, открышіе плаванія около мыса Добрай Надежды, запрудненіе въ перевозѣ товаровъ, моровая язва и недоспашокъ въ пахашной землѣ, отъ чего нѣкоторыя Турецкія области совершенно обезлюдѣли и превратились въ пустыни. На островѣ Кипрѣ, на кошоромъ до завоеванія онаго Турками счишали до 14,000 деревень, находится нынѣ до семи сошь; многіе цвѣтушіе города исчезли, водоемы и каналы, кошорые въ жаркихъ странахъ совершенно необходимы, находятся въ запустѣнїи и завалены. Страна между Тигромъ и Евфратомъ опустѣла и нынѣ уже шой богатой и славной Сирїи, кошорая снабжала своими драгоценными произведенїями многія части свѣша.

Извѣстно всѣмъ, сколь велики успѣхи Англійскаго Правительсва въ распросраненїи чпенїя Библіи. Примѣръ онаго возбудилъ къ всеобщему подражанїю; успѣхи сего предпрїятїя не шолько съ самаго начала

учрежденія Библейскихъ Обществъ явно и ясно видны уже повсюду; но и на времена будущія принесуть безъ сомнѣнія полезныя плоды. Г. Овенъ издалъ нынѣ въ Лондонѣ Исторію начала и перваго десятилѣтія Общества, учрежденнаго для распространенія Библейскаго чтенія въ Велико-Британіи и другихъ странахъ свѣша.

Въ Парижѣ издано на Французскомъ языкѣ путешествіе Головина. (Желательно было бы слышать описывы иносранцевъ о столь неушомимомъ Русскомъ путешественникѣ, о кошоромъ Сынъ Опечества не осшавлешъ по временамъ извѣщашъ публику.)

Художникъ Іоаннъ Мельцль въ Вѣнѣ изобрѣлъ новой инспрументъ для опредѣленія шакша въ музыкѣ, кошорой назвалъ онъ *Метрономомъ*. За сіе изобрѣшеніе получилъ онъ привилегіи ошъ Императора Авспрійскаго, Короля Французскаго и Принца Регенша Англійскаго.

ЗАПИСКИ ОБЩЕСТВА.

Г. Дѣйствительный Членъ О. О. Папковичъ, по случаю возведенія его, на основаніи §§ 24 и 42 первой части Устава, въ сіе званіе изъ Членовъ - Корреспонденцовъ, произнесъ въ засѣданіи 29 Іюля краткую благодарственную рѣчь, которую Общество, сообразно съ своими правилами, помѣщаетъ въ издаваемыхъ имъ трудахъ.

„Споспѣшествовать цѣли Общества, основаннаго на спасительныхъ правилахъ Просвѣщенія и Благотворенія, для ума наизидательно, для сердца благопріятно. Не могу не восчувствовать въ полной мѣрѣ лестнаго къ трудамъ моимъ вниманія почтеннѣйшаго Общества, удостоившаго меня званія Дѣйствительнаго своего Члена. Но чуждый самонадѣянности, я отнюдь не дерзаю, помысливъ, что бы малыя способности мои спіяжали право на сіе званіе: напро-

„пивъ, размышляя о важности онаго и обя-
 „занностяхъ съ нимъ сопряженныхъ, неволь-
 „но впадаю въ недоумѣніе, гдѣ обрѣшу споль-
 „ко способовъ и силъ, сколько попребно на
 „шо, что бы удовлетворить вполнѣ ожида-
 „нію почтеннѣйшаго Общества?“

„Довольно ли для сего ревностныхъ пруду-
 „довъ, охотно общей пользѣ мною посвящае-
 „мыхъ, и пламенной любви къ Просвѣщенію,
 „которая была и есть моею попребностію?
 „— Недовольно! Нужны еще къ тому обшир-
 „ныя познанія, опытность многолѣпная; не-
 „обходимо дарованіе: ибо мѣра познаній дол-
 „жна бытъ мѣрою избираемаго пруда, опыт-
 „ность — облегченіемъ его, а дарованіе —
 „украшающее прудъ — цѣною его достоин-
 „ства. — Ипакъ, чтожь оспается мнѣ?
 „Мнѣ, котораго успѣхи въ опечесственномъ
 „словѣ споль ограничены! . . .“

„Довѣренность, отверженіе гордыни, со-
 „гласіе и единомысліе Членовъ, густосерде-
 „гіе и взаимное сообщеніе познаній:“ драго-
 „цѣнныя слова, по истиннѣ достойныя укра-
 „шать первые листы нашего Устава! Когда
 „не ободряшь онѣ, когда избранный и до-
 „стойный избранія съ довѣренностію при-
 „носишь плодъ трудовъ своихъ предъ лице

„Судей безпристрастныхъ? Сколь пріятно
 „употребишь всѣ способности свои, сорев-
 „нуя благимъ намѣреніямъ Общества, утвер-
 „жденнаго на спасительныхъ правилахъ об-
 „ширнаго Общества Христіанскаго! „Сверг-
 „ните съ себя иго грѣха, прежде нежели
 „вступите во храмъ Бога вышняго?“ —
 „Такъ возмашаетъ одинъ церковный Учи-
 „тель, и мы по же говоримъ о семъ храмѣ,
 „сооруженномъ Просвѣщенію. Ибо какого по-
 „жания не принесешь душа, распоргшая
 „пяжкія узы страховъ? Какого полезнаго
 „плода не принесешь разумъ, свободный отъ
 „предразсудковъ суешнаго міра? Чистый и
 „свѣшлый, покорный одному гению, подобно
 „душѣ возносящейся къ своему началу, онъ бы-
 „стро паритъ къ истинѣ, разсыпая на все
 „окрестъ себя прелестныя цвѣшны пламенна-
 „го воображенія!“ — —

„Ободренный священными правилами Ус-
 „шава, обращаюсь къ Вамъ, почтенные со-
 „члены, копорыхъ шруды и заслуги въ Опе-
 „чешвенной Словесности извѣшны! Даро-
 „ванія ваши и снисхождение да будутъ под-
 „крѣпленіемъ малыхъ способностей моихъ и
 „неопышности на подлежащемъ поприщѣ, —
 „и примѣръ вашъ, досшойный торжествен-

„наго подражанія, да послужишь мнѣ руко-
„водствомъ на семъ шрудномъ, но досто-
„хвальномъ пути, ведущемъ къ полезной цѣли
„Просвѣщенія и Благошворенія! . . .“

„Одушевляясь въ шомъ несомнѣнною на-
„деждою, съ священнымъ обѣщомъ по мѣрѣ
„способности и силъ моихъ соревновать
„сей цѣли, — принимая на себя званіе Дѣй-
„ствительнаго Члена, я приношу почтен-
„нѣйшему Обществу, удостоившему меня
„сего званія, искреннѣйшую мою благодар-
„ность“.

ИЗВѢЩЕНІЯ.

I.

Общество, доводя до свѣденія почтенныхъ читателей своихъ, что медленность выхода 6 и 7 книжекъ издаваемого имъ Журнала произошла отъ типографіи, которая занята была послѣднимъ печатаніемъ книгъ Комиссии Сосоставленія Законовъ, проситъ упростить всѣ мѣры, дабы послѣдующіе номера Журнала вышли непременно въ свое время.

II.

Общество отвѣщаетъ Г. Серпейскому жителю, приславшему жалобу на недоставленіе къ нему нѣкоторыхъ книжекъ Журнала, что по всѣмъ выправкамъ ни одного пренумеранта въ Серпейскъ не оказалось; почему и просьбы его удовлетворить не можеть, но просить извѣстить его въ какомъ мѣстѣ онъ подписался на изданіе трудовъ Общества.

III. *)

Г. Профессоръ Казанскаго Университета Городчаниновъ написалъ замѣчанія на книгу подъ названіемъ: *Стихотворная наука сочиненія Боало*, переведенную на Россійской языкъ стихами Графомъ Д. И. Хвостовымъ. Сія примѣчанія напечатаны въ С. Петербургѣ вмѣстѣ съ переводомъ, въ типографіи Воспитательнаго дома 1818 года. — Съ удовольствіемъ объявляемъ почтеннымъ любителямъ словесности о новомъ изданіи стихотворной науки съ критическими замѣчаніями. Сколько ни полезны таковыя изданія; но у насъ оныя появляются весьма рѣдко. Г. Мерзляковъ къ лаврамъ поэта присовокупляетъ пальму критики. Въ числѣ немногихъ послѣдователей его, Г. Городчаниновъ заслуживаетъ признательность каждаго благонамѣреннаго читателя.

Трудъ Г. Городчанинова полезенъ во *первыхъ* по основательности замѣчаній, могущихъ во многихъ случаяхъ служить руководствомъ наставникамъ и учащимся; во *вторыхъ*, похвальнымъ снисхожденіемъ къ знаменитому переводчику: онъ зналъ, что *ipse Homerus aliquando dormitat*, и показалъ,

*) Спатья сія доставлена въ Обществу отъ неизвѣстнаго.

сколько стихи Графа Хвостова исправлены прошиву прежнихъ изданій.

Строгіе Судіи не одобряютъ, бышь можеть, смѣлости Г. Городчанинова въ исправленіи стиховъ и самага Боало: но и въ семъ случаѣ надлежитъ винить его, какъ Версификатора, а не какъ Кришика. Сожалѣемъ, что Г. Профессоръ, разсуждая о пвореніи Боало, не всегда углублялся въ логическій ходъ мыслей его и не вездѣ показывалъ оныхъ достоинство; не вездѣ также сего держался, разбирая стихи Рускіе, опредѣливъ въ 1й пѣсни слово *погрязнуть*, въ послѣдующихъ мало онъ оспанавливался на подобныхъ выраженіяхъ. Симъ способомъ показавъ болѣе изобиліе языка Рускаго, онъ научилъ бы неопытныхъ писателей изъяснять мысли свои коренными Рускими словами и выраженіями. Случаевъ къ шому въ переводѣ Графа Хвостова весьма много, равно и примѣровъ, какъ смѣшивающія слова низкія и разговорныя съ словами благородными и высокими.

„Попомшву *надоль* опборными словами.“

„Я скромность въ ней хвалю, а самъ пакой же *ервшникъ*.“

„*Кадитъ* языческихъ Боговъ.“

„(Не представляй)“

Катона щеголемъ, а Бруща *Поддипалой*.“

Здѣсь могли бы мы проспраннѣе изъяснить, въ чемъ состоить исправность равно и неправильность, пріятность и злогласіе Рускихъ стиховъ: но скажемъ только, что весьма немногимъ извѣстна шайна, какъ надлежитъ смѣшивать слова, коренныя Славенскія съ разговорными. Отъ незнанія сей шайны многіе много шеряють. Одни слывуть людьми безъ вкуса, другіе сочиненіями своими представляють пестроту цвѣповъ неимѣющихъ благоуханія. Время дасяъ испинный вкусъ любителямъ писаць; испинная крипика раскроетъ совершенство и недоспашки ихъ сочиненій. Многіе писатели доспигають вершинъ Олимпа; но большая часть преплывая бездны Леты погружаються въ ней.

Omne tulit punctum, qui miscuit utili dulce.

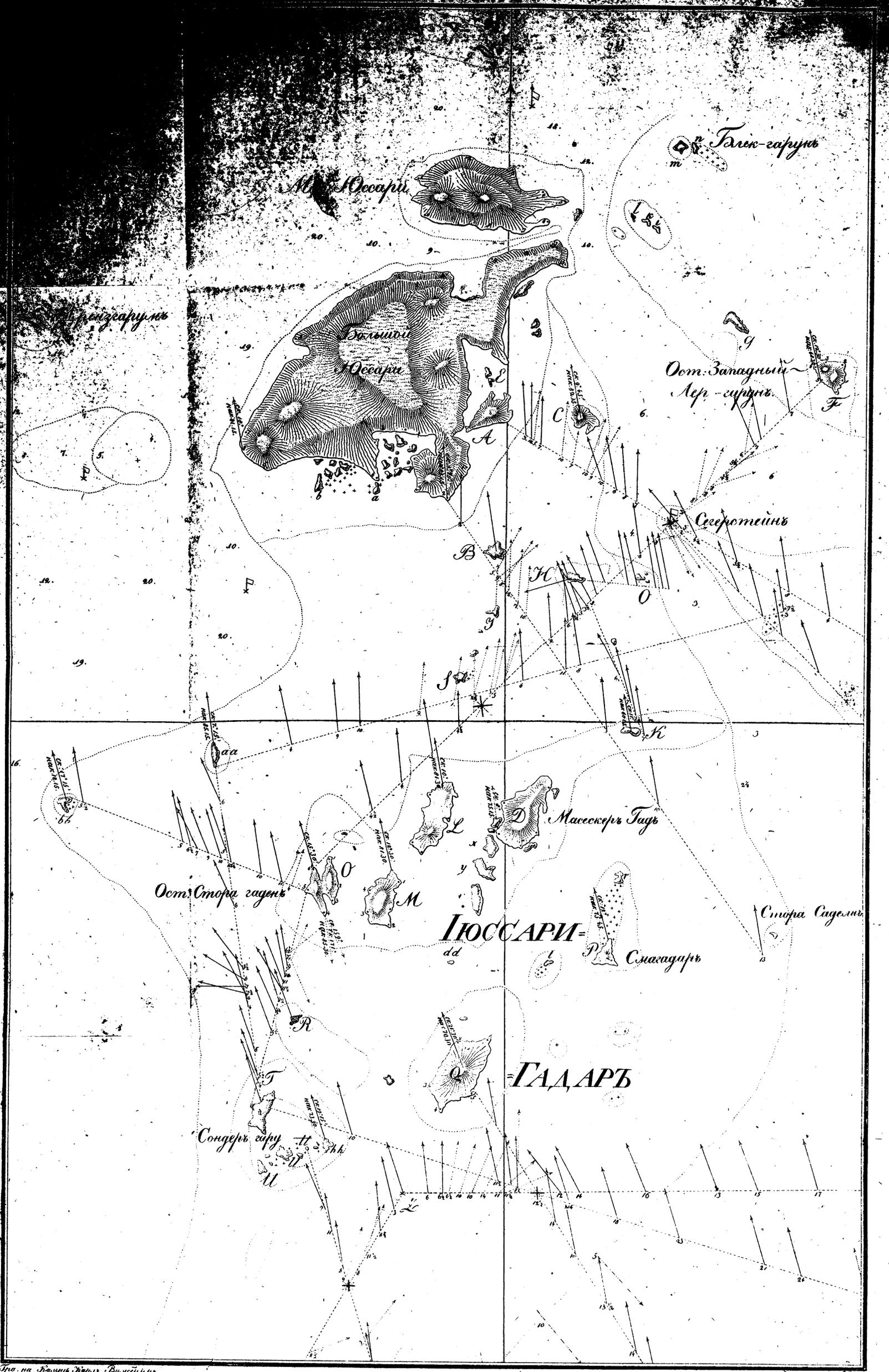
Въ 8 мѣ №. будетъ помѣщено писмо о посѣщеніи ЕГО ВЕЛИЧЕСТВОМЪ КОРОЛЕМЪ ПРУССКИМЪ Монетнаго двора, на каковѣй слѣгай была выбита медалъ, коей рисунокъ при сей книжкѣ.

ОПЕЧАТКИ ВЪ 6ой КНИЖКѢ.

- Ст. 348, стр. 10, weicht *чит.* weicher.
 — — — 13, Feuer — Feu'r.
 — 350, — 5, Siedend floß im Strom; — Siedend floß e i n.
 — 392, — 12, Качаешь в , шаръ земной.
Читай: Качаешь въ люлькѣ шаръ земной.
 — 426, съ низу стр. 2, Въ Вѣнѣ здѣсь.

На поршрешѣ Шувалова ошибкою вырѣзано Графѣ.

Гра. на Карты Копия Виссигеръ.

П Р О З А.

О Б Ъ И З Я Щ Н О М Ъ.

(Окончаніе.)

Изложивъ сущность изящнаго, взяшаго въ обширномъ смыслѣ, я присшуплю къ его раздѣленію. Оно основывается на нѣкоторомъ математическомъ размѣрѣ, именно по *количеству* и *качеству*. Вся сфера изящнаго или родъ дѣлится на *высокое* или *великое*, *изящное* въ шѣсномъ смыслѣ или *прекрасное* и на *прелестное* или *Грацію*. Объяснимъ сіе изъ опредѣленія. Все зависитъ ошъ отношенія разнообразія къ единству. Если отношеніе между ими таково, что изображаетъ силу, великость, необыащность: это вы-
Ч. III. Кн. 2.

сокое. Показывает ли отношение разнообразія къ единству, соразмѣрность, порядокъ, стройность: вошь красота! Будетъ ли отношение сихъ противоположныхъ нѣжно, особенно - остроумно или оригинально-пріятно; тогда происходитъ прелестъ, Грація. — Цѣпь горъ, скрывающихъ вершины свои въ облакахъ; кремнистая скала, висящая надъ кипящимъ моремъ; въ ярости рычащій левъ, сушь предметы величественные: въ нихъ видна сила, крѣпость, великость, возбуждающія понятіе необъятности. Цвѣшущій садъ, зеленой берегъ чистой рѣки; стройный конь сушь прекрасны. Они рождаютъ понятіе порядка, правильности и разливаютъ въ душъ какую-то пріятную ясность. Напрошивъ того журчащій, извивистой ручей, играющія дѣла, кудрявые кустарники, сушь предметы прелестные. Они сушь эмблема нѣжности, и наполняютъ душу какимъ-то сладкимъ удовольствіемъ, какою-то дѣвскою нѣгою.

Раздѣляюшь еще каждый изъ сихъ видовъ изящнаго по *качеству* его: на изящное формы или *вещественное*, на изящное *нравственное* и на изящное *умственное*. Но сіе раздѣленіе, — еспль-ли смью сказать свою мысль — не основывается на природѣ его. Поелику истинное, нравственное и изящное суть виды одного главнаго ихъ рода, шо есть гармоніи, какъ я уже показалъ, и по общимъ свойствамъ своимъ весьма подобны; шо по сему близкому сходству истинное и нравственное въ области изящества принимаешся шакже за изящество. Замѣчу при семъ, что изящное умственное мы находимъ, или привыкли находить гораздо рѣже, и весьма бережливо даемъ названіе высокаго, или прелестнаго мысли, проблемъ, ошвлеченной истинѣ. Какъ напрошивъ шого весьма часто говоримъ: прекрасной поступокъ, высокое великодушіе, прелестная черта благодарности. Опъ чего бы это? Безъ сомнѣнія умственного изящества споль же

много, какъ и нравственнаго. Опъ чего мы его меньше замѣчаемъ? Не опъ того ли, что для полученія свойствъ изящнаго, надобно облечь его въ прекрасную форму, а извѣстно какъ шрудно сіе сдѣлать съ понятиями умственными, опвлеченными; между шѣмъ какъ изящное нравственное, раждаясь въ поступкахъ людей, является намъ уже всегда нѣкоторымъ образомъ въ картинѣ. Поелику сіе раздѣленіе уже принято, шо и я послѣдую ему для подробнѣйшаго изслѣдованія предмета.

Начнемъ разсмапривать прекрасное. Оно есть середина всей сферы. Я сказалъ уже, что оно состоишь въ согласіи, правильности, порядкѣ, соразмѣрности. Во всѣхъ родахъ своихъ, шо есть въ умственномъ, нравственномъ и вещественномъ оно подлежашь симъ, непремѣннымъ законамъ, и пошому одинакія производишь на душу впечатлѣнія. Точное его предназначеніе — нравиться.

Сіи чувствованія способны занимать человека долго, единообразно, постоянно. Мысли почныя, правильныя, живыя, крапкія — въ умственномъ; поступки добродѣтельные, великодушныя, благородныя — въ нравственномъ; румяная заря, хорошо расположенный садъ — въ вещественномъ, прекрасны и нравятся намъ своимъ согласіемъ. Они не возмущаютъ душу, не выводятъ ее изъ себя, какъ высокое, не размягчаютъ, не изнѣживаютъ, какъ прелестное; но располагаютъ ее къ правильности, къ истинѣ, къ добру. — Замѣтимъ въ немъ два особенныя свойства: оно есть первое, которое самой грубой человекъ можетъ чувствовать и познавать; первое, коему человекъ послѣдуетъ въ нѣкоторой степени въ искусствахъ, подражающихъ природѣ, и напрошивъ того самое верховное, самое труднѣйшее, до котораго онъ можетъ достигнуть въ совершенствѣ. Сіи свойства основаны на естествѣ души нашей. Грубому и дкарю, непросвѣщенному сы-

ну природы нравятся, — я не говорю о степени и исключая предрасудки, — свѣтлая рѣка, спройный конь, чистая, веселая роща, прекрасный человекъ; но много ли есть произведеній въ изящныхъ искусствахъ, кои досадили до совершенной красоты? Пропорція и согласіе чаще нравятся первымъ, но кпо опредѣлишь совершенную пропорцію? Много было сдѣлано прекрасныхъ изваяній человеческой формы: Аполонъ Белведерскій и Медицѣйская Венера одни получили вѣнецъ истинной, совершенной красоты.

Со всѣмъ на прошивъ бываетъ въ высокомъ и прелестномъ. Еслии прекрасное занимаетъ средину въ сферѣ изящнаго, то сіи суть двѣ прошивоположныя его крайности. Въ обѣихъ есть отношеніе разнообразія къ единству; однако оно не имѣетъ той правильности и спройности, какъ въ прекрасномъ, но слѣдуетъ особннымъ законамъ. Въ высокомъ оно выражаетъ какую-то неизмѣримость, безпредѣльность; а въ пре-

деспномъ какую-шо пріятную слабость, мягкость, нѣжность, Впечатлѣнія производимыя ими въ душѣ нашей также различны. Высокое поражаетъ, ужасаетъ, выводитъ изъ себя; прекрасное нравится, приноситъ чистое удовольствіе, располагаетъ челоуѣка къ истинѣ, къ добру; прелестное, собственно сказавъ, привлекаетъ, нѣжитъ. Первое пробуждаетъ въ челоуѣкѣ понятіе всей высокости его бытія, второе его достоинства, послѣднее всей прелести.

Высокое въ вещественномъ, умственномъ и нравственномъ мірѣ подлежитъ однимъ законамъ. Необозримое волненіе моря, яркая молнія, раздирающая черныя тучи, небесный сводъ, усѣянный звѣздами — въ вещественномъ; Колумбъ, силою ума постигшій существованіе новаго свѣта, Невшонъ, открывающій тайну вселенной — въ умственномъ; Кодръ, погибающій за опечесство, Регуль, вдуцій на гибель въ Карфагенъ, Пётръ I, для просвѣщенія своего народа ославля-

ющій тронъ и Царское величїе и работающій въ видѣ проснаго маспероваго — въ нравственномъ, сущь предметы высокіе. Впечатлѣніе, производимое ими въ душѣ, есть изумленіе, страхъ, неизъяснимое какое-то чувствованіе своего собственнаго величїя, всегда соединенное съ сильнымъ, высокимъ удовольствіемъ, заспавающимъ насъ забыть все, самихъ себя. Но его владычество надъ душою сильно какъ ударъ грома, быспроечно какъ молнія. — Еслили высокое являеть въ челоуѣкѣ небесное его происхожденіе, то испинно прекрасное есть эмблема земнаго его совершенства, его достоинства. — Такъ говоритъ знаменитый Винкельманъ объ Аполонѣ Белведерскомъ: взирая на него, я самъ принималъ положеніе гораздо благороднѣйшее, дабы разсмапривать безсмертнаго съ достоинствомъ. И чувство и мысль сія прекрасны, достойны взора Аполона!

Высокое или великое раздѣляютъ вообще на математическое и динамиче-

ское. Первое показываетъ величину, огромность, пространство; второе силу, крѣпость, могущество какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ мѣрѣ. Иные опличаютъ еще великое отъ высокаго; но сіе раздѣленіе не кажется мнѣ существеннымъ. Они называютъ великимъ красноту въ большихъ предметахъ.

Прелестное или Грація опличается отъ прекраснаго и высокаго, и какъ я сказалъ уже, показываетъ какое-то оригинально-оспроумное или нѣжное соединеніе разнообразія и единства. До сего времени всѣ изслѣдователи изящнаго замѣчали прелестное всего болѣе въ нравственномъ. Сюда причисляютъ они благородную простоту, невинность, *наивное* и нѣкопорою родъ комическаго; но въ умственномъ, сколько извѣстно, со всѣмъ его не находили. Не предлагая другихъ примѣровъ, возможно ли не чувствовашъ прелестнаго въ мысляхъ такъ называемаго чувствительнаго слога (le

style sentimental)? Также удовольствие происходящее отъ противоположности, на нѣкоторомъ пріятномъ основаніи основанной, даже самую новосць и нечаянность (la surprise) безъ сомнѣнія должно отнести къ сему роду. Есть писатели, любимцы Грацій, кои исключительно плѣняютъ прелестію мыслей и чувствованій. Лучшій примѣръ и вмѣстѣ подтвержденіе словъ моихъ можно видѣть въ мадригалѣ одного знаменитаго нашего стихотворца.

„По чести, отъ себя не можно глазъ отвесить;

„Но что къ себѣ влечешь? — Загадка не понятна!

„Ты не красавица, — я вижу, а пріятна!

„Ты лучше бь бышь могла; но лучше такъ, какъ есть.

Вопль какъ прелесть опличаешь отъ красоты, и какъ она привлекательна нѣкоторою своею неправильностію! Замѣчу, что опредѣленія прелестнаго

весьма различны; хоня примѣры, приводимые разными писателями, одинаковы; иные же говорятъ, что его можно только чувствовать, а не изъяснять, не опредѣлять словами. Самъ божественный Гомеръ, изображая Венеру, описалъ ея красоту; но желая сдѣлать ее прелестною, онъ далъ ей очаровательный поясъ.

Опличивши прекрасное отъ высокаго и прелестнаго, я присуплю шеперь къ такъ называемымъ *нагаламъ красоты*. Онѣ суть *цвѣты*, коими шѣла наведены, *линии* ограничивающія формы, *движеніе* предметовъ и *звуки*. Говоря собственно, ни одинъ изъ сихъ предметовъ, взятой самъ по себѣ просто, ощдѣльно и разсмашириваемой философски, не имѣетъ изящества, но они суть средства изображать красоту удобопоспужимую нашимъ чувствомъ, именно глазу и уху.

Всѣ цвѣты простые, чистые равно нравятся здоровымъ нервамъ глаза, и нѣтъ ни одного изъ нихъ, который бы

исключительно былъ прекрасенъ, а другой дуренъ; одинъ определенной для разцвѣченія красоты, другой для наведенія безобразія: но все зависить отъ приличія, отъ соотвѣстствія съ единствомъ предмета, отъ согласія. Сіе мы видимъ въ природѣ; напротивъ того въ нѣкошорыхъ искусстввахъ разцвѣчиваніе причинило бы безобразіе. Прекрасная форма человѣческаго шѣла или живошнаго, вылишая изъ бронзы или изсѣченная изъ бѣлаго мрамора, нравится всѣмъ: но весьма сомнительно, что бы она нравилась въ такой же степени; или даже не причинила бы нѣкошораго непріяшнаго чувства, будучи раскрашена цвѣтами, кои мы видимъ въ самой природѣ. Кантъ въ своей Антропологии говоритъ: это отъ того, что будучи раскрашена, она весьма близко подходила бы къ истинному предмету и производила непріянное чувство въ челоуку, обманывая его при всякомъ взглядѣ великимъ своимъ сходствомъ. Можетъ быть это

справедливо: — опъ чего же всегда ближе спараюшся подходишь къ природѣ? Впрочемъ извѣстно, что всѣ великіе художники согласно опшвергаюшгь разцвѣчваніе еспешственными красками спашуй, бюсповъ, барельефовъ и проч.

Но еспъ, скажушгь мнѣ, нѣкошорые поспоянные цвѣшы, спужащіе даже эмблемою нравспвенныхъ поняшіи во всѣ времена и у всѣхъ образованныхъ народовъ. Таковы на примѣръ, голубой — символъ поспоянспва, бѣлой — непорочноспи, зеленой — надежды, алой — юноспи, радости. Не вѣчно ли неизмѣняемой голубой цвѣшпъ неба напоминаешпъ челошѣку о поспоянспвѣ? Не бѣлая ли, ни чемъ незапашненная шкань, не чисшой ли, сребрисшой коверъ снѣга, раскинушой на поля, въ поняшіи нашемъ сливаешся всегда съ мыслію о непорочноспи? Не юная ли зелень, украшающая весною луга, нивы, сады и обѣщающая дары богашого лѣша, дала поводъ назвашь ее цвѣ-

помъ надежды? И шакъ сродство понятій приписало цвѣтамъ сіе знаменованіе.

Въ линѣяхъ, образующихъ формы, находимъ поже самое. Гогарпъ въ своемъ разборѣ красоты замѣчаетъ, что шѣла обведенныя прямыми линѣями менѣе прекрасны, нежели очерченныя кривыми, извивисшими: Далѣе, по его мнѣнію, волнисшая линѣя, есть линѣя красоты, а извивающаяся — линѣя прелести. Сіе мнѣніе имѣетъ правда свое основаніе; но волнисшая и извивающаяся линѣи супъ ли простыя, несложныя, правильныя? Не видно ли уже и въ нихъ нѣкопорога разнообразія, согласно направленнаго къ единству?

При движеніи шѣлъ можно разсматривать направленіе или пушь, который шѣло проходитъ и различныя степени медленности его и скорости. Но разсматривать свойства черпы, описываемой прохожденіемъ шѣла, не естьли разбирать роды линѣй, о коихъ я уже говорилъ? И шакъ оспаешся изслѣдовать

движеніе со спороны его быспрошы и медленности и разных ихъ степеней. Исключая спремительную быспрошу, поражающую сильно наше зрѣніе, — которая принадлежишь къ высокому — не можно сказать, какая степень медленности или скорости, взяшыя отдѣльно, прекрасны и какія дурны; но все зависишь ошъ приличія и согласія ихъ между собою. Ошъ чего шанцы съ музыкою несравненно пріятнѣе, нежели безъ оной? Во первыхъ пошому, чшо ишущъ улаждаешся нѣсколько наше ухо, а во вторыхъ еще болѣе пошому, чшо тогда глазъ вѣрнѣ можешъ судишь о пропорціи въ скорости и медленности движеній согласованныхъ съ музыкою.

Звукъ ешть также средшво изображанъ изящное для нашего чувства. Здѣсь поже ни одинъ шонъ, ни его громкость, ни шихость, ни быспроша, ни медленность, взяшыя отдѣльно, не сосшавляюшъ прекраснаго; но оно зависишь ошъ разной ихъ мѣры, степеней, каче-

ства, стройно согласованныхъ съ главною цѣлю.

Если разсматривашъ изящество въ искусствахъ, подражающихъ природѣ, то не должно ли причислить къ средствамъ выражашъ красоту, *смѣшеніе свѣта и тѣни* и *теловѣческое слово*, сколько оно нравится слуху? Прекрасной живописной видѣ природы, совершенное изображеніе живошнаго или челоуѣка, сдѣланное одною краскою, будетъ также прекрасно, хотя безъ сомнѣнія должно уступить превосходной картинѣ, разцвѣченной естественными красками природы. Въ краснорѣчьи и поэзи, такъ называемое, *сладкозвучіе* (*numerus oratorius*), размѣръ шопъ, согласованіе долгихъ слоговъ съ короткими, подборъ звуковъ соотвѣтствующихъ звукамъ въ самой природѣ, суть прекрасные предметы для слуха. Я не говорю о качествахъ и красотѣ мыслей, сокрытыхъ подъ словами, кои посредствомъ уха сообщаются душѣ и на нее дѣйствующъ.

Сии начала приписываютъ въ вещественномъ мѣрѣ одному шольке прекрасному: но естли онѣ вообще служащъ средствами изображащъ изящное удобоупотребимымъ для чувства; но я не знаю почему не можно разсмапривать по симъ же основаніямъ высокаго, а шѣмъ болѣе прелестнаго. Спрашныя облака дыма и вихрь пламени, извергающійся изъ нѣдръ Везувія, представляющъ картину величественную; шакъ шочно, какъ восходящее солнце — прекрасную, а нѣжныя опшѣнки въ цвѣсахъ — прелестную. Спрешельное пареніе орла, полешъ молніи — поражающъ; круженіе голубей, легкая струя кающейся звѣздочки по шемноголубому своду неба — нравящя; взвианіе и бѣненіе крылышками жаворонка на воздухъ, поржаніе бабочки по цвѣшамъ — плѣняющъ. Быспрая, рѣзская, величественная своею грозною дикоспію черпа, ограничивающа кремнишую скалу, навѣсившуюся надъ бездною, — производитъ впечатлѣніе ужаса;

легкая, гибкая линия, обтекающая прекрасныя формы стройнаго человека, — раждаетъ удовольствіе; напрошивъ того мягкая, нѣжная, обрисовывающая округлости дѣлаши, — прельщаетъ, услаждаетъ. Причиною сего изящнаго во всѣхъ родахъ суть: въ первомъ случаѣ цвѣтны, во второмъ движеніе, а въ третьемъ линіи.

Син начала, сколько извѣстно, не примѣняютъ къ великому или высокому въ вещественномъ мѣрѣ безъ сомнѣнія поному, что оно какъ бы однимъ ударомъ поражаетъ, изумляетъ душу и даетъ человеку чувствовать удовольствіе сильное, превышающее все земное. Прелестнаго также не разбираютъ по симъ началамъ, и какъ кажется поному, что не все еще согласуются въ описаніи его отъ прекраснаго, а весьма многіе почитаютъ его съ нимъ за одно, особенно тамъ, гдѣ можно изъяснить его въ цвѣтахъ, фигурахъ и движеніяхъ. Напрошивъ того какъ прекрасное не и-

зумляетъ души и неизнѣживаетъ ее, не выводитъ изъ себя ужасомъ и не усыпляетъ пріятностію; но пробуждаетъ мысли о порядкѣ, стройности, гармоніи, и — по прошествіи первой минутой удовольствія — невольно располагаетъ челоуѣка къ изысканію начальныхъ, первыхъ качествъ разнообразія и ихъ отношенія къ единству, отъ чего и усматриваютъ ихъ только въ немъ.

Изъ сего можно изъяснить то справедливое замѣчаніе, сдѣланное о образованіи дарованій поэта или шворца — художника. Съ посредственными дарованіями при ревностномъ изученіи, долговременномъ и вѣрномъ образованіи вкуса, можно достигнуть нѣкошорой степени красоты, крайній мѣрѣ правильности; какъ напротивъ того не возможно образоваться шакъ, чтобы быть высокимъ или прелестнымъ. Даже тѣ, кои не получили къ сему дарованія отъ природы, въ произведеніяхъ своихъ въ первомъ случаѣ будутъ чудовищны и спря-

ны, во вшоромъ смѣшны и жалки. Такъ напримѣръ: ешьли прозаикъ или стиховорець безъ врожденнаго расположенія захочешъ пишашъ чувствительнымъ слогомъ, кошорой безъ сомнѣнїя должно опнеспи къ роду прелесшнаго, или казашься наивнымъ, возбудишь полько смѣхъ и опвращеніе. Чшобы бышь высокимъ или прелесшнымъ, надобно получишь дары сіи опъ самой природы: образованіе весьма мало поможешъ. Въ Генїи, рожденномъ къ произведенію прекраснаго, образованіе доводишь до совершенства; безъ него самыя высокія дарованія недоспащочны. Опъ шого въ народѣ, коего словесность полько начинаешъ еще образовашься, можно найши високаго поэта, прїяшнаго, плѣняющаго писателя, кои будупъ всегда уважаемы по своимъ дарованїямъ; но не бываешъ еще стиховорцевъ, истинныхъ любимцевъ Музъ и Грацій, кошорые бы нравились шакже воображенію и сердцу, а здравой вкъсь и шпрогой разсудокъ

одобряли бы и щѣмъ болѣе возвышали
се удовольствіе.

Изъ сего качества изящнаго можно
также объяснить происхождение и свой-
ства *идеала*. Въ душѣ человѣческой
есть естественное расположеніе къ кра-
сотѣ, такъ какъ къ роднымъ ея сест-
рамъ, истинѣ и добродѣтели. Даже мы
имѣемъ какое-то неопредѣленное чув-
ство совершенной красоты; напро-
тивъ того не можемъ вообразить со-
вершенно высокаго или совершенно
прелестнаго. Разсматривая прекрасныя
предметы одного рода въ природѣ,
се шемное понятіе пробуждается, прояс-
няется, и совокупляя красоты мно-
гихъ предметовъ въ одно цѣлое, мы
составляемъ идеаль, то есть, вообрази-
тельную, совершенную красоту. Диде-
рошъ въ философскомъ своемъ изслѣдо-
ваніи о началѣ и естествѣ изящнаго, го-
воритъ: мы опъ того имѣемъ нужду въ
идеалахъ, что не знаемъ точно все-
го священица красоты въ природѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, что суть идеалы какъ не совершенство природы? Когда мы разсмаприваемъ какой нибудь прекрасный (въ шѣсномъ смыслѣ сего слова) предметъ въ произведеніяхъ искусствъ, на примѣръ: спашую изображающую красоту человека, и замѣчаемъ нѣкоторыя недоспашки, мы шопчасъ чувствуемъ, что здѣсь должно бытъ шакъ, а здѣсь иначе, хотя и не сдѣлали еще идеала человѣческой формы, съ коимъ бы могли сравнивать сію спашую; но какое-шо сокровенное чувство говоритъ намъ, что это должно бытъ шакъ, и — оно справедливо. Это естественное расположеніе, врожденное стремленіе къ гармоніи, къ совершенству.

Сего не бываетъ однакоже при разсмаприваніи высокаго и прелестнаго. Еслии читаемъ какую поэму и находимъ, что герой въ ней прославляемый не довольно величественъ, шо мы не можемъ однакожъ сказать, чего не доспашемъ, что бы сдѣлашь его шакимъ.

Онъ сего, кажешся, не можно созидать идеаловъ въ высокомъ и прелестномъ, и ихъ не бываетъ дѣйствительно. И такъ идеалы принадлежатъ только прекрасному: ихъ нѣтъ въ природѣ, они въ нашемъ воображеніи и служатъ украшеніемъ поэзіи и свободнымъ искусствамъ.

Идеаль поэзіи и живописи или ваянія, составленной изъ одного и того же предмета различенъ: первой гораздо свободнѣе, гораздо обширнѣе, второй точнѣе, опредѣленнѣе. Изображая прекраснаго коня, поэтъ описавши красоту его формы, можешь дополнишь еще и возвысишь свре изображение, говоря о его силѣ, легкости, быспрогѣ, даже о впечатлѣніи, которое красота его производитъ на челоуѣка. Живописецъ или ваятель долженъ собрать въ своемъ идеалѣ только совершенства, кои онъ можешь изобразить въ видимыхъ формахъ на холстѣ или на мраморѣ. При томъ стихотворецъ можешь изображать красоту въ послѣдующихъ одно за другимъ

явленіяхъ, перемѣнахъ, въ разныхъ движеніяхъ и положеніяхъ; живописецъ или ваятель лишены сего преимущества. Изъ многообразныхъ положеній своего предмета, изъ цѣлаго произшествія, произведеннаго многими дѣйствующими лицами, художникъ долженъ избрать одно только положеніе, одно только мгновеніе, въ которомъ изображаемой предметъ производитъ самое сильное, разительное впечатлѣніе и даетъ выразумѣть какъ предшествовавшее ему дѣйствіе, такъ и послѣдующее. Таковой выборъ составляетъ большую трудность и требуетъ отличныхъ дарованій и вкуса; но сдѣлавъ его удачно и правильно — есть вѣнецъ искусства.

А. Гевлицъ.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ НЕПРАВИЛЬНАГО ДѢЙСТВІЯ
МАГНИТНОЙ СТРѢЛКИ
У ОСТРОВА ЮСАРИ, УЧИНЕННОЕ ВЪ 1816,
1816 и 1817 ГОДАХЪ. *)

За 70 лѣтъ предъ симъ въ Финляндскихъ шхерахъ между мысами Паркалоудомъ и Гангоудомъ, въ окрестностяхъ острова Юсари по случаю открыто было неправильное дѣйствіе компаса. По поводу чего въ 1750 году, Карль Юганнь Геше и послѣ его нѣкоторые Шведы наблюдали оное и открыли въ 6 мѣсахъ, лежащихъ близъ Юсари, необыкновенное склоненіе компаса: іе отъ юго-восточной оконечности сего острова къ $Ots \frac{1}{2}^{\circ}$ въ разстояніи 560 сажень надъ камнемъ *Сегерстейномъ*, находящимся подъ водою въ $3\frac{1}{2}$ саженьхъ глубины,

*) Спашья сія составлена Почелнымъ Членомъ Общества Господиномъ Вице-Адмираломъ Гаврилою Андреевичемъ Сарычевымъ.

магнитная стрѣлка склонялась къ Востоку отъ истиннаго меридіана на $115^{\circ} 30'$; 2е при островѣ *Сторъ-Гарденъ* оказалось склоненіе 15° Западное; 3е на томъ же островѣ при югозападномъ его краѣ склоненіе замѣчено 140° Западное; 4е отъ онаго острова къ *Sots*, въ 2хъ верстахъ и 100 саж. на глубинѣ 10 саженой магнитная стрѣлка склонилась въ Восточную сторону на 138° ; 5е отъ сего мѣста къ SW въ 200 саженьяхъ, на глубинѣ 12 саженой компасъ на пространствѣ 5 саженой, показывалъ по же самое склоненіе 138° къ Востоку; 6е къ Югу отъ послѣдняго сего мѣста во 150 саженьяхъ склоненіе онаго было 81° Восточное. Въ прочихъ мѣстахъ компасная стрѣлка показывала настоящее тогда бывшее около тѣхъ мѣстъ склоненіе 8° Западное.

Еще не изслѣдовано было, какъ далеко въ Финскій заливъ простирается неправильное дѣйствіе магнитной силы, и не можешь ли оное бышь вредно для

мореплавателей, которые случайно приближались къ сему мѣсту. На сей конецъ по распоряженію Морскаго Министра отправлены изъ Свеаборга 13 го числа Іюля 1815 года къ острову Юсари Штурманскіе помощники ГГ. Холязевъ и Кузминъ на палубномъ бошѣ съ двумя гребными судами. Чрезъ три дня благополучнаго плаванія, они прибывъ на мѣсто назначенія, приступили сначала къ описи и снятію на карту острова Юсари и шхеръ окружающихъ оный, что заняло большую часть всего лѣша; пономъ дѣлали наблюденія надъ неправильнымъ дѣйствіемъ магнитной силы, руководствуясь даннымъ имъ наставленіемъ и маленькою карпою Г. Геше, по коей опыскали они первое замѣченное имъ шакое мѣсто у камня Сегерштейна, который лежитъ ось Юго-Восточнаго угла острова Юсари на $SO 86^\circ$, $00'$ въ 560 саженьхъ и находится подъ водою въ глубинѣ $3\frac{1}{2}$ саж. — Наблюдатели вѣдучи ось острова къ сему

камню, нашли глубину 3, 7, 9, 10, 7, 4 и $3\frac{1}{2}$ сажень; а опъ камня глубина была къ NO на 200 сажень $5\frac{1}{2}$, 8, 8, 4, 5 и 6 сажень, къ SO на 180 саж. $3\frac{3}{4}$, $4\frac{1}{2}$ и $5\frac{1}{2}$ саж., къ SW на 160 саж. 3, $2\frac{1}{2}$, 5 и 8 саж.; грунтъ вездѣ каменистый.

Съ Сѣверозападной стороны въ 300 саженьяхъ опъ камня замѣчено уклоненіе компасной стрѣлки къ Востоку; по приближеніи же еще на 100 сажень, наблюдали склоненіе компаса и увидѣли уже Восточное опъ 10° до 30° ; подходя къ самому камню, въ 30 саженьяхъ опъ онаго, компасный N вдругъ перевернулся на SO и показывалъ склоненіе 120° Восточное. Опъ сего мѣста къ SO въ разстояніи 30 сажень компасный N вдругъ оборотился опять къ NW; попомъ по мѣрѣ удаленія склоняясь по немногу къ N, въ 200 саженьяхъ опъ Сегерстейна принялъ надлежащее свое положеніе. При удаленіи опъ камня Сегерстейна къ Сѣверовостоку примѣче-

но, что компасный N постепенно переходилъ отъ SO къ O, NO, N и въ 200 сажень. показывалъ 12° Западнаго склоненія. Отъ Сегершейна къ SW на разстояніи 40 сажень компасный N постоянно обращенъ былъ къ SO; потомъ спалъ склоняясь къ O, NO, N и въ 150 саженьхъ разстоянія показывалъ надлежащее склоненіе 11° Западное.

Второе мѣсто неправильнаго дѣйствія компаса открыто наблюдателями у небольшого оспровка, лежащаго отъ Сегершейна на SW 55° въ 270 саженьхъ. Они вѣдучи мимо Западной споронны сего оспрова примѣтили, что по приближеніи къ нему компасная стрѣлка склонилась много къ Западу, и потому приспавъ къ Западной его оконечности, они нашли, что шупъ компасный N обращенъ былъ прямо къ S, уклонъ магнитной стрѣлки отъ горизонша къ низу оказался на $86^{\circ} 30'$. По срединѣ сего оспрова найдено склоненіе компаса отъ истиннаго меридіана къ

W 109° 15' и уклонъ магнитной стрѣлки былъ почти по отвѣсу къ землѣ 89° 45' отъ горизонша; на восточномъ же краю сего острова оказалось склонѣніе 57° Западное, уклонъ магнитной стрѣлки на 82° 45'. Островъ сей низменный, каменный, длиною отъ WNW къ OSO на 60, широта 18 сажень; назначенъ онъ на картѣ подъ буквою Н. (*)

(*) Съ онаго острова наблюдашелями взяты отъ утеса куски каменьевъ, которые присланы въ С. Петербургъ и разсмотрѣны были Г-мъ Академикомъ Севергинымъ. По разсмотрѣніи прехъ номеровъ шѣхъ кусковъ оказалось: подъ No. 1 съ острова означеннаго на картѣ буквою Н, есть камень горной породы, называемый *трапъ*. Оная каменная порода, вѣроятно, составляетъ продолженіе горъ съ супротивныхъ береговъ Швеціи, простирающихся подъ водою, пошому, что та же самая порода находится въ Смоландіи, въ Вестгошландіи, также въ Вестманландіи и Вермоландіи. Порода сія примѣчательна шѣмъ, что часто содержишь въ себѣ магнитный желѣзный камень. Даже и помянутый обра-

Опъ оспрова Н на SW, 50° въ 360 саженьхъ лежишь наружный камень, опъ котораго выдался къ Воспоку каменистый рифъ на 30 сажень. Наблюдашели, при проѣздѣ мимо его по Южную сторону въ 60 саженьхъ, примѣшили, что бывший на ихъ суднѣ компасъ вдругъ обернулся вокругъ; почему подошли они къ концу рифа и остановились на дрекѣ, взяли пеленгъ, и по сличеніи онаго съ каршою нашли, что компасъ въ семь мѣсѣ имѣлъ склоненіе на 105° къ Воспоку; а какъ на гребномъ суднѣ, по причинѣ колебанія онаго, не лзя имъ было сдѣлать наблюденія

зець сего камня споль много содержишь въ себѣ магншомъ припягиваемаго желѣза, что когда часъ его располчена была въ мѣлкій порошокъ, по сей удобно припягивался опъ искусвеннаго магнша. — №. 2-й Н съ W мыса ешь шощъ же прапъ смѣшанный болѣе съ кварцомъ и глиммеромъ. №. 3-й оспрова О, съ ушеса SW мыса, ешь порода подобная предыдущей, но крѣпче, зернистѣе и при удареніи спально даешъ искры.

надъ уклономъ магнитной стрѣлки, по наблюдатели пристали къ самому камню, на коемъ и нашли уклонъ на 88° , $15'$; склоненіе же компаса шупъ оказалось 11° Восточное. Отъ сего камня къ SW въ разстояніи 650 саженой лежитъ небольшой каменный островъ, означенный на картѣ подъ буквою O, а на Шведской картѣ названный *Сторъ-Гарденъ*, величиною до 120 саж. Онъ имѣетъ четыре острые выдавшіеся мыса, изъ коихъ два проспирающся къ Сѣверу и два къ Югу; изъ сихъ послѣднихъ западный возвышается каменнымъ утесомъ на 20 фузовъ; на ономъ найдено склоненіе компаса къ Западу на 135° , а уклонъ магнитной стрѣлки на 85° $30'$; но по перенесеніи компаса нѣсколько далѣе на томъ же утесѣ, въ разныхъ мѣстахъ компасный N перемѣнялъ свое направленіе и османавливался иногда на Югъ, Юго-Западъ, Западъ и Сѣверо-Воспокъ. Въ прочихъ мѣстахъ сего острова найдено склоненіе компаса 12°

Западное. На Юго-Воспочномъ мысѣ, лежащемъ въ 35 саженьяхъ къ Востоку отъ Юго-Западнаго мыса оказалось склоненіе компаса 28° Западное, уклонъ магнитной стрѣлки на $75^{\circ} 30'$.

На семь островъ по полуденнымъ высопамъ солнца найдена наблюдателями широта мѣся:

Юля 19 ^{го}	-	-	-	59°	$47'$	$48''$
Августа 12 ^{го}	-	-	-	59	47	46
Августа 17 ^{го}	-	-	-	59	47	48

Средина изъ трехъ $59^{\circ} 47' 47'' 5'''$.

Наблюдатели, при всемъ ихъ стараніи, не могли сего лѣта опыкаться прочихъ мѣся неправильнаго дѣйствія компаса, означенныхъ на картѣ Г. Геше подъ буквами С, D и E. Наступившее осеннее время принудило ихъ опложить окончаніе наблюдений до будущаго лѣта; и такъ въ исходѣ Сентября возвратились они въ Свеаборгъ.

Въ 1816 году, Штурманскіе помощники Холязевъ и Бабошинъ, (назначен-

ный вмѣсто Кузмина) отправлены для окончательныхъ наблюдений. Они прибыли къ острову Юсари 9-го числа Июля, и возобновя прежніе знаки на островахъ, предпринимали по спворамъ ихъ многія плаванія во всѣ спороны, съ наблюдениемъ перемѣнъ въ склоненіи компаса. Они сдѣлали 14 плаваний въ разныя спороны отъ острововъ Юсари къ Югу на пространствѣ 6 ши верстъ въ длину и ширину; вездѣ находили разное уклоненіе магнитной стрѣлки, измѣнявшей свое направленіе безпрестанно, то къ Востоку, то къ Западу и даже къ Югу; въ чепырехъ же мѣстахъ замѣчено ими, что стрѣлка обращалась во кругъ своего центра. Споль рѣдкое явленіе и необыкновенное дѣйствіе магнитной силы заслуживаетъ подробное описаніе. Здѣсь помѣщаются всѣ румбы плаванія, съ означениемъ, на какомъ распояніи оказывалась какая перемѣна въ склоненіи компаса градусами къ Востоку или Западу; какая въ тѣхъ мѣстахъ была

глубина моря и какое качество дна онаго.

1 й Румбъ SW 46° отъ острова F чрезъ камень Сегерстейнъ къ Западной оконечности острова O, извѣснаго подь общимъ именемъ Шоръ-Гарденъ.

Пере- плы- тве раз- стояніе въ саже- нахъ.	Склоненіе компаси.	Глу- бина.	Грун- ты.
100	12° западное.	7	На днѣ камен- никъ.
200	12 —		
220	23 —	7	
250	6 восточн.	6	
290	66 —	5½	
345	51 —	4½	
360	71 —	8	
400	26 —	8	
420	11 —	8	
440	46 —	5½	
460	56 —	3	
500	156 —	3	
515	121 —	2½	
550	76 —	8	
575	46 —	9	
600	8 западное	8	

Послѣ сего проходи-
ли чрезъ камень Се-
герстейнъ и ком-
пасъ на разстояніи
40 сажень, вертѣлся
вокругъ не османа-
вливаясь.

Переплы- тое раз- стояние въ саже- няхъ.	Склоненіе компаса.	Глу- бина.	Грун- тъ.
740	19° западное	8	И н д и е н с к и е н с к и е
760	29 —	2½	
780	34 —	3½	
800	24 —	5	
820	19 —	5½	
830	14 —	6	
840	9 —	7	
900	4 —	9	
910	1 восточн.	10	
1060	11 —	2½	
1075	21 —	2½	
1090	11 —	3	
1160	1 —	5	
1210	2 западное	4½	
1300	9 —	5	
1400	4 —	4	
1500	14 —	4½	
1710	16 —		

Далѣ Сегерстейна
плыли по тому же
направленію и при-
мѣчены слѣдующія
перемены въ скла-
неніи компаса.

Проходили мимо ри-
фа, выдавагосл
ошь камня S, и
компасъ на семь
разстояніи вер-
шѣлся вокругъ, глу-
бина тогда была
1 — 1½ сажени.

Прислали къ Сѣверо-
Западной оконеч-
ности острова Q.

2 й Румбъ SO 60° отъ острова А чрезъ
вѣху, поставленную на камнѣ Сегершейнъ.

Переплы- тое раз- стояніе въ саже- нахъ.	Склоненіе компаса.	Глу- бина.	Грун- ты.
	5½° западн.	2½	
55	5 —	3	
66	00 —	10	
76	5 восточн.	5	
97	00 —	7	
162	5 —	10	
190	10 —	7	
230	20 —	10	
245	30 —	9	
250	00 —	9	
270	19 западнос.	10	
315	12 —	6	
340	5 —	8	
378	00 —	7	
460	135 восточн.	4½	
466	105 западнос.	3½	
500	40 —	3¾	
540	26 —	4½	
650	18 —	5½	
800	10 —	8	
920	10 —	4	
1090	12 —	5	

На малыхъ глубинахъ камень, а на большихъ илъ.

Въ сіе время прохо-
дили камень Сегер-
шейнъ.

Пришли къ постав-
ленной на якорь лодкѣ.

3* Румбъ SO 36° отъ Юговоспточной
оконечности острова большого Юсари.

Пере- плы- тое раз- стояніе въ саже- ннхъ.	Склоненіе ком- паса.	Глу- бина.	Грун- ты.
	5° западное	2	Мѣшани илъ и мѣшани каменъ.
65	1 —	2	
205	29 восточн.	5	
220	49 —	9	
240	34 —	10	
270	2 —	12	
310	4 —	7	
335	5 —	10	
500	1 западное	11	
670	6 —	9	
900	11 —	10	
1335	11 —	13	

Пришли къ камню
подъ буквами SS
въ 10 саженихъ
отъ онаго къ SVV.

4^я Румбъ SO 86° отъ острова Н чрезъ
 край рифа выдавагося отъ наружнаго камня,
 означеннаго на картѣ подъ буквою О.

Переплы- тое раз- стояніе въ саже- няхъ.	Склоненіе компаса.	Глу- бина.	Грун- ты.
	56° западное	1	К а м е н н ы й .
10	31 —	2	
50	21 —	4	
110	11 —	9	
135	16 —	7	
175	11 —	11	
195	12 —	10	
210	12 —	8	

Отъ сего мѣста воз-
 вратились назадъ
 къ острову Н.

5^я Румбъ SO 22^{1/2}° отъ острова Н.

	54° западное	2 ^{1/2}	К а м е н н ы й .
250	27 ^{1/2} —	6	
275	22 ^{1/2} —	8	
300	17 ^{1/2} —	7	
350	13 ^{1/2} —	8 ^{1/2}	
400	12 —	7	

Отъ сего мѣста воз-
 вратились.

6й Румбъ NO 75° опъ маленькаго камен-
наго ошровка назначеннаго на каршъ подъ
буквами А А, чрезъ синюю вѣху къ поста-
вленной на якоръ лодкѣ.

Переплы- тое раз- стояніе въ саже- нахъ.	Склоненіе компаса.	Глу- бина.	Грун- ты.
	11° западное	3½	Желтый иль каменный.
200	11 —	4	
335	5 —	9	
365	00 —	10	
520	5 восточн.	9	
605	11 —	1	
655	17 —	2½	
700	8 —	3	
760	5 западное	8	
925	11 —	8	
1440	11 —	7½	

7-й Румбъ SO 8° опъ Южной оконечности
островка аа къ острогу Т, прямо на башню.

Переплы- тое раз- стояніе въ саже- няхъ.	Склоненіе компыаса.	Глу- бина.	Грун- ты.
	12° западное		
80	26 —	6	К а м е н н ы й.
250	20 —	5	
325	25 —	6	
480	38 —	5½	
505	58 —	6	
525	88 —	7	
540	78 —	7½	
550	28 —	6	
565	13 —	4	
685	18 —	6	
745	20 —	5½	
765	21 —	4	
830	18 —		

Приспали къ остро-
ву Т.

8* Румбъ NO 16° отъ острова Т по
Западную сторону острова Р къ Западной
оконечности острова О.

Пере- плы- тое раз- стояніе въ саже- няхъ.	Склоненіе ком- паса.	Глу- бина.	Грун- ты.
	19° западное		На большихъ глубинахъ илъ, а на малыхъ каменистый.
180	19 —	5½	
230	24 —	2½	
260	19 —	12	
280	29 —	11½	
295	19 —	11	
305	9 —	10	
320	4 —	9	
340	26 восточн.	9	
360	96 —	7	
370	156 —	6½	
380	61 —	5	
405	16 —	7	
500	11 —		

Пристаемъ къ остро-
ву О.

9й Румбъ NW 69° отъ Западной оконечности острова О къ маленькому островку, назначенному на каршѣ буквами bb.

Пере- плы- тое раз- стояніе въ саже- няхъ.	Склоненіе ком- паса.	Глу- бина.	Груч- ты.
	30° восточн		
30	19 —	4	К а м е н н ы й.
61	14 западное	11	
122	9 —	10	
198	12 —	10 $\frac{1}{2}$	
215	19 —	10	
255	24 —	9	
289	29 —	7	
305	19 —	6 $\frac{1}{2}$	
335	14 —	5	
600	10 —	5 $\frac{1}{2}$	

Прислали къ остро-
ву bb.

10^й Румбъ SO 32° отъ острова Q по спвору знаковъ поставленныхъ, одного на срединѣ острова Q, а другаго на Южной оконечности острова M чрезъ красную вѣху, поставленную на 12 $\frac{1}{2}$ сажени глубины на мѣсто примѣченнаго неправильнаго дѣйствія магнитной стрѣлки.

Пере- плы- тое раз- стояніе въ саже- нахъ.	Склоненіе компаси.	Глу- бина.	Грун- ты.
	20° западное		Иль и мѣшанин каменъ.
115	12 восточн.	9	
210	2 —	13	
300	компасъ обо- ротился во- кругъ.	12 $\frac{1}{2}$	
380	12° западное	14	
475	12 —	10	
620	12 —	13 $\frac{1}{2}$	
750	12 —	14	
845	14 —	15	
950	14 —	19	
1050	14 —	20	
1115	14 $\frac{1}{2}$ —	22 $\frac{1}{2}$	
1250	17 —	22 $\frac{1}{2}$	

Подожли къ поста-
вленной на якорѣ
лодкѣ и возвраши-
лись назадъ.

11 й. Румбъ SO 73° отъ острова Т по створу поставленныхъ красной вѣхи и лодки на якорѣ.

Пере- плы- тое раз- стояніе въ саже- няхъ.	Склоненіе компаса.	Глу- бина.	Грун- ты.
	18° западное		
217	17 —	10	И Ч У И н е н е н ь
590	13 —	11½	
620	8 —	12	
643	3 —	11¼	
715	компасъ обо- рошился во- кругъ.	12½	
777	19° западное	14	
900	18 —	18	
1060	18 —	23	
1277	17. —	21	
1370	17 —	24	
1534	16 —	26½	

Пришли къ постав-
ленной на якорѣ
лодкѣ, откуда и
возвратились.

12-й Румбъ NO 89° 30' опъ подводнаго камня подь буквою Z, по створу чрезъ вѣху къ посавлененной на якорѣ лодкѣ.

Переплы- тое раз- стояніе въ саже- няхъ.	Клоненіе компаса.	Глу- бина.	Грун- тъ.
	18° западное		
64	7 —	6	Ч И И И И И И И И И И И И И
100	$\frac{1}{2}$ —	$6\frac{1}{2}$	
115	$11\frac{1}{2}$ восточн	$6\frac{1}{2}$	
145	18 —	10	
175	$23\frac{1}{2}$ —	10	
200	28 —	14	
240	48 —	11	
260	$68\frac{1}{2}$ —	$11\frac{1}{2}$	
292	$89\frac{1}{2}$ —	12	
350	130 —	$12\frac{1}{2}$	
390	56 западное	12	
440	29 —	14	
600	24 —	16	
780	22 —	13	
875	22 —	15	
1025	18 —	17	
1200	16 —	16	

Въ сіе время прохо-
дили вѣху и ком-
пасъ оборотился
вокругъ.

Пришли къ поса-
влененной на якорѣ лодкѣ, ош-
куда возвратились къ шо-
му же подводному камню Z,
ошъ кошораго пошли.

13^й Румбъ SW 31° отъ шакогожь подводнаго камня, означеннаго подъ буквою Z къ поставленной на якорѣ лодкѣ по сввору синей вѣхи, спящей на глубинѣ 7 саженой, гдѣ примѣчено неправильное дѣйствіе магнитной стрѣлки.

Переплытое разстояние въ саженахъ.	Склоненіе компаса.	Глубина.	Грунты.
	19° западн.		
40	14 —	3	И л я н н н н н н н н н н
110	4 —	6 $\frac{1}{2}$	
180	17 $\frac{1}{2}$ восточн	11 $\frac{1}{4}$	
215	22 —	8	
265	31 —	7	
450	71 —	8 $\frac{1}{4}$	
530	31 —	9	
670	9 западн.	9 $\frac{3}{4}$	
830	11 —	11 $\frac{1}{2}$	
1050	13 —	11 $\frac{1}{2}$	
1115	14 —	12	
1200	14 —	12	
1260	15 $\frac{1}{2}$ —	16	

Въ сіе время проходили синюю вѣху, которая поставлена на 7 саженахъ глубины, на томъ мѣстѣ, гдѣ примѣчено неправильное дѣйствіе магнитной стрѣлки.

Пришли къ поставленной на якорѣ лодкѣ, отъ которой возвратились.

1/4 й Румбъ SO 17° опъ наружнаго камня
подъ буквами tt по сѣвору чрезъ синюю
вѣху къ поставленной на якорѣ лодкѣ.

Переплы- тое раз- стояніе въ саже- нахъ.	Склоненіе компаса.	Глу- бина.	Грун- ты.
	19° западное		
155	21½ —	9	Ка- мен- ныи.
240	14 —	11	
310	10 —	8	
330	16 восточн.	9	
350	76 —	7	
480	38 —	9	
560	9 западное	9½	
590	13 —	10	
910	14 —	11	
1160	14½ —	9	
1280	15 —	13½	

Въ сіе время прохо-
дили мимо синей
вѣхи, поставлен-
ной на мѣстѣ не-
правильнаго дѣй-
ствія магнитной
стрѣлки.

Пришли къ постав-
ленной на якорѣ лодкѣ
и кончили наблюденія.

Наблюдатели при всѣхъ сихъ плаваніяхъ
замѣчали переменны въ склоненіи компаса съ
довольною точностію; но не лзя имъ было
дѣлать наблюденія надъ наклономъ магнитной
стрѣлки по причинѣ колебанія гребнаго судна,
и пошому они приславали къ разнымъ оспро-
вамъ и на оныхъ нашли слѣдующее склоненіе
компаса и уклонъ магнитной стрѣлки опъ
горизонтальнаго ея положенія къ опѣвсу.

Мѣста наблюдений.	Склоненіе компаса.	Уклонъ магнитн. стрѣлки.
На островѣ А	7 $\frac{1}{4}$ ° Западн.	66° 30'
— — В	9 $\frac{1}{4}$ —	86 20
— — Н		
— Восточномъ краѣ	57 —	82 45
— срединѣ онаго	109 $\frac{1}{4}$ —	89 45
— Западномъ краѣ	176 $\frac{1}{2}$ Восточн	86 30
Острова О на Юго-Западномъ мысѣ въ верху ушеса	135 Западное	85 30
Тогожь острова на Юго-Вос- точномъ мысѣ	26 —	75 30
На островѣ Т у самой башни	18 —	72 15
Острова С на высокости	9 45' —	62 15
На островѣ Г	12 30 —	68 30
— камнѣ Р	12 30 —	88 00
— островѣ К	11 30 —	60 15
— — I	2 Восточн	78 15
Ошь островка I къ SSW $\frac{1}{2}$ W во 160 саженьхъ на на- ружномъ камнѣ	11 —	88 15
На островѣ D	8 Западн.	75 15
— — L Сѣверной высо- кости	10 —	73 "
Острова М на Сѣверной око- нечности	12 $\frac{1}{2}$ —	81 30
На срединѣ острова Q	21 $\frac{1}{2}$ —	70 30
— островѣ большомъ Юсари :		
При Юго-Восточномъ мысѣ	5 $\frac{1}{4}$ —	85 15
— Западномъ мысѣ	12 —	81 15
На островѣ hh	19 $\frac{1}{4}$ —	73 30
— — R	20 —	73 30
— островкѣ aa	17 $\frac{1}{2}$ —	85 15
— — bb	10 $\frac{1}{2}$ —	80 15

3го Сентября наблюдатели, по причинѣ недостачка въ морской провизіи, возвратились въ Свеаборгъ. Изъ журналовъ ихъ сочинена въ 1815 году карта острововъ Юсари съ прилежащими къ нимъ шхерами, а нынѣ положены на оную всѣ сдѣланныя ими плаванія въ 1816 году, съ означеніемъ всѣхъ замѣченныхъ перемѣнъ склоненія компаса, на 30^{ти} квадрашныхъ верстахъ. При разсмотрѣніи сей карты видно вездѣ уклоненіе магнитной стрѣлки много или мало отъ надлежащаго ея положенія, въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ надъ глубиною моря 17 и 12 саж. вершлась она вокругъ своего центра.

Такое сильное дѣйствіе на компасъ не могло происходить отъ сокрытыхъ подъ водою въ материкѣ желѣзныхъ рудъ: ибо на судахъ, нагруженныхъ желѣзомъ, хотя компасъ находится отъ онаго не далѣе 3^{хъ} сажени, но не имѣетъ никакого надъ нимъ вліянія. И шакъ ушвердительно можно полагать, что

примѣченное необыкновенное дѣйствіе надъ компасомъ въ окрестностяхъ острова Юсари, происходишь отъ магнитныхъ камней, сокрытыхъ въ материкѣ подъ водою. Сіе мнѣніе также согласо и съ замѣчаніемъ Г. Академика Севергина, который испытывая камни, взятыя съ острововъ Н и О, находилъ ихъ горной породы шрапа, примѣчательнаго шѣмъ, что часто содержишь въ себѣ магнитный камень.

Наши наблюдатели проспирала испытанія свои къ Югу отъ острова Юсари не далѣе $5\frac{1}{2}$ верстъ, и шамъ при глубинѣ 16 и 22 саж. находили склоненіе магнитной стрѣлки на 4 и на 5 градусовъ болѣе противъ надлежащаго; что и подало сомнѣніе, не проспирается ли еще далѣе въ Финскій заливъ подъ водою горный шрапъ съ магнитнымъ камнемъ, который дѣйствуя на компасъ, можетъ причинишь бѣдствія мореплавателямъ, подходящимъ къ шѣмъ мѣстамъ.

„Мѣсто сіе, говоришь Геше, извѣстно
 „сдѣлалось по несчастіямъ, прешерпѣн-
 „нымъ мореходцами. Одинъ Датскій ко-
 „рабль разбился при островѣ Q, а 5
 „другихъ судовъ погибло при каменьяхъ,
 „лежащихъ къ Югу отъ острова T“.

Сіе самое побудило отправивъ въ
 прешій разъ тѣхъ же наблюдашелей для
 точнаго опредѣленія границъ неправиль-
 наго дѣйствія компаса. Они въ лѣтѣ
 1817 года исполнили возложенное на нихъ
 порученіе и нашли, что неправильное
 дѣйствіе магнитной стрѣлки проспи-
 рается отъ острова Юсари къ Югу въ
 Финскій заливъ не далѣе 7 верстѣ. Пла-
 ваніе ихъ проспиралось по тѣмъ же на-
 правленіямъ, по коимъ дѣланы наблюде-
 нія и прошедшаго лѣта, но продолжали
 оное далѣе прежняго и доходили до тѣхъ
 мѣстѣ, гдѣ оканчивалось неправильное
 дѣйствіе компаса, и гдѣ оказывалось уже
 склоненіе онаго 12° Западное, каковое
 должно бысть въ тѣхъ мѣстахъ.

*Румбы, по коимъ наблюдатели предпринима-
ли плаванія отъ разныхъ мѣствъ.*

1.) Отъ острова Q по румбу SW 29°
на 4 версты 165 сажений.

2.) Отъ камня tt по румбу SO 7° на 3
версты 283 сажень.

3.) Отъ острова Q по спвору на румбъ
SO 32° на разстояніе 4 верстъ и 164 са-
женъ.

4.) Отъ острова T по спвору на румбъ
SO 73° на разстояніе 4 версты и 380 саж.

5.) Отъ камня лежащаго отъ острова
Q къ SW по спвору на румбъ SO $89\frac{1}{4}^{\circ}$ на
разстояніе 3 верстъ и 520 сажений.

6.) Отъ камня Сегерстейна по спвору
черезъ островъ С на румбъ SO 44° на раз-
стояніе отъ онаго камня 3 верстъ и 27 са-
женей.

7.) Отъ острова A по спвору черезъ мѣ-
сто камня Сегерстейна на румбъ SO 60° на
разстояніе 3 верстъ и 80 сажений.

8.) Отъ камня подъ липерами tt по
румбу SO 7° на разстояніе 3 верстъ и 300
сажений.

О
ВОДОПАДАХЪ ГЪКИ ОРИНОКО.

Въ послѣднемъ публичномъ собраніи сей Академіи (*) изобразилъ я неизмѣримыя равнины, коихъ свойство дѣлается разнообразнымъ отъ климата: иногда являющся онъ въ видѣ пространствъ отъ распѣній обнаженныхъ; иногда же въ видѣ степей или обширныхъ зеленѣющихся луговъ. Льяносамъ, въ Южной части Новаго Свѣта лежащимъ, я противоположилъ ужасное песчаное море,

(*) О водопадахъ Ориноко, какъ и помѣщенное въ семь Журналѣ *о степяхъ и цувствіяхъ*, чищаны были Гумбольдцомъ въ публичныхъ собраніяхъ Берлинской Академіи Наукъ въ 1806 и 1807 годахъ.

заключающее внушренность Африки, а сему возвышенную степь средней Азии, обиталище народов - паспырей и завоевателей, копорые нѣкогда исходя изъ нѣдръ Востока, распроспраняли по всей землѣ варварство и опустошеніе.

Тогда дерзнулъ я соединить великіе феномены въ одну картину природы и представилъ сему Собранію предметы, коихъ точное изображеніе соотвѣпствовало душевному расцоложенію нашему; нынѣ же заключивъ себя въ шѣсный кругъ феноменовъ, я хочу представилъ взорамъ пріятный видъ роскошнѣйшаго прозябенія и долины орошаемая пѣнящимися водами. Я описываю два великія зрѣлища, заключенныя природою въ нѣдрѣ Гваяны, въ пустынныхъ мѣстахъ Апуресскихъ и Майпуресскихъ — сіи водопады рѣки Ориноко, споль знаменитые, но до меня мало посѣщаемые Европейцами.

Впечатлѣніе, производимое въ насъ зрѣлищемъ природы, опредѣляется не

сколько подробными описаніями какой-либо страны, сколько блескомъ, при которомъ являются горы и долины; иногда видимъ оныя при ясномъ лазоревомъ небѣ, а иногда озаренныя слабымъ свѣтомъ, проникающимъ сквозь сгущенныя облака. Равнымъ образомъ изображенія сего разнообразнаго зрѣлища дѣйствуютъ на насъ сильнѣе или слабѣе, смотря по соотношенію ихъ къ нашей чувствительности: ибо во глубинѣ души нашей отражается живо и точно образъ физическаго міра. Очертаніе горъ, которыя въ шуманной онда-ленности ограничивають небосклонъ, мракъ еловыхъ лѣсовъ, быстрая рѣка стремящаяся съ шумомъ и яростію между нависшими скалами — словомъ, все то, что составляетъ оплечивельный видъ сельской картины, имѣло всегда таинственнае соотношеніе съ сущностію жизни челоуѣка.

Изъ сего-то соотношенія проис-
каеть благороднѣйшая часть наслажде-

ній, даруемыхъ намъ природою. Нигдѣ она столь сильно не поражаетъ насъ своимъ величіемъ, нигдѣ столь разительнo не говоритъ намъ, какъ подъ небомъ Индіи. И такъ осмѣливаюсь нынѣ еще представить Собранію новую картину сихъ странъ, надѣясь, что оно не будетъ равнодушно ко всѣмъ краскамъ оной. Воспоминаніе объ оподаленной и плодородной странѣ, зрѣлище свободнаго и роскошнаго прозябанія, обновляютъ и укрѣпляютъ душу, а спѣсняемый | наспоющимъ положеніемъ духъ, охотно занимается младенчествомъ рода человѣческаго и величественною простотою онаго.

Пасажные вѣтры, а съ ними и печеніе водъ къ Западу, благопріятствуютъ плаванію по Тихому морю (*),

(*) Атлантическій Океанъ между 23 и 70 градусами Сѣверной широты имѣетъ видъ длинной долины. Мнѣніе о семъ изложилъ я пространнѣе въ одномъ изъ моихъ сочиненій,

наполняющему пространную долину, лежащую между Новымъ Сѣвомъ и Западною Африкою.

Прежде, нежели появился берегъ Америки изъ-за округлой поверхности воды, слухъ поражается клокошаніемъ пѣнящихся волнь. Мореплаватели, незнающіе сихъ прибрежныхъ мѣстъ, могутъ полагать, что близъ оныхъ должно быть или мѣлководіе, или источникъ прѣсной воды по срединѣ Океана, какъ у Аншильскихъ острововъ (*).

подъ заглавіемъ: *Essai d'un Tableau géologique de l'Amérique Meridionale*, помѣщенномъ въ Физическомъ Журналѣ Т. 53 стр. 61. Огъ Канарскихъ острововъ, преимущественно огъ 21 градуса Сѣверной широты и 25 Западной долготы до Сѣверо-Западнаго берега Южной Америки, поверхность моря пребываетъ въ покой ширинѣ и имѣетъ споль малое движеніе, что открытый шлюль безопасно можетъ ѣздить по сей части моря.

(*) Подлѣ Южнаго берега острова Кубы, на Юго-Западѣ огъ гавани Бошабано, въ

Ближе къ гранишному берегу Гваяны, представляется взорамъ большое устье быстрой рѣки, вышупающей подобно безбрежному озеру и разливающей прѣсныя воды свои далеко въ Океанѣ. Зеленоватая, а на ошмѣляхъ млеку по-

заливѣ Ксагвы, въ двухъ или трехъ морскихъ миляхъ отъ швердой земли, вышупающъ по среди соляныхъ водъ, вѣроятно чрезъ гидроспашивческое давленіе источникъ прѣсной воды. Они изпоргающъ съ шакою силою, что приближеніе къ симъ самымъ мѣстамъ опасно для малыхъ судовъ, по причинѣ большихъ и пресѣкающихся волнъ. Прибрежные корабли посѣщаютъ иногда сія источники, дабы запаснись посреди Океана, прѣсною водою. Чѣмъ глубже черпающъ воду, тѣмъ она прѣснѣе. Здѣсь часно бьютъ моржей (*Trichechus manati*), копорые не водятся въ морской водѣ. Сіе удивительное явленіе, о коемъ никшо до сихъ поръ не упоминаль, изслѣдовано было въ почности Францискомъ Лемауромъ, копорый сняль шакже шригономешрически заливъ Ксагва. Я былъ на островахъ, именуемыхъ Королевскими садами (*Jardines del Re*), но не въ самомъ заливѣ.

добныя волны сей рѣки, весьма оплечающія ошь синевы моря, опдѣляющаго оныя яркою черпою.

Имя Ориноко, данное сей рѣкѣ первыми ея опкрытелями и безъ сомнѣнїя происходящее ошь смѣшенїя языковъ, совершенно неизвѣстно во внушренноспї спраны; ибо дикіе и необразованныя народы означаютъ собственными именами шокмо шакіе предметы, которые могутъ быть смѣшаны съ другими. Рѣки Ориноко, Амазонская и Магдалена именуяшя иногда, по проспо рѣкою, по большою водою, между шѣмъ, какъ прибрежныя жштели дають малѣйшимъ ручьямъ собственные имена.

Теченїе Ориноко между Америкою и оспровомъ Троицею, кошорый изобилуетъ асфальпомъ, споль сильно, что суда при попушномъ Западномъ вѣтрѣ и полныхъ парусахъ, едва могутъ преодолѣшь оное. Сїя уединенная и ужась наводящая спрана, названа печальнымъ заливомъ (Golfo triste). Входъ въ оный

образуетъ пасты драконову (bosca del Drago). Здѣсь - по посреди ярящихся волнъ возвышаются огромныя отдѣльно стоящія скалы, остатокъ древней площадки (*), разрушенной спремленіемъ водъ и соединявшей нѣкогда островъ Троицу съ берегомъ Паріи.

Видъ спраны сей удосповѣрилъ въ первый разъ отважнаго міроопкрывателя Колумба о существованіи пвердой земли — Америки. „Споль чрезмѣрное „количество прѣсной воды“, такъ разсуждалъ сей мужъ, „знавшій совершенно природу, могло шокмо собраться

(*) Во времена Спрабопа и Плиніа находилась также въ Гибралтарскомъ проливѣ между Геркулесовыми сполпами опмѣль, копорая соединяла оба маперика и копорую весьма справедливо пменовали порогомъ Средиземнаго моря. Когда исчезли таковыя опасныя мѣли для Финикійскихъ кораблей и когда соккрылись нѣ острова, копорые по свидѣшельству Спрабопа и Мелы лежали въ семъ проливѣ?

„при печеніи большой рѣки. Справа, откуда протекаетъ сія вода, должна быть материкъ, а не островъ.“ Подобно какъ спутники Александровы, перешедъ покрытый снѣгомъ Паропамисъ (*), предполагали, что изобилующій крокодилами Индъ составляетъ рукавъ Нила, такъ и Колумбъ, не зная сходства наружнаго вида, которое имѣють между собою всѣ произведенія климата, гдѣ произрастають величественныя пальмы, думалъ, что новая твердая земля есть продолженіе Восточнаго берега Азии. Пріятная прохлада вечерняго воздуха, эфирная лазурь утренняя звѣздами небснаго свода, благоуханіе цвѣтовъ разливающееся по окрестнымъ мѣстамъ, все заставляло его предполагать,

(*) Чипая сообщенное намъ Діодоромъ въ Кн. XVII. стр. 553 описаніе Паропамиса, можно почесть оное вѣрнымъ изображеніемъ Андовъ въ Перу. Воины проходили обширныя мѣста, гдѣ ежедневно шелъ снѣгъ.

(шакъ повѣспвуетъ Геррера (*) въ своихъ Декадахъ), что онъ недалеко отъ Эдемскаго сада, священнаго жилища первыхъ челоѡковъ. Ориноко почель онъ одною изъ чешырехъ рѣкъ, копорыя по общему преданію первобытнаго міра происпекали изъ земнаго рая для орошенія и раздѣленія новоукрашенной произраспнїями земли. Сіе піипическое мѣсто въ пушешесвіи Колумбовомъ имѣеть много привлекательнаго. Оно показываееть, что шворческое воображеніе спихопворца дѣйспвуетъ какъ на мореплавателя, откывшаго міръ, шакъ и на всѣхъ людей великими свойспвами одаренныхъ.

Разсмапривая чрезвычайное количество воды, текущихъ изъ рѣки Ориноко въ Атлантическій Океанъ, можно предложить себѣ вопросъ: копорая изъ рѣкъ больше — Ориноко, Амазонская или Ла-Плаша? Сей вопросъ слишкомъ обши-

(*) *Agriar. hist. lib. 6 initio.*

рень, какъ и понятіе о физической величинѣ. Устье рѣки Ла-Платы чрезвычайно широко: оно содержишь 23 географическія мили. Но относительно къ двумъ послѣднимъ рѣкамъ, Ла-Плата, такъ какъ и другія въ Англійскихъ владѣніяхъ находящіяся рѣки, протекаетъ малое пространство. Мѣлководіе ея у города Буэносъ - Айреса затрудняетъ судоходство. Рѣка Амазонская есть величайшая. Ея теченіе отъ озера Лаурикоха, гдѣ беретъ она свое начало, до устья, содержишь 720 географическихъ миль. Напротивъ того, ширина ея въ области Жанъ де Бракаморса неподалеку отъ Реншамскаго водопада, гдѣ измѣрялъ я ее у подошвы живописной горы Патахумы, едва равняется ширинѣ Рейна у Майнца.

Ориноко при устьѣ своемъ гораздо уже Ла-Платы и рѣки Амазонской. Длина его по моимъ астрономическимъ наблюденіямъ содержишь шокмо 260 географическихъ миль. Но далѣе во внутренности

Гваяны, во 140 миляхъ отъ успья, я нашелъ при высокой водѣ, что рѣка сія имѣла въ ширину болѣе 16200 фушвъ. При періодическомъ приливѣ сей рѣки, поверхность воды возвышается отъ 48 — 52 фушвъ. Ориноко представляеть разительное сходство съ Ниломъ какъ рукавами, раздѣляющимися на безчисленное множество другихъ, шакъ и правильностию своего прилива и оплива, величиною и множествемъ крокодиловъ. Есть еще и другое сходство между сими рѣками: онѣ съ шумомъ спремшся изъ лѣсу между гранишными и сіенишными горами и доспигнувъ безлѣсныхъ береговъ, пропекають тихо и медленно по горизонтальной поверхности. Отъ знаменишаго Гогамскаго озера, лежащаго въ Абиссинскихъ Альпахъ до Сіэны и Элефанпины, печеть Ниль чрезъ горы Шангальскія и Сенаарскія. Такимъ образомъ спремшся и Ориноко съ Южной пологости горной цѣпи, проспирающейя подъ 4 и 5 гра-

дусами Сѣверной широты, отъ Французской Гвіяны на Западъ къ Андамъ Новой Гранады. Источники рѣки Ориноко не были посѣщаемы ни однимъ Европейцемъ, даже ни однимъ, котораго бы имѣлъ съ Европейцами какое либо сношеніе.

Лѣтомъ 1800 года, во время плаванія нашего по верховьямъ Оринока, прибыли мы къ устьямъ рѣкъ Содомони и Гуапо. Здѣсь возносятся превыше облаковъ гора Дуида, коей навѣсисшая вершина являетъ одно изъ прекрасныхъ зрѣлищъ подъ широтами. Южная пологость сей горы есть безлѣсная равнина. Влажный вечерній воздухъ разливаетъ здѣсь благоуханіе ананасовъ, коихъ сочные спелы возвышаются посреди низкихъ луговыхъ растѣній. Подъ синимъ лиственнымъ вѣнцемъ, блестятъ вдали златовидный плодъ. Гдѣ горные источники выступаютъ изъ подъ зеленого ковра, тамъ споятъ уединенно кусты высокихъ вѣрообразныхъ пальмъ.

Прохладное вѣяніе воздуха никогда въ сей знойной странѣ не колеблеть ихъ листвьевъ.

На Воспокъ опть Дуиды начинаешся глушь дикихъ какаовыхъ деревъ, которыя окружають знамениное древо *Bertholetia excelsa* (*), плодоносѣйшее произведеніе странъ подъ пропиками лежащихъ. Здѣсь-то Индѣйцы выдѣлываютъ для себя изъ длинныхъ прѣспей свирѣли, коихъ колѣнца бывають длиною въ 17 фушовъ. Нѣкоторые Францисканскіе монахи достигнули до устья Гигвиры, гдѣ рѣка Ориноко столь узка, что близъ порога Гвахарибскаго, тамошніе жишели сдѣлали изъ плешней чрезъ нее мостъ. Гваикасы (бѣлое, малорослое народопоклѣніе), вооруженные оправленными стрѣлами, преграждають робкому страннику дальнѣйшій путь на Воспокъ.

(*) *Juvia*. S. das 5. Heft Humboldts plantes équinoxiales.

И пакъ все по баснословно, что повѣсвуютъ объ озерѣ, откуда беретъ свои источники Ориноко. Тщешно ищутъ въ природѣ озера Дорады, которое на новѣйшей картѣ Арошмиша означено моремъ, въ срединѣ земли на 20 миль въ длину простирающимся. Не было ли поводомъ къ сему баснословию, по малое, простирикомъ покрытое озеро, изъ котораго течетъ Пирара, въпвъ рѣки Мао? Но сіе болошо имѣетъ свое положеніе 5 градусовъ къ Западу далѣ той страны, гдѣ можно предположить, что находятся источники рѣки Ориноко. Посреди онаго лежить островъ Пумасена, вѣроятно скала изъ слюдисшаго сланца состоящая, коей блескъ со временъ шестнадцатаго столѣтія, произведя баснословіе Дорады, былъ достопамятнымъ, но часто пагубнымъ игрищемъ для обманушаго челоувѣчества.

По преданію многихъ тамошнихъ жишелей облака Южнаго неба надъ Ма-

гелланскую землю, даже великолѣпныя шуманныя пѣсна корабля Аргоса, сушь шокмо опсвѣшокъ менталлическаго блеска серебряной горы Паримы. Впрочемъ есть древнее мнѣнiе всѣхъ землеописателей однимъ умозрѣнiемъ занимающихся предполагать, что будшо всѣ величайшiя рѣки свѣта должны происпекать изъ озеръ.

Ориноко принадлежитъ къ шѣмъ удивленiя достойнымъ рѣкамъ, кои послѣ многочисленныхъ къ Западу и Воспоку изворотовъ, шекупъ наконецъ возвращено такимъ образомъ, что успѣя ихъ находящаяся почти подъ однимъ меридiаномъ съ ихъ источниками. Опъ Хигвиры и Гехешпы до Гавiары, просширается Ориноко на Западъ, какъ бы желая доставить воды свои Тихому океану. Въ семь проспранствѣ направляеть онъ на Югъ дошопримѣчательный, но мало извѣстный въ Европѣ рукавъ, именуемый Кассиквиарскимъ, который соединяется съ рѣкою Негромъ или (какъ

называютъ ее тамошніе жители) Гваи-
ніею, — что предсавляетъ единствен-
ный примѣръ соединенія двухъ величай-
шихъ рѣкъ.

Качество почвы и паденіе Гвавиары
и Апабапо въ рѣку Ориноко, побужда-
ютъ сію послѣднюю принять мгновенно
свое направленіе къ Сѣверу. Отъ незна-
нія Географіи, почивали долгое время
Гвавиару истиннымъ источникомъ рѣки
Ориноко. Я надѣюсь, что сомнѣніе, ко-
торое возмѣлъ съ 1797 года одинъ
знаменистый землеописатель (*) о воз-
можности соединенія сей рѣки съ Ама-
зонскою, уничтожено совершенно моими
путешествіями. При непрерывномъ пла-
ваніи нашемъ 472 географическихъ миль
по удивительной сѣти рѣкъ, прибылъ я
отъ рѣки Negro чрезъ Кассиквиару въ
Ориноко, или отъ Бразильскихъ гра-
ницъ чрезъ внутренность материка до
Каракасскихъ береговъ.

(*) Г. Буахъ. Смори его карту Гви-
аны. 1789.

Въ сей верхней части богатой рѣками обласпи, между 3 и 4 градусомъ Сѣверной широты, природа многократно повтораля непонятное и чудесное явленіе пакъ именуемыхъ черныхъ водъ. Атабапо, коей брега украшены древообразными черными распѣніями (*Caoginea Melastoma*), Теми, Туамини и Гваинія сушь рѣки темнокофейнаго цвѣта. Сей цвѣтъ въ пѣни пальмовыхъ кустовъ переходитъ въ черный. Въ прозрачныхъ же сосудахъ вода златовидна. Съ удивительною ясностію отражается въ сихъ черныхъ рѣкахъ образъ Южныхъ созвѣздій. Гдѣ протекають шихо воды, тамъ наблюдательному съ орудіемъ отраженія въ рукахъ созерцателю, являють онѣ превосходнѣйшій, искусвенный горизонтъ.

Недостатокъ въ крокодилахъ и рыбахъ, умѣренный холодъ, малое количество жалящихъ москишовъ, здоровый воздухъ, знаменують спрану черныхъ рѣкъ. Върояшно, онѣ обязаны своимъ

удивительнымъ цвѣтомъ нѣкопорому рас-
 своренію углеводошвора, роскошнѣйше-
 му изобилію прозябаемыхъ подъ пропи-
 ками лежащихъ спранъ и множеству
 различныхъ правъ, покрывающихъ зем-
 лю, по кошорой рѣки сіи прошекають.
 Въ самомъ дѣлѣ я примѣшиль, что на
 Западной пологоспи горы Шимборазо,
 къ берегамъ Тихаго моря, вышупившія
 изъ рѣки Гваяквилы воды, принимали
 мало по малу злаповидный, почши ко-
 фейный цвѣтъ, когда цѣлыя недѣли по-
 крывали луга.

Не подалеку отъ устья Гвавиары и
 Ашабапо произрастаетъ величественна-
 го вида пальма, именуемая *Rigüaо*, ко-
 ей гладкій на бо фушовъ высокій пенъ,
 украшенъ нѣжными проспникообраз-
 ными, а по краямъ кудрявыми лисья-
 ми. Я не знаю ни одной пальмы, на ко-
 торой бы росли такіе большіе и пре-
 красные цвѣтомъ плоды. Они походятъ
 весьма на персики и имѣють желтый
 цвѣтъ, смѣшенный съ багрянымъ. Отъ сем-

десяти до восьмидесяти шаковыхъ плодовъ образують ужасной величины кисти, изъ коихъ шокмо при на каждомъ пнѣ ежегодно созрѣвають. Сіе великолѣпное расцвѣтіе, можно бы было назвать персиковою пальмою. Сочные его плоды безсѣменны; но они доставляють тамошнимъ жителямъ пипанельное и мучное яство, которое, какъ пизангъ и каршофель, можеть приутопвляемо бытъ многоразличнымъ образомъ.

До сего мѣсна или до успья Гвавіары, печеть Ориноко вдоль Южной пологости Паримской горы. Отъ лѣваго берега его до 15 градуса Южной широты, по другую сторону экватора, простирается неизмѣримая, лѣсами покрывшая равнина Амазонской рѣки. Но при Санъ-Фенандо де Ашабапа Ориноко перемѣнивъ мгновенно свое печеніе къ Сѣверу, просѣкаетъ даже часть горной цѣпи. Здѣсь лежатъ великіе водопады Ашуресь и Майпуресь. Здѣсь-то русло рѣки спѣснено повсюду ужасной ве-

личины скалами и разделено въ то же
 время самою природою устроенными
 площадями на особенные водоемы. Про-
 шивъ устья Мелы спойшь среди пучи-
 ны клочащихъ водъ уединенная скала,
 которую тамошніе жители весьма при-
 лично именуютъ *камень терлѣня*; и
 ибо плывущіе въ верхъ рѣки во время
 высокихъ водъ, должны пребыть здѣсь
 иногда двое сутокъ. Рѣка, протекающая
 далеко во внутренность страны, обра-
 зуетъ въ скалахъ живописные бухты.
 Противъ Мисіи Индѣйцевъ, Кариханы,
 поражается странникъ удивительнымъ
 зрѣлищемъ. Взоръ невольно усстремляет-
 ся на крупную, кубической фигуры гра-
 нушную скалу, именуемую Могошь де
 Кокуиза, которой стороны возвышены
 на двѣсти футовъ и на плоской по-
 верхности коей спойшь высокій лѣсъ.
 Подобно Циклопу памянику, воз-
 вышается сія громада скалъ высоко
 надъ вершиною вокругъ нее споящихъ
 палей, и въ яркомъ очертаніи оцѣ-

лясь отъ темной лазури неба, явля-
 ешь лѣсъ надъ лѣсомъ.

Есшля отправишься водою далѣ
 внизъ къ Мисси Кариханы, по достиг-
 нешь того мѣста, гдѣ рѣка проложила
 себѣ дорогу чрезъ узкій Барагванскій
 проливъ. Здѣсь повсюду встрѣчаешь какъ
 бы слѣды опустошенія. Далѣ къ Сѣве-
 ру близъ Уруаны и Энкарамады возвы-
 шающяся гранишныя горы спраннаго ви-
 да (grotesque), кошорыя, будучи раздѣле-
 ны на чудесныя зубцы, блестятъ вы-
 соко изъ-за кустовъ ослѣпляющею бѣ-
 лизною.

Въ сей спранѣ, рѣка отъ устья
 Апуры покидаеть цѣпь гранишныхъ горъ.
 Направляя къ Востоку свое печеніе,
 ошдѣляетъ она до Атланшического Оке-
 ана непроницаемыя Гвіанскіе лѣса отъ
 зеленыхъ луговъ, на коихъ въ непре-
 дѣльной опдаленности покоишя сводъ
 небесный. — Такимъ образомъ Ориноко
 обшекаетъ съ шрехъ споронъ, Юга,
 Запада и Сѣвера высокій горный хре-

бепгь, занимающій великое пространство между источниками Яо и Кауры. Отъ Кариханъ до устья его печеніе не преграждается ни скалами, ни водоворотами, исключая шокмо такъ называемой пасши Ада (Восса del Inferno) близъ Муйшака лежащей, гдѣ пороги производящъ нѣкоторое круженіе водъ, не препятствуя однако же совершенному печенію оныхъ, какъ въ Ашуресѣ и Майпуресѣ. Въ сей приморской странѣ не знаютъ плаваши другой опасности кромѣ шой, которая происходитъ отъ плоховъ, самую природою успроенныхъ, о кои нерѣдко въ ночное время разбиваются ихъ суда. Сіи плопы состоятъ изъ большихъ деревъ, вырываемыхъ и увлекаемыхъ съ береговъ рѣкою во время ея разлива. Покрышые, подобно лугамъ, цвѣшущими водяными растѣніями, они напоминаютъ намъ о плавающихъ садахъ Мексиканскихъ озеръ.

Обозрѣвъ быспрымъ окомъ печеніе рѣки Ориноко, и все, что ни являетъ

она намъ вообще достопримѣчательнаго,
перехожу я къ описанію водопадовъ и
собственно такъ называемыхъ пороговъ
Ашуреса и Майпуреса.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

СОЛНЦЕ и ЛУНА.

Изъ Гердера.

Дщерь красоты! убѣгай зависти: зависть низвергла Ангеловъ: она же помрачила и прелестное свѣшило ночи — Луну.

Предвѣчный изрекъ въ Совѣщѣ своемъ: „да возсіяють два Свѣшила на тверди Небесной — Цари земли, вожашиа круга времени.“

Онъ рекъ — и исполнилось. Взошло Солнце, первое Свѣшило. Подобно жениху изшедшему на упру изъ своей храмины, подобно Герою, веселящемуся своимъ поприщемъ, явилось оно облеченное блескомъ Божиимъ. Вѣнецъ изъ всѣхъ цвѣшовъ сіялъ на челѣ его: земля ликовала; правы испаряли благовоніе;

цвѣшны красовались лучшимъ убранствомъ своимъ.

Съ завистью взидало на сіе другое свѣшило, негодуя, что не могло помрачить его. „Къ чему, говорило оно съ досадою, возсѣдашь двумъ Царямъ на одномъ престолѣ? Почему я второе свѣшило — не первое?“

И свѣтъ его зашмился. Разсѣясь по неизмѣримому пространству воздуха, превратился въ сонмъ звѣздъ.

Мертвая блѣдность просперлась по лицу Луны. Спыдаясь предъ всѣми свѣшилами, проливая она слезы: „Сжался, Отецъ сущесшвъ, сжался надъ оставленной!“

И Ангелъ Господень явился зашмившейся: Онъ произнесъ слово судьбы: „Ты завидовала свѣшу солнца, несчастная, и будешь за то впредъ заимствовать огонь него свѣтъ свой; когда же земля спанетъ впереди себя, ты помрачишься въ половину, или совѣтъ, какъ нынѣ.“

„Но не отчаявайся. Милосердый про-
 „шилъ погрѣшность твою и превра-
 „шилъ оную во благо. Иди, рекъ онъ,
 „иди къ несчастной и ушѣшь ее. Воз-
 „вѣспи ей волю мою: да содѣлаюшя
 „слезы ея раскаянія целѣбнымъ бальза-
 „момъ, исполняющимъ новою силою все
 „попаляемое Солнцемъ.“

Луна ушѣшилась и явилась въ шомъ
 блескъ, копорымъ и нынѣ красуешя;
 она вступила въ тихое поприще, кошо-
 рое и нынѣ свершаешъ, Царица ночи,
 предводительница звѣздъ. Оплакивая ви-
 ну свою, соспрадая каждому несчастію,
 она ищешъ, кого усладишь, ищешъ, кого
 ушѣшишь.

Дщерь красоны! убѣгай зависти:
 Зависшь низвергла Ангеловъ: она же
 помрачила и прелестное свѣшило ночи
 — Луну. —

В. Бриллеръ.

ПОБРОДЯГИНЪ,
ИЛИ
ПРОГУЛКИ ПО ПЕТЕРБУРГУ.

Д Е Н Ъ В Т О Р О Й.
ХУДОЖНИКИ ВО ВСѢХЪ РОДАХЪ.

Опъ кого получили вы письмо
Г. Побродягинъ?

Побродягинъ.

Опъ стараго сослуживца, любезный
приятель!

Я.

Но вы смѣшесь, и кажется мнѣ,
что смѣхъ вашъ необыкновенный?

Побродягинъ.

Очень обыкновенный по тому, что
происходитъ опъ самыхъ обыкновен-
ныхъ причинъ.

Ч. III. Кн. 2.

14

Я.

Не шайна ли?

Побродягинъ.

Со всѣмъ нѣтъ; шакого рода шайны извѣсны многимъ должникамъ и заимодавцамъ.

Я.

А я, какъ недолжникъ и незаймодавецъ, не могу безъ сомнѣнiя въ эпомъ участвовашь.

Побродягинъ.

Можешь: у меня ничего нѣтъ сокрышаго. Вопъ письмо, прочпи самъ.

„Любезный и старинный сослуживецъ! — Ты знаешь, что я, опгъзжая въ Т.... долженъ былъ заняшь 500 рублей на необходимыя пупевыя издержки. Одинъ добродѣшельный респовщикъ, живущiй въ М.... М.... улицъ, въ домъ Г. П.... по прозванiю Криводушинъ ссудилъ мнѣ сумму сiю на два мѣсяца, положивъ роспу по 5 копѣекъ въ каждой — и въ обес-

„печеніе сей суммы взялъ подъ закладъ
 „мою лисью шубу, женинь салопъ, да
 „спѣнные бронзовые часы, доставшіеся
 „мнѣ въ единственное наслѣдство по-
 „слѣ покойнаго дѣда. — Въ надеждѣ
 „не замедлишь расплатою, я вовсе не
 „забоишься о процентахъ; но дѣла мои
 „пошли худо. Вотъ уже 13 мѣсяцевъ
 „минуло, вещи въ залогъ, а онѣ сплываютъ
 „мнѣ 2000 рублей.

„И такъ, прилагая у сего 500 руб.
 „капитальной суммы, да за 13 мѣсяцевъ
 „процентовъ 325 руб., прошу усердно
 „заплатишь великодушному заимодавцу
 „и отобравъ залогъ переслашь ко мнѣ
 „съ попушчиками въ Т. и проч.“

Признаюсь! Это весьма необыкновенная причина вашего смѣха Г. Побродягинъ!

Побродягинъ.

Такъ ты не знаешь еще въ почтоспешныхъ подобныхъ сосрадашительныхъ одолженій?

Я.

Но таковой роспъ запрещень многими законами.

Побродягинъ.

Эшо правда; однако какихъ хипрошей и средспвъ не изыщешъ корысплюбие? Заимодавцы въ акпахъ своихъ означаюшъ одни указные проценпы, а дополнителные вычипаюшъ при дачѣ въ займы капишала. Такимъ образомъ какъ уличить ихъ въ лихоимствѣ?

Я.

Но вы можете Г. Побродягинъ донесъ о семъ Правительству.

Побродягинъ.

Развѣ шебѣ неизвѣспны пшжбы? не очень-шо приятно въ тужомъ лиру лохмѣлье. — Криводушинъ человекъ безъ сомнѣнiя богашый, а я.... могу ль съ нимъ шягашся? — Къ шому же чѣмъ уличить сего благодѣшеля нуждающихся собратiй?

Я.

Письмомъ вашего приятеля.

Побродягинъ.

Самой пусшой докуменпгъ.

Я.

Такъ не отдавайше проценшовъ.

Побродягинъ.

Тѣмъ лучше для Криводушина: онъ оставипгъ у себя закладъ и поидешъ да же къ присягѣ, что денегъ въ займы не давалъ и не принималъ залога.

Я.

Что же вы намѣрены сдѣлать?

Побродягинъ.

Опыскашь Криводушина и расчешься какъ желаетъ самъ пришель мой. — Однакожь медлишь нечего: прощайше!

Я.

Одно слово: пока былъ въ Университетѣ, я зналъ людей по книгамъ, а потомъ по добродушному учаспю въ судьбѣ моей, по снисхожденю, дружбѣ и любви искренней, всшупивъ въ небольшой мирной кругъ родспвеннаго семейства. Но шо, что узнаю отъ васъ, кажешся приключенемъ въ свѣшъ весь-

ма для меня новымъ: я бы весьма желалъ знать послѣдствія.

Побродягинъ.

Эпо отъ себя зависить; пойдемъ со мною.

Мы пришли въскую и по узкой лѣспницѣ вошли въ верхній ярусъ дома П.ва. Побродягинъ отворяетъ дверь? — человекъ среднихъ лѣтъ, въ камзолѣ? подпоясанный передникомъ, держащій въ рукахъ кисти, представился первый нашимъ взорамъ: „кого вамъ надобно,“ спросилъ онъ Побродягина. Я ищу Криводушина. — „Онъ живетъ рядомъ со мною; вотъ дверь, къ нему.“

„Вы вѣрно художникъ, спросилъ Побродягинъ, „Такъ почто; я живописецъ.“ Въ какомъ родѣ сего искусства занимаешься? — „Во всѣхъ родахъ, Государь мой!“ — Позвольте полюбоваться произведеніями кисти вашей. — „Съ удовольствіемъ.“

Въ самомъ дѣлѣ во всѣхъ родахъ живописецъ! — Едва переспустили мы чрезъ порогъ, какъ взоръ нашъ пораженъ былъ необычайною разнообразностію предметовъ искусства. Въ одномъ углу спояла вывѣска съ изображенными разбрыпыми шарѣлками, чашами, чашками, чашечками, блюдами, блюдечками и проч. съ лаканической надписью: *Сей мастеръ сею пасуду гинить.* — Въ другомъ углу шракширная вывѣска съ изображеніемъ нѣсколькихъ лицъ, однихъ сидящихъ за столомъ, а другихъ, проворно прислуживающихъ и съ грамматической надписью: *Въ хотъ вмаалтенской ерберхъ.* — На спанкѣ доканчивалась шренья, представляющая самую быспрую и весьма смѣдую фаншазію художника: двѣ бушылки волшебною силою извергають искромешное пиво фоншаномъ, копорый, изгибаясь дугою, наполняетъ два стоящіе спакана. Надписи еще никакой не было; а пошому Г. художникъ принялъ на себя прудъ объ-

яснить намъ, что сія аллегорія представляеть *портерную лавочку*.

На всѣхъ вывѣскахъ сподло кабацкиспическое число No. I.

Скажише Г. художникъ, для чего на всѣхъ вывѣскахъ вашихъ пославлень одинаковый No.? — „Потому, Государь мой, что никшо изъ ремесленниковъ и лавочниковъ не хочеть, что бы кварта или лавка его означена была инымъ No., какъ 1й; ибо 2, 3 и послѣдующіе уменьшаютъ число покупателей и самую цѣну поваровъ.“
Благодарю васъ, Государь мой, за снисхожденіе ваше и за поудовольствіе, какое доставило намъ ваше искусство.

Изъ двери живописца во всѣхъ родахъ мы вошли въ дверь къ Криводушину.

Лай большой собаки возвѣспилъ хозяину о приходѣ нашемъ. Насъ встрѣшилъ пожилой человекъ въ нанковомъ сѣромъ сюрпукѣ. — Старое кожаное канапе, дубовый сподликъ, на немъ рас-

крышая какая-то въшхая книга, очки, под-
свѣчникъ съ догорѣвшею свѣчкою: все это
едва не увѣрило меня, что входимъ въ оби-
тель опшельника, испытавшаго бури и
превращенности брэннаго міра; но два огром-
ные сундука, щашельно окованные цѣль-
ными полосами желѣза и толстая шну-
ровая книга въ рукахъ хозяина, на ко-
пурой было написано: *Книга записная*
векселей и закладовъ, потчасъ испре-
били во мнѣ прияшныя мысли о безза-
ботной жизни мнимаго счасливца. Я
еще не зналъ, что и подумашъ о на-
шемъ хозяйнѣ, какъ догадливый Г. По-
бродягинъ обратился къ нему съ вопро-
сами.

Не вы ли Г. Криводушинъ?

„Точно такъ; что вамъ угодно?“

У васъ есшъ вещи Г. С..... копо-
рый занималъ подъ нихъ 500 руб.

„Вы вѣрно хопшите ихъ выкупить?“

Да. — Скажите сколько причи-
шаешся процентовъ?

„Справлюсь.“

(Онъ развернулъ полстую книгу и въ нѣсколько секундъ счелъ сдѣланъ.)
 „Процентовъ, приходится 325 руб. да
 „неуспойки 43 руб. 33 $\frac{1}{3}$ коп. Сверхъ
 „того за пошерю процентовъ, которыхъ
 „я лишенъ былъ ровно 13 мѣсяцевъ при-
 „числяется указныхъ 24 руб. 6 коп.
 „всего же 392 руб. 39 $\frac{1}{3}$ коп. однихъ про-
 „центовъ.“

Но это безбожно!

„Безъ сомнѣнiя со стороны Г. С.....
 „которому я оказалъ милосердiе въ нуж-
 „дѣ и который такъ долго продержалъ
 „мои деньги.“

Но вы почти вдвое получаете.

„Никакъ, Государь мой, я пошер-
 „пѣлъ убышокъ. Нынѣ мнѣ даюшъ по
 „7 коп. на рубль въ мѣсяць, а я, сохра-
 „няя честное слово, пребую уплашы по
 „старому договору.“

Долго продолжался споръ о приба-
 вочныхъ деньгахъ Криводушинымъ. На-
 конецъ Побродягинъ приплатилъ свои,

взялъ вещи и мы отправились на Островъ.

Побродягинъ.

Видишь ли любезный другъ, что это также художникъ во всѣхъ родахъ проценшовъ.

Я.

О! я бы его пошчасъ отправилъ въ Полицію.

Побродягинъ.

Въ Полицію? — Избави Богъ! по моему держись правила: *отойди отъ зла и сотвори благо.*

Я.

Развѣ вы дознали уже несправедливостъ судей собственнымъ опытомъ.

Побродягинъ.

До сихъ поръ еще судьба сохранила меня отъ сего несчастія; но я найдя въ одной Кишайской исторіи множество примѣровъ неправосудія, принялъ себѣ за правило избѣгать паязбы. А по сему-то спрашась, что бы за самую справедливостъ свою не потерпѣшь неспра-

ведливости, и не лишиться болѣ опятаго у меня соперникомъ, всегда успу-паль ему собственность свою. Такое правило пригодно, кажется, для многихъ обиженныхъ. Ксташи расскажу тебѣ поступокъ Джургани Бинъ-ма-сы или полицейскаго суда въ Пекинѣ.

Одинъ ремесленникъ, доспававший пропитаніе многочисленному семейству своему обработываніемъ проса, объявилъ въ Джургани, что въ ночное время украдена у него шелъга, въ кошорой онъ обыкновенно возилъ просо. Подозрѣніе пало на сосѣдей, и Яфаха-Укшинъ или полицейскій Офицеръ отпра-вленъ былъ для обыска. Въ самомъ дѣ-лѣ подозрѣніе оказалось справедливымъ. Похищенная шелъга найдена въ сараѣ сосѣда Хошана. И такъ, кажется, дѣ-ло уже кончено! Должно бы отобразить похищенное и похитителя предать су-ду. Но вышло пропивное. Хошанъ зна-комъ корощко Ильхи-Хафану, или од-ному изъ судей въ Джургани, да сверхъ

шого досталъ письмо опъ знашнаго Мандарина къ Тиду (главному судѣ). Чрезъ нѣсколько дней бѣдный ремесленникъ позванъ къ суду за сдѣланное поношеніе Хошану, который показалъ въ отвѣтъ, что шельги не похищаль, но взялъ за долгъ, причитающійся на просодѣлатель, и что за нанесенную обиду пребуешъ онъ удовлетворенія. Ремесленникъ посаженъ былъ въ шюрьму, и чрезъ нѣсколько недѣль приказано ему было заплапшъ Хошану шпграфу 200 лановъ и выѣхашъ чрезъ 13 часовъ изъ города, предославивъ впрочемъ опыскивашъ право на свою шельгу и опровергашъ искъ на немъ Хошана, ежели имѣешъ на то законныя доказательсшва. Замѣшъ при семъ, что Кипайскими законами строго запрещено самоуправсшво, что искъ Хошана недоказанъ и былъ ложной, и просодѣлатель имѣлъ всегда право сказащъ, что шельга его украдена ночью: ибо кромѣ воровъ, никшо въ сіе время шихимъ образомъ чужихъ вещей не уно-

силь. Замѣшь также, что ремесленникъ не обиженъ полицейскимъ судомъ: ему предоставлено право не входя даже въ городъ обыскивать похищенную вещь.

Теперь какъ ты подумаешь о правосудіи въ Кипаѣ?

Я.

Но Кипай не можетъ еще быть примѣромъ всеобщаго неправосудія.

Побродягинъ.

Ахъ, другъ мой, гдѣ люди, тамъ и спраспи. Эту истину чѣмъ опровергнуть можно?

Я.

Скажете въ какой Кипайской книгѣ читали вы о происшествіи просодѣлашеля?

Побродягинъ.

Въ Та-гіо-фа. Ежели ты охотникъ до исторій сего рода, то я по вечерамъ буду ихъ рассказывать, потому что эту книгу ты не такъ-то скоро обыскашь можешь.

Я.

О! я съ благодарностію гошовъ слушаю все полезное.

Между тѣмъ, какъ разговоръ нашъ приближался къ концу, мы достигли уже лубочныхъ сараевъ выстроенныхъ на И** площади. Нужно ли рассказывать, что зрѣлища сіи и присоединенныя къ нимъ качели и горы сославляющъ народныя забавы о свяшой недѣли. Извощикъ съ поклажею отправился домой; а мы зашли полюбоваться представленіемъ фокусниковъ, шпугами фигляровъ и взаимнымъ обращеніемъ госпей, посѣщающихъ сіи шумныя собранія.

Побродягинъ.

Послушаемъ народной пѣсенки нашей. Смори какъ эпопъ молодець, по видимому лакей, сидя въ ящикѣ круглыхъ качелей разливается въ шреляхъ.

Я.

Мнѣ кажется, онъ воображаетъ себя какимъ либо Гайденомъ, Моцаршомъ или Хандошкинымъ.

Побродягинъ.

Нимало: онъ Руской. — Одни иностранцы умѣюшъ изъ мухи дѣлать слона. Посмотри какъ кто либо изъ подобныхъ симъ фокусникамъ, приѣхавъ въ Россію, умѣешь выснавить себя, распишешь, раскрасишь свою испорію, свои таланты, свое искусство съ прибавленіемъ: *то подобнаго не было въ мірѣ*. Обвороженный народъ съ восхищеніемъ бросается къ нему со всѣхъ споронъ, но что я говорю — народъ? — Одинъ токмо классъ народа и, къ сожалѣнію, классъ высшій! Каждый спѣшитъ скорѣе кинуть искусному красно баю деньги, добытые попомъ бѣдныхъ земледѣльцевъ и приѣзжему. Мусье раздаются рукоплесканія и похвалы модной публики. Руской напрошивъ очень скромень; даже одаренный гениемъ, онъ не дозволилъ себѣ дерзкой мысли, что бы чуждъ былъ какихъ недоспапковъ. Весьма немногіе знаютъ его, другіе не хотяшъ знать, а прочіе сами, находя за

неприличное назвать его прекраснымъ именемъ Monsieur, по неволѣ не могушь да и не достойны знать его.

Вслушайся въ пѣсню сего презираемаго большимъ свѣпомъ музыканта : сколько прекрасныхъ , прогашельныхъ поновъ издаешь кларнетъ его ! Забудь при томъ , что иностранцы всегда или изъ зависти , или отъ невѣжества коверкають наши народныя пѣсни , такъ какъ привыкли они коверкать имена Рускія .

Я.

Признаюсь , — нѣсколько разъ слушалъ я , какъ они играютъ наши пѣсни по своимъ нотамъ и всегда досадовалъ , что превосходнѣйшія мѣста искажены ими до чрезвычайности .

Побродягинъ .

Такой поступокъ я признаю оскорбленіемъ народной гордости нашей и чести . — Чу ! слышишь ли странной крикъ , раздающійся съ этаго шалашнаго балкона ? Это драка куколъ ! Одинъ при-

яшель мой, путешествовавший по Европѣ долгое время, сдѣлалъ любопытное примѣчаніе, что шарлашаны сіи въ одной шокмо Россіи заспавляютъ куколъ своихъ безпрестанно драпья палками; это понудило его спросить одного изъ Фигляровъ, какая причина побуждаетъ ихъ въ одной Россіи представлять споль часто прагическія кукольные сцены? — „Мы желаемъ шѣмъ угодишь вкусу Рускихъ“ былъ отвѣтъ шарлашана.

Вошь, другъ мой, каковы иноспранцы! Въ самыхъ шѣхъ случаяхъ, кошорые ихъ унижаютъ совершенно — я говорю о фокусахъ, коверканьяхъ, дурачествахъ и проч. — они еще сами старающя унижать насъ.

Я.

А! вошь еще какой - то Одиль...

Побродягинъ.

Посмотри надпись: *Одиль, уроженецъ Неаполитанскій, приѣхавшій недавно въ Россію, играетъ вдругъ на 7*

инструментахъ. Въ самомъ дѣлѣ недавно, вошь уже *лятой годъ* какъ повшоряешся слово *недавно.*

Я.

Послушаемъ же *Одипа.*

Побродягинь.

Охотно.

Мы вошли въ деревянный сарай, заплаця по 25 коп. съ челоуѣка. Г. Побродягину хотѣлось бышь въ кругу проспаго народа. Передъ нами сидѣло нѣсколькo прекрасно одѣшыхъ дамъ, и дѣшей; челоуѣкъ десяшь франшовъ и имъ подобныхъ фигляровъ. Они занимали первыя мѣсна по 1 рублю съ особы. Предспавленіе еще не началось, и мы принуждены дожидашься пока наполнишся шеашрь.

Побродягинь.

Что ты думаешь о сихъ красавицахъ, изъ коихъ каждая имѣешъ при себѣ по ребенку?

Я.

Это вѣрно мапери; — они пришли позабавишь дѣшей своихъ.

Побродягинъ.

Неправда: это обманъ. Имъ хотѣлось побываешь въ комедіяхъ; но спыдъ воспрещалъ имъ на сіе рѣшиться; а пошому каждая изъ нихъ, ицѣя при себѣ чужаго ребенка, дѣлаешъ видъ, какъ будто для забавы дѣшей вошла въ комедію.

Взгляни на сихъ разряженныхъ и распрысканныхъ духами щеголей. Они уговорились идиши въ сарай, посмѣяшься надъ глупостью и проспошою народа, между шѣмъ какъ сами по глупости своей восхищающся коверканьемъ вымараннаго паяца. Это писцы изъ одной Палашы.

Я.

Изъ нихъ одного я узнаю: посмотрише, не тошъ ли это, кошорый приходилъ къ вамъ шому назадъ съ полго-

да въ разодранномъ плащѣ съ книгою для возвращенія вѣрующаго письма?

Побродягинъ.

Да, это онъ самый. Чшожь шупь мудренаго? Фиглярскіе плушовскіе шпунки и разные ложные фокусы пригодны во всякомъ мѣстѣ.

Вопгь начинаешся комедія. Тоція собаки, одѣшья въ разное плаще, вышли на сцену; заиграла музыка, въ кошорой барабанъ главнѣйшій инспрументъ, — и бѣдныя чешвероногія принялись кружиться за своимъ повелишелемъ, или, лучше сказаць, за его палкою. Посмопри, какъ проспая и смирная собака по волѣ своего господина должна возить на себѣ всю пшажеспь шельжки: проворнѣйшія и хипрѣйшія изъ сихъ живонныхъ занимающъ лучшія покойныя мѣспа въ сей колесницѣ; а эша жирная, вислоухая и самая назойливая, въ видѣ кучера, управляетъ другою шощею собакою, кошорая по взглядамъ своимъ, кропкимъ и какъ бы молящимъ о со-

спраданіи, по всей справедливости доспойна бынь эмблемою вѣрности. Эта собачья сцена часпо бываетъ сходна и съ человѣческою. Простосердечный и прудолобивый работаешъ какъ волъ, потому что онъ имѣешъ разумъ; хищные глупцы покояшя за большимъ сподомъ, а хипрѣйшіе управляюшъ всею машиною, приводя ее въ дѣйствіе посредствомъ людей прудолобивыхъ, хотя неискательныхъ, но способныхъ, разумныхъ и благородно-мыслящихъ. — Вошь и комедія кончалась. Пойдемъ! Время обѣдать.

Я.

Но мы не слышали игрока на семи инструментахъ.

Побродягинъ.

И слушаешъ нѣчего. Я довольно начинался въ шой же Кишайской книгѣ Та-гю-фа о подобныхъ ему игрокахъ въ свѣшъ: это зеркало истины ясно открыло мнѣ, какъ многіе услуживаюшъ, и при шомъ съ большею выгодною — шакже

посредствомъ разныхъ инструментовъ, какъ-то: спиною, языкомъ, руками, карманомъ, прекрасною своею Шіаню и тому подобнымъ. Первые три инструмента весьма легки, четвертый всѣхъ тяжеле, а послѣдній всѣхъ легче. Игрокъ сего рода употребляетъ инструменты свои каждой по очереди, когда начинаетъ ремесло свое. — Чищай, мой другъ, Кишайскую книгу и увидишь какъ въ приемной Мандарина шакой художникъ, не жалѣя спины, изгибаешся съ невѣроятною легкостію; нужна ли Мандарину коробочка съ пряными кореньями? Онъ давно ловишь его взгляды, его помышленія: бѣжишь въ госпину и съ поклономъ подносишь желаемое. Сбѣжишь ли любимая собака? Мечешся во всѣ стороны, скачешъ по всему городу, останавливаешъ прохожихъ, гошовъ согласишь мертвыхъ: не видали ль они любимой собаки Мандарина? Захромаешъ ли обезьяна, или захохлился попугай: онъ вздыхаешъ, спрадаешъ самъ болѣзнію вмѣстѣ съ жи-

вопными. Такимъ образомъ, мало по малу, онъ входитъ въ довѣренность — и шупъ-шо начинаешъ играть языкомъ. Лесъ льется у него рѣкою въ похвалу Мандарина и клевета ко вреду ближнихъ. Охотникъ ли Мандаринъ до какихъ либо рѣдкостей? Онъ жертвуетъ ими; но дабы не оскорбить честность и безкорыстіе своего кумира, онъ старается увѣрить его, что бездѣлицы сіи досталъ за бездѣлицу на Укшанскомъ рынкѣ въ Пекинѣ онъ несмыслящихъ продавцевъ, или получилъ въ подарокъ онъ своего родственника или въ наслѣдство. Нужно ли ему нѣсколько тысячъ лановъ? Онъ вынимаетъ изъ своего хранилища и даетъ мандарину въ займы, ш. е. безъ возврата. Попомъ, — попомъ онъ припрорядится больнымъ, провѣдавъ о какомъ либо выгодномъ мѣстѣ, и посылаетъ съ прозьбою прекрасную Шіану свою. Тупъ какъ Мандаринъ откажешь въ прозьбѣ его? Живой, прекрасной *аргументъ* кого убѣдишь не можешь? Игрокъ на раз-

личныхъ инструменшахъ, хопя и прибавишь жь музыкъ своей рога, но съ ними приобрѣшешь и выгодное мѣсто, и блистательное званіе.

Вошь, другъ мой, еще художникъ во всѣхъ родахъ. Ремесло сего рода художника хопя безчестнѣе, но гораздо полезнѣе ремесла Одиповъ, Неаполишанскихъ уроженцовъ!

Въ сихъ разговорахъ кончился непримѣшнымъ образомъ пуць нашъ, и мы опяшь на Оспровѣ.

А. Н ъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Г И М Н Ъ

ВЕЛИЧІЮ И ВСЕМОГУЩЕСТВУ БОЖІЮ.

Умолкни вопль и шумъ вселенной!
Запихни бурный стонъ морей!
Любимой счасъемъ и забвенной
И нищихъ сонмъ и сонмъ Царей
Проспри вниманіе безмолвно!
Свяшымъ воспоргомъ сердце полно
Парипъ за мыслью въ царство звѣздъ
Я власть глашу Творца природы:
Внемлите мнѣ надзвѣзды своды!
Откройся слухъ подземныхъ безднъ!
Какъ шумный дождь въ моихъ глаголахъ
Глаголы правды пошекушъ:
Цари, сѣдящи на престолахъ,

(Васъ смертные Богами чпуть!)

По:найте таинство высоко!

Надъ вами естъ всезряще око

И длань съ вѣсами и мечомъ!

Незримый взоровъ съ васъ не сводишь;

Чѣмъ выше кто, тѣмъ ниже ходишь

Надъ нимъ судебъ разящій громъ!

Есть Богъ! — все зришь, равно онъ слы-

шишь

Какъ идушь звѣзды въ вышинѣ,

Какъ непримѣнной жизнью дышишь

Полишь въ бездонной глубинѣ

И какъ земныя бьются жилы....

Онъ знаетъ, что бесплосны силы

Языкомъ шайнымъ говоряшь

И все, что мысляшь человекъ....

Предъ нимъ и времена и вѣки,

Какъ свисковъ разрѣшенныхъ рядъ!....

Есть Богъ — пространствомъ невмѣсти-

мый,

Кому вся вѣчность — тѣсный кругъ:

Повсюду сый, никѣмъ незримый

И все живошворящій духъ! —

Чей взоръ — моря благошвореній!

Чья каждая мысль — есть рядъ швореній!

Кпо весь — любовь и вѣчный свѣшь!...

Чья длань — объемлетъ безконечность!

Чья власшь — пространнѣ чѣмъ вѣчность!

Речешъ: „небышь мірамъ!“ — И нѣшь!...

И сей ли дрогнешъ Царь вселенной

Предъ власшю земныхъ Царей? —

Огнемъ и громомъ ополченной.

Иль въ дивной свѣшлости лучей

Гремилъ — и гордосшь въ прахъ надменныхъ;

Сіясешъ — дни зланишь смиренныхъ;

Ему угодна — правота.

Чшо блескъ и замыслы гордыни? —

На мѣстѣ гордыхъ Царспвъ — пущыни;

Ихъ слава — дымъ; ихъ блескъ — мечта!...

А вы, чья жизнь есть бѣда сплешенье,

Не пращете вашихъ дней въ слезахъ:

За васъ, спрадалцы! Провидѣнье:

Есть слухъ и око въ небесахъ! —

Ошполъ сіяюща къ намъ благосшь,

Снимая съ сердца грусти пятость;
 На каждый опвѣчаетъ вздохъ! —
 Судья владыкъ, ихъ дѣлъ блюститель
 И нищихъ спражь и утѣшитель:
 Все Онъ, все дивный въ славѣ Богъ! —

Предъ Нимъ міры благоговѣють,
 Вселенну перспъ Его ведутъ;
 Вездѣ, гдѣ шолько вѣпры вѣють
 И гдѣ сіяетъ солнца свѣтъ,
 Присущны Вышняго усавы.
 Не шрепещи, душею правый!
 Гдѣ бъ ни былъ и въ какой судьбѣ;
 Хошябъ враги гордыней полны,
 Текли къ тебѣ какъ бурны волны...
 То зрѣлъ Израиль на себѣ.

Пришекъ, въ громахъ, Господь Сіона;
 На вопль сердець, на звукъ оковъ,
 И сонмы грозны Фараона
 Добыча яроспныхъ валовъ!
 Въ послѣдней солнце имъ свѣсило
 И море съ шумомъ поглотило
 Громады воевъ и коней; —

И днесъ полміра для покою
 Давно ль сражень его рукою
 Народовъ бичь, гроза Царей! . . .

Давно ль нашъ Богъ покрылъ насъ
 славой

И спасъ Россіянъ вѣрный родъ? —
 Я зрю дни бѣды, войны кровавой . . .
 Идешь неистовый народъ,
 Какъ Тигровъ гладная спаница! . . .
 И слышишь древняя Сполица
 И шонъ полей и гуль громовъ! . . .
 Несешь къ ней врагъ пожаръ и цѣпи, —
 За нимъ облиши кровью степи
 И область смерти и гробовъ! —

Я зрю, — о, страшное видѣнье!
 (И грудь моя полна шоской!)
 Повсюду буря и смяшенье
 И огонь спѣной и кровь рѣкой! . . .
 Воспокъ и Западъ слышатъ шонн
 Россіянъ, ждущихъ обороны
 Опъ ближнихъ и друзей; имъ нѣтъ
 Въ годину люшую оспрады:

Въ моряхъ пожаровъ понушь грады....

Погибъ шы, Россъ! и кто спасеть?—

Темнѣюшь области лазури,
 Завылъ спѣсненнѣй вѣшрь въ лѣсахъ;
 Огней и грома полны бури
 Всклубили шучи въ небесахъ.
 Змѣиспы молніи зажглися
 И вихри съ вихрями сперлися,
 Лѣса, отскрыпнувъ, полегли.
 Пошрясса спройный чинъ природы,
 Духъ бури взрыль пѣниспы воды
 И сердце дрогнуло земли.

Грядешъ, грядешъ Господь вселенной,
 Грохочущъ громаы по слѣдамъ,
 Грядешъ, — и гласъ гремишь священной
 Отъ неба и до безднѣ: „Не дамъ!
 Не дамъ людей моихъ въ плѣненье,
 Я здѣсь! — и кропкому спасенье,
 И буйшва надъ челомя мой громъ! —
 Бдѣ онъ? — бѣжипъ сей вождь презорный!...
 Но спрахъ за нимъ — какъ призракъ чорный
 И гнѣвъ мой съ огненнымъ мечомъ!...

„Его не скроюшь звѣзды сами,
 Не примешь глубина морей:
 Моря и землю съ небесами
 Держу въ десницѣ я своей!...
 Коснусь звѣздамъ — и опступаюшь!
 Дохну на солнцы — угасаюшь!
 Вею — и свѣшишь шемноша! —
 Влю — и цѣлая Вселенна,
 Какъ вихремъ искра восхищенна,
 Изчезнешь въ буряхъ, какъ мечша!“...
 Такъ Богъ, шакъ Царь гласишь природы —
 И каждое изъ Божьихъ словъ
 Какъ буря движешъ швердь и воды
 И зыблешъ штысяци міровъ!.....
 Но къ намъ сіяя съ горня свода,
 По спону Росскаго народа
 Пришекъ какъ нѣжный Онъ опець!
 Блеснулъ — и гдѣ не смѣшны силы!
 Врагамъ — безчисленны могилы;
 Сшрадальцамъ — лавровый вѣнецъ!
 О, будь благословень, великой
 И всемогущій Царь Царей!

Въ селѣ, во градѣ, въ дебри дикой,
 Среди звѣздъ и въ глубинѣ морей! . . .
 Твой духъ, духъ жизни всюду вѣшь
 И все къ Тебѣ благоговѣшь,
 О, Непоспѣжный! Трисвятой!
 Къ Тебѣ паря, — на брэнной лирѣ
 Пою Тебѣ, въ безмолвномъ мѣрѣ,
 На лонѣ пишины ночной! . . .

Пою Тебѣ! — но се ужъ звѣзды
 Текутъ, блѣднѣя, за моря:
 Лобзаешь упрѣ сини бездны
 И сыплешь розы въ нихъ заря . . .
 Творецъ! Тебѣ дымятся горы!
 Тебѣ — пернапыхъ громки хоры!
 Чшо жъ я шебѣ? мой Царь, мой Богъ!
 Я весь, я весь благоговенъ! . . .
 Полнъ чувствъ! — но гдѣ имъ выраженъ?
 Нѣшь словъ . . . неизъяснимъ воспоргъ! —

Федоръ Глинка.

СВИДАНІЕ и РАЗЛУКА.

(Изъ Гёте.)

Сердце забилось, я вмигъ на коня!

Съ милою вздумалъ увидѣться я.

Вечеръ съ дремошой на землю склонялся,

Гвнью ночи мой путь успиладся.

Тамъ, гдѣ сквозь дикій и сумрачный боръ

Мгла усремляла шьмочисленный взоръ,

Тихо скрывался въ долину проспранной

Дубъ многолѣпній, въ одеждѣ шуманной.

Мѣсяць съ громады нависнувшихъ шучь

Изрѣдка блѣдный отбрасывалъ лучъ;

Крылія въспры за мной проспирали,

Грозно, ужасно мнѣ въ уши свисшали.

Сколько спрашилищъ мракъ ночи раждалъ!

Духъ мой опасность и спрахъ презиралъ;

Сердце пылало мое съ неперпѣнья;
 Въкомъ казался мнѣ мигъ замедлѣнья.

Вдругъ я встрѣчаю, мой Ангель, тебя!
 Чувствую въ нѣжныхъ объятіяхъ себя.

Радосный взоръ твой, мое восхищенье

Боги! какое для сердца мгновенье!

Роза на милыхъ щекахъ разцвѣла,

Душу свою ты съ моею слила

Ахъ! мы вкусили всѣхъ благъ совершенство!

Чѣмъ заслужилъ я такое блаженство!

Упрямъ лишь солнце взглянуло на насъ,
 Горькой разлуки приблизилась часъ:

Взоръ твой прелестный слезой помутился,

Съ сжатымъ я сердцемъ съ тобою проснился.

Долго смогрѣла мнѣ милая вслѣдъ.

Горько оставишь любимый предметъ!

Смертнаго счастье любовь соспавляешь;

Кто безъ печали его доспигаешь?

Н. Розенмейеръ.

... КОЗАКЪ НА РОДИНѢ.

Романсѣ.

„Конченъ, конченъ дальній путь!

„Вижу край родимой!

„Сладко будешь отдохнушь

„Мнѣ съ подругой милой!

„Долго въ грусти ждешь она

„Козака младаго.

„Вошь забрезжила луна

„Съ неба голубаго!

„И веселый Донъ печетъ

„Тихою спруєю;

„Въ шерпѣный конь мой ржеть,

„Чуя подъ собою

„Пажити родныхъ береговъ,
 „Гдѣ въ счастливой долѣ,
 „Средь знакомыхъ шабуновъ
 „Онъ гулялъ на волѣ.

„Вѣрный конь, скачи скорѣй,
 „И какъ вихорь мчися;
 „Лишь предъ хашою моею
 „Ты останоуся!“ —

Такъ спѣшилъ козакъ домой,
 Понукалъ гнѣдаго;
 Борзый конь лепилъ спрѣлой
 До дому роднаго.

Вопъ приближился Донецъ
 Къ своему селеню:
 „Спой, поваричъ, спой! — конецъ
 „Нашему спрежнему!“

Видишь онъ невѣсны домъ,
 Входишь въ ней въ свѣшлицу,
 И объяшу сладкимъ сномъ
 Будишь онъ дѣвицу.

„Вспань, коханочка моя!

„Ньжно улыбнися,

„Обними скорый меня,

„И къ груди прижмися!

„На поляхъ спраны чужой

„Я дышалаъ тобою;

„Для тебя я въ край родной

„Возвращень судьбою!“

Чшо же милая его? . . .

- Пробудилась, вспала

И взглянувши на него,

Въ страхъ задрожала.

„На яву или во снѣ

„Зрю тебя, мой милой? . . .

„Ахъ не даромъ же во мнѣ

„Сердце приуныло!

„Долго я тебя ждала,

„И спрадала въ скукъ;

„Сколько слезъ я пролила,

„Въ горестной разлукѣ!

„И опчаясь зрѣшь себя,
 „Бышь ливоей женою,
 „Опдалась другому я
 „Съ кляшвой роковою.“

Такъ, такъ Богъ съ шобой! — сказалъ
 Молодецъ удалый,
 И — къ ворошамъ, гдѣ споялъ
 Конь его успалый.

„Ну, сопутникъ вѣрный мой!“
 „Онъ сказалъ уныло:
 „Нѣщъ шебъ правы родной,
 „Нѣщъ мнѣ въ свѣщъ милой!“

Съ словомъ симъ онъ на гнѣдка,
 Шевельнулъ уздою,
 Тронулъ широй подъ бока:
 Быспрый конь спрѣлоу

Полешълъ въ обратный пущъ
 Опъ села роднаго.
 Но шоска шерзала грудь
 Козака младаго.

Онъ въ послѣдній разъ взглянулъ

Въ сторону родиму.

И невольно воздохнулъ,

Скрылся въ даль незриму.

Что и родина, коль нѣтъ

Ни друзей, ни милой!

Ахъ! тогда намъ цѣлый свѣтъ

Кажется могилой!

Ал. Дуропъ.

Е. Н. Ш ой.

На смерти малолѣтней ея дочери.

Здѣсь въ юдоли мрачной, скорби посвя-
щенной,

За стѣной высокой,

Гдѣ объемишь душу шайный страхъ свя-
щенной,

Въ пещинѣ глубокой;

Гдѣ средь камней черныхъ, подлѣ ивы гибкой,

На гробницѣ сидя,

Смерть бросаешь косу съ спрашною улыб-
кой,

Жизни вокругъ не видя,

Кто при лунномъ свѣтѣ, блѣдномъ и дро-
жащемъ,

Падши на колѣни,

Предъ крестомъ гранишнымъ на холмѣ спо-
ящемъ ,

Ждешь любимой пѣни?

Кто вокругъ могилы , покъ лющи слезной
Землю орошаетъ ?

И съ глухимъ спенаньемъ , памятникъ лю-
безной

Къ персямъ прижимаетъ ?

Нѣжна мать , ущѣшься! — На судьбу пѣняя,
Мы судебъ не знаемъ.

Въ самое по время , какъ мы здѣсь рыдая,
Праху прахъ вручаемъ ,

Духъ ея невинный , въ обласняхъ эйрныхъ,
Ангельскія пѣни

Радосшно встрѣчаютъ; и при звукахъ лир-
ныхъ

Вводятъ въ горни сѣни.

Счастливымъ младенецъ ! Ты едва вкусила
Чашу жизни плѣнной ,

И познавъ въ ней горечь , взоръ свой оп-
врашила ,

Міръ оставя брэнной.

Злополучень смертный, далеко влачившій
Тяжкую жизнь нашу;
До послѣдней капли медлѣнно испившій
Горестную чашу.

М вѣ.

ЛЪВИНОЕ ПРАВОСУДИЕ.

Басня.

Предъ Львомъ могущимъ, правосуд-
нымъ,
Былъ Волкъ представлень молодой,
Который бѣгствомъ безразсуднымъ
Окончилъ съ Леопардомъ бой.
Изрекъ Монархъ надъ нимъ опредѣленье:
Опъ всѣхъ оставя дѣль,
Опрѣзашъ ухо повелѣлъ,
Да двадцашъ дасть ударовъ въ заключенье.
О Царь!.. шупъ Волкъ ко Льву въ опча-
нью взревѣлъ,
О Царь! надъ мною ли такое наказанье
Должно свершиться въ поруганье?..
Надъ мной, — кошораго опецъ вельможей
былъ
И прона швоего паденье опвращиль,

Тогда какъ страшнымъ пораженьемъ
 Тебѣ ужасный врагъ грозилъ
 И царству пвоему всеобщимъ разрушеньемъ?
 Вельможи сынъ поголь жданъ долженъ опъ
 Царя!

„О! извини меня,
 „Что позабывъ свое происхождение,
 „Предъ прочими тебѣ не сдѣлалъ уваженъе.“
 Такъ Волку Левъ съ усмѣшкою сказалъ,
 И шупъ же приказалъ:
 Вельможи сыну
 Не двадцать дашь ударовъ въ спину,
 А вдвое больше наказашъ,
 И оба уха окорнашъ
 Въ позоръ за преступленъе.
 О еслибъ и для всѣхъ Волковъ
 Толь знаменищаго рожденья
 Былъ Царскій приговоръ всегда шаковъ!..

Ал. Дуропъ.

С М Ъ С Ъ.

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ ДРУГУ.

Въ М . . . су.

Тако, были времена грозныя, когда цѣлыя народы съ мечемъ и пламенникомъ прошекали изъ страны въ страну Европы; когда Царства исчезали съ лица земли, а другія изъ пепла своего возникали; когда звукъ сокрушаемыхъ цѣпей, промчавшись ошъ Оки до береговъ Тага, возвѣщала освобожденіе человечества ошъ порабощенія варвара-завоевателя. Тщепно смерть со всѣми ужасами свирѣпствовала по всей обширности Европы и вся Европа шрепешала. . . . Судилъ Всевышній — и все перемѣнилось. Лучи благодушнаго

міра, проникнувъ сердца Монарховъ, разливають опрадної свѣшъ свой на опдыхающее человѣчество. Повсюду рѣдѣють сонмы воиновъ и мирной селянинъ, успроивъ хижину свою, разнесенную бурєю войны, спокоенъ и весель, свободно напѣваетъ пѣснь пишины и счастья. Въ сіе поржешвенное время, когда любезное Опечештво, увѣчанное лаврами, покоишся подъ шѣнію оливы, опрадно Рускому сердцу, прияшно швоему другу оказанъ нѣчто изъ обшпояшельствъ, ознаменовавшихъ пребываніе въ здѣшней споллицѣ Фридриха Вильгельма III, Монарха народа сосѣдешвеннаго и сильнаго, союзника и близкаго родешвенника благополучно царшвующаго Императорскаго Дома.

Не спану повшоряшъ шебѣ о великолѣпномъ вѣздѣ Высокаго Госпя, о парадахъ и празднествахъ: Все это извѣсно у васъ и вездѣ по вѣдомостямъ и другимъ повременимъ изданіямъ обвихъ споллицъ; но скажу шолько объ опшичномъ обшпояшельствѣ, при кошоромъ пребываніе Фридриха Вильгельма III въ Пешербургъ ознаменовано вѣчнымъ памяшникомъ для пошомства: о посѣщеніи Его Величешвомъ здѣшняго Монашпаго двора.

Это было 26го Юня. — Государь ИМПЕРАТОРЪ прибышь изволил съ Его Величествомъ Королемъ Прусскимъ Фридрихомъ Вильгельмомъ III, Наслѣднымъ Принцемъ Прусскимъ Фридрихомъ Вильгельмомъ и Принцемъ Гессен-Гомбургскимъ, въ сопровожденіи многочисленной свиты въ половинѣ 10го часа до полудни.

Ихъ Величества съ Принцами и Свитою были приняты Г. Министромъ Финансовъ Дѣйствительнымъ Тайнымъ Совѣшникомъ Дмипріемъ Александровичемъ Гурьевымъ и встрѣчены Г. Директоромъ Департамента Горныхъ и Соляныхъ дѣлъ Оберъ Берг-Гаупшманомъ 4го класса Е. И. Мечниковымъ и всѣми служащими при Монетномъ дворѣ Штабъ и Оберъ - Офицерами; потомъ сопровождаемы въ плавильни, гдѣ производилась *сплавка и выливка* серебра; отшуда въ серебряный передѣлъ, гдѣ Высокіе Посѣщители осматривать изволили всѣ работы по порядку, какъ то: *плющеніе* серебра и золоша, *юстировку, прорѣзку, гурзеніе, отбѣливаніе, браковку и тисненіе* золошой и серебряной монеты, происходившія на восьми спанахъ, изъ коихъ на двухъ печаталась золошая по-

луимперіальная, на прехъ серебряная рублевая, на одномъ полшинная, на одномъ 20 пи и на одномъ же 10 копеечная монета; послѣ сего прошли въ Медальную палату, гдѣ на одномъ стану производился переводъ чекановъ или шшемпелей, а на двухъ шисненіе медалей.

Въ присутствіи Ихъ Величествъ выбишты были на каждомъ стану по одной медали: серебряная на Полтавскую побѣду, прежнимъ шшемпелемъ, въ ознаменованіе сего вождельннаго для нашего Отечества событія, совершеннаго въ сей самый день за 100 лѣтъ назадъ; а другая золотая съ поршретомъ Прусскаго Короля, шшемпелемъ, нарочишо пригошовленнымъ на сей случай. Сія послѣдняя поднесена Г. Миниспромъ Государю ИМПЕРАТОРУ, а Его Величествомъ вручена Королю Прусскому; причемъ таковыхъ же при роздано Государемъ ИМПЕРАТОРОМЪ Принцамъ съ Генералишешомъ.

Какъ любипелю Нумизмапики, я посылаю шебъ, любезный другъ, съемокъ съ сей медали; но жалю, что не увидишь шого искусства, съ которымъ она опдѣлана. Скажу шебъ, что благоразуміемъ и дѣяшельностію нынѣшняго Г. Дирекшора Депаршамента

Горныхъ и Соляныхъ дѣлъ, доведены работы на Монетномъ дворѣ до возможнаго совершенства и выдѣлка золотой и серебряной монеты увеличена до невѣроятности. Никогда еще Монетный дворъ не былъ въ такомъ цвѣтущемъ состояннн какъ нынѣ. Удостоенный благоволенія и награды Государя ИМПЕРАТОРА, (*) Г. Директоръ Департамента Е. И. Мечниковъ отличными заслугами еще болѣе возвышаетъ носимые имъ знаки отличія, такъ что объ немъ можно со всею справедливостію сказать : что онъ не только *полугилъ* милость, но истинно *заслужилъ* награду Монарха. •

Ты прочтешь, любезный другъ, слова, изображенныя на другой сторонѣ медали: *Augusto Hospiti laeta Petropolis mense Junio* мссссхviii (Августѣйшему Гостю восхищенный Петрополь въ Іюнь мѣсяць 1818), а вокругъ *Amicitia Principum felicitas Populorum*. (Дружба Царей есть счастье народовъ).

(*) Недавно Всемилоспивѣйше пожалованъ онъ Кавалеромъ Ордена Св. Анны 1-й степени, а Король Прусской прислалъ ему изъ Берлина въ подарокъ богашую бриллиантами осыпанную шабакерку.

дствъ); ты прочтешь сія слова — я увѣренъ — съ чувствомъ сердечнаго умиленія..... Такъ, сія дружба ихъ, сдружаетъ народы: она порука, залогъ нашего мирнаго благоденствія; она прочіе ста поржеспвенныхъ Трактаповъ; надежныѣ стотысячныхъ армій.

Еще нѣсколько словъ о Монетномъ дворѣ. Предметъ сей пакъ занимаетъ меня, что я не могу окончить письма, не сказавши чего нибудь о успроисвѣ его, и не подивившись той степени совершенства, до котораго доведены всѣ часпи сего заведенія.

С. Пешербургскій Монетный дворъ учрежденъ въ 1726 мѣ году, и до 1806го дѣйствоваль посредствомъ ручныхъ и конныхъ машинъ. Неудобство механизма сего побудило Правительство выписать изъ Англїи паровыя машины, изобрѣшенныя безсмертнымъ Болтономъ, которыя и пущены въ 1806 мѣ году; однакожь до 1810го они находились въ весьма незавидномъ соспоянїи и, казалось, ожидали шворческой силы, что бы воспріять полное свое дѣйствіе. Наконецъ сила сія явилась въ особенной попечительности нынѣшняго Г. Министра Финансовъ. Едва принялъ онъ въ управление свое всѣ часпи Министерства,

и Монетный дворъ исполненскими шагами началъ подвигаться къ совершенству.

Открытие пробирной Палатки для приема отъ вольноприносителей золота и серебра, служило первымъ поводомъ къ распространению монетнаго производства. Такимъ образомъ въ 1811мъ году пригото- вилось уже серебряной и золотой монеты до 6,000,000 рублей ежегодно, или до 500,000 въ мѣсяць по сложности.

Съ 1817 года производство Монетнаго двора было поспешенно увеличиваемо и при томъ съ такимъ усиленемъ, что въ томъ году выдѣлка монеты простиралась до 17,148,627 рублей $70\frac{1}{4}$ коп. золотомъ и серебромъ. Въ нынѣшнемъ же она доведена до такой степени, что каждый мѣсяць готовится до 2,100,000 рублей, а слѣдовательно въ годъ до 25,000,000 рублей золотомъ и серебромъ.

Изъ сего ты можешь усмотрѣть, что при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ Монетный дворъ усиленъ въ 4 раза болѣе противъ прежнихъ лѣтъ. Можно сказать утвердительно, что до сего времени не было еще нигдѣ Монетнаго двора, который бы

производитъ свои работы съ шаковою обширностью и дѣятельностью.

Вопшъ, любезный другъ! дочего могушь достигнушь у насъ въ Россіи техническихъ заведенія, когда они находящяся подъ управленіемъ людей, имѣющихъ познанія въ своемъ дѣлѣ и ревностно исполняющихъ благія намѣренія Правительства.

Теперь осмѣаюсь мнѣ заключить письмо сіе крашкимъ описаніемъ работъ, на Монешномъ дворѣ производящихся: начну съ предварицельной работы, и попомъ поспешенно послѣдую за монешнымъ кружкомъ до того времени, когда онъ явишяся истинною монешою.

Серебро сплавляется на С. Пешербургскомъ Монешномъ дворѣ въ желѣзныхъ горшкахъ, изъ коихъ въ каждомъ вмѣщаеся металлъ ошъ 80 до 120 пудъ. Такимъ образомъ сплавляется въ сушики до 300 пудъ. Производство сіе, не взирая на всѣ средства употребляемыя для улучшения онаго, весьма спрудно для работниковъ. Попечительное начальство, желая ихъ облегчить, спарается ввести въ употребленіе плавильшя серебро въ особенной отражательной печи. На Лондон-

скомъ Монешномъ дворѣ ежедневная сплавка серебра небываетъ болѣе 240 пудъ.

Отливка серебра производится въ чугунныя формы, кошорыя по прежнему способу устанавлялись горизонтально; нынѣ же они дѣлаются съ нѣкопорою переменною и кладутся вертикально. Послѣдній способъ имѣетъ большія преимущества предъ прежнимъ, что подтверждено опытомъ.

Ошлифтыя такимъ образомъ полосы, шптыками называемыя, *плющатся* въ особенной фабрикѣ, гдѣ находятся 8 *плющильныхъ* и 4 *юстирныхъ* спана. Всѣ они производятся въ дѣйствіе посредствомъ паровой машины, замѣняющей силу 45 лошадей. Въ *плющильныхъ* спанахъ серебро пропускается между вальками до 10 разъ; а наконецъ, для болѣе шочности, каждая полоса прощитывается еще по одному разу въ юстирномъ спану. При семъ досшойно примѣчанія, что въ Англіи 1815 года небыло особеннаго устройства для юстировки; а въ семъ году усстроены при Лондонскомъ Монешномъ дворѣ для сей работы шачія шочно машины, какія и при С. Шешербургскомъ, гдѣ онѣ находятся въ употребленіи повни съ самаго основанія двора.

Такимъ образомъ Англичане, наславники всего свѣта въ техническихъ работахъ, подражаютъ полезнымъ, Русскимъ изобретениямъ.

Изъ серебряныхъ полосъ, полученныхъ отъ предыдущей работы, *вырѣзываются* кружки въ *прорѣзныхъ* спанахъ, которыхъ при Монетномъ дворѣ находится 10; всѣ они приводятся въ движеніе вообще съ *гуртиль-ными* и печатными спанами, посредствомъ паровой машины, замѣняющей силу 20 лошадей.

Кружки сіи поступаютъ въ *сургентіе*, которое производится на двухъ спанахъ, пропуская на одномъ, между гладкими шпемпелями, а на другомъ между *рейками* съ надписями. Потомъ *отбѣливаются* они въ особенномъ составѣ изъ 1 части слабой сѣрной кислоты и 20 частей воды.

Отбѣленные кружки пишются на 9 печатныхъ спанахъ, которые приводятся въ дѣйствіе паровою машиною. Хотя я и незнаюкъ монетнаго дѣла, но мнѣ кажется, что машина сія должна быть Дрозова, а не Болшонова, какъ ее называютъ. Она дѣйствуетъ не прямо на шпемпель, но прежде на воздушной насосъ, посредствомъ котораго уже сообщается ударъ шпемпелю. Отъ сего

онѣй всегда бываетъ вѣрнѣе, а изображеніе на монетѣ чище и правильнѣе. Ежели прибавить къ тому, что *резедиумъ* для Русской монеты полагается на каждый кружокъ, между тѣмъ какъ на Лондонскомъ Монетномъ дворѣ онѣй кладется на фунтъ монеты; то можно сказать утвердительно, что Русская монета превосходитъ многія иностранныя, какъ въ достоинствѣ оцѣлки, такъ и въ вѣрности вѣса.

Н. К. П.

УЧЕНЫЯ ИЗВѢСТІЯ,

ИЗЪВЛЧЕННЫЯ ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Общество естественныхъ испытателей въ Галль лишилось еще въ 1816 году своего Президента. Въмѣсто того, чтобы избрать въ сіе почетное званіе другаго изъ своихъ сочленовъ, оно заблаговразсудило учредить Директорію, состоящую изъ четырехъ Членовъ, изъ коихъ каждый находится будещъ въ должности 4 мѣсяца и завѣдываетъ одною изъ четырехъ частей, входящихъ въ составъ упражненія Общества, какъ то: Физикою и Химією, Зоологією, Минералогією и Ботаникою. Сей порядокъ и нынѣ постановленъ большинствомъ голосовъ.

Въ Виндзорѣ скончался знаменитый Естественный испытатель и Геологъ Луккъ, на 92 году отъ рожденія.

4 Генваря скончался въ Берлинѣ Вальтеръ, Профессоръ Физики и Анапоміи и

Членъ многихъ ученыхъ сословій. Онъ родился въ Кенгсбергѣ 1 го Юля 1734 года. Извѣстно, что онъ почитался однимъ изъ славнѣйшихъ нашего времени Анапомиковъ и сдѣлалъ множесство важныхъ по сей часѣ опикрытій. Его превосходный Кабинетъ, купленный Королемъ для Врачей и Физиологовъ будетъ стоять наряду съ его швореніями, какъ памятникъ неушомимой его дѣшельности и прилежанія.

Упрехтскій Университетъ получилъ въ подарокъ отъ Короля почитаемый многими учеными за единственныи въ своемъ родѣ и драгоценный Кабинетъ анатомическихъ, паталогическихъ и физиологическихъ препаратовъ, надъ усщроеніемъ котораго, в приваденіемъ въ порядокъ шрудился Профессоръ Блейланъ.

Въ одной каменоломнѣ близъ Казна найденъ полный крокодиловый ошповъ.

Пишумъ, что Минералогу Вернеру подвигнушь будетъ изъ базальта и гранита памятникъ, на лежащей изъ Дрездена въ Фрейбергъ дорогѣ. Гердеръ обшцалъ издашь въ скоромъ времени его жизнеописание и полныя сочиненія.

Профессоръ Теологін и Деканъ Богослов-

скаго факультета въ Варшавѣ, Каноникъ Швейковскій, избранъ нынѣ по большинству голосовъ Ректоромъ новаго Университета.

Вспомоществованіемъ Ея Величества Королевы главное управление сельскаго хозяйства въ Шпугтаршѣ, назначило къ оживленію опечествленной промышленности слѣдующія награжденія: Сорокъ червонцевъ и серебряную медаль тому изъ Виртембергцевъ, кто изобрѣшетъ машину для общепользнаго хозяйственнаго и пехническаго употребленія. Тридцать червонцевъ и серебряную медаль за учиненіе Виртембергцемъ Химическаго открытія для облегченія и усовершенствованія ремесла хозяйственнаго и пехническаго. Двадцать червонцевъ и серебряную медаль за введеніе и распространеніе новаго рода земледѣлства, которое имѣло бы на благосостояніе всѣхъ значительное и полезное вліяніе. Срокъ симъ задачамъ положенъ 27 Сентября, то есть, день рожденія Королевы, въ который происходитъ будешь раздача вышепомянутыхъ наградъ.

Г. Гальма издалъ въ Парижѣ исчисленія Клавдія Пшоломея или Аспрономію древнихъ. За симъ вслѣдъ выйдешь также Пшоломеева Географія, единственныи памятникъ сего

рода, сохранившійся опть древнихъ времянь. Въ ней - шо заслуживаешъ особенное примѣчаніе по предудѣдомленію, кошорое извѣстно намъ по однимъ изданнымъ ошривкамъ онаго.

Французскій Королевскій Инспишупъ имѣлъ 24 числа Апрѣля публичное и годовое собраніе. Въ чрезвычайномъ собраніи Французской Академіи 7 Апрѣля читалъ Ожеръ свои примѣчанія на первые чешыре комедіи Мольеровы, а Жуишри первыя дѣйствія своей трагедіи: *Велизорій*.

Королевское Общество земледѣлія въ Парижѣ имѣло шакже 29 Марша публичное собраніе, по окончаніи кошорого происходила раздача золошыхъ медалей въ награжденіе тѣмъ, кои шрудами своими споспѣшествовали общеполезной и благонамѣренной цѣли сего заведенія. Въ заключеніи собранія предложены различныя задачи.

За нѣсколько времени шому назадъ, помѣщено было въ одномъ Французскомъ Журналѣ извѣстіе о новѣйшихъ ошкрышіяхъ, учиненныхъ въ Египтѣ и Нубіи нѣкошорыми путешественниками и изелеченіе изъ письма Г. Висконти. Сіе извѣстіе, какъ ни заслуживаешъ примѣчанія, однако не можешъ удо-

вольствовашь любопытство, которое возбуждаетъ и всегда будетъ возбуждать споль богатая древностями страна. Учиненныя Г. Висконти открытія давно уже извѣстны свѣту. Французы за десять лѣтъ тому назадъ издали полное описаніе Египта, съ приложеніемъ картъ и видовъ древнихъ зданій, украшающихъ сію страну отъ Нубіи до Мемфиса и изображенія памятниковъ Фивскихъ. Какимъ образомъ Французы, посѣдившіе древнюю столицу и развалины сей страны, не усмотрѣли той сфинксовой колнады, которую открылъ Г. Бельцони! Мы должны, соболезнуя, вывести его изъ заблужденія, что спашуй, о коихъ онъ упоминаетъ не изображають сфинсовъ, но сидящихъ женщинъ со львинымъ лицомъ. Онъ былъ до него уже открытъ Французами, которые, во время пребыванія своего въ Фивахъ, открыли великое множество подобныхъ спашуй, изъ коихъ нѣкоторыя находятся нынѣ въ Британскомъ Музеумѣ. Равнымъ образомъ гробница Аписова, упоминаемая въ письмѣ Г. Бельцони, есть одна изъ гробницъ Царей Египетскихъ, а голова Мемнонова, обломокъ одного изъ многочисленныхъ колоссовъ, разбросанныхъ по обширнымъ равнинамъ! Какимъ образомъ сей

новый путешественникъ, пребывавшій споль долгое время въ Фивахъ, не видѣлъ множества надписей, начерпанныхъ подъ одною изъ двухъ величайшихъ сѣпашей, копорья лежатъ на Мемноновой равнинѣ, и шой изъ нихъ, копорую почишаютъ Мемнономъ. Тяжестъ и величина оной давно уже всѣмъ извѣсны и нельзя вовсе предполагашъ, что голова Мемнонова когда-либо могла быть доставлена въ Англию. Подземный Храмъ Ибсамбульскій былъ не разъ посѣщаемъ Европейцами, именно: Г. Леръ.

Все, что ни повѣсывовали о жестокости Алжирцевъ въ обращеніи съ своими невольниками, — ничто не можешъ превзойти слѣдующаго поступка, сообщеннаго намъ нынѣ Г. Пенанши изъ Венеціи, бывшимъ очевиднымъ свидѣтелемъ онаго. Вечеромъ слышишь онъ на улицѣ пронзительной вопль; идешъ на оный и видишь невольника, копорый, возвращаясь съ работы, упалъ въ безпамятствѣ ошъ изнеможенія силъ, и казался при послѣднемъ издыханіи; кровь текла ручьями. Еслиши Христіянинъ, сказалъ онъ ему, прераши мои спраданія! Между шѣмъ какъ Пенанши старался его поднять и подашъ ему нѣвошорую помощь, одинъ Музульманинъ,

проходящій мимо сего зрѣлища, вскричалъ съ негодованіемъ: невѣрная собака! ты хочешь заградить путь Музульманину, и съ сими словами спалкиваете спрадальца въ глубокой ровъ, пересѣкающій городъ.

Въ Кааедральномъ соборѣ Св. Павла поспавленъ изваянный Г. Франсманомъ Адмиралу Нельсону памятникъ, копорой сооруженъ иждивеніемъ народа. Нельсонъ изображенъ споящимъ на піэдеспалѣ, облокочясь на якорь; на плечахъ шуба, изображающая подаренную ему великимъ Сулпаномъ; по правую сторону олицепворенная Великобританія указываетъ Героя двумъ юнымъ Мореходцамъ; по лѣвую Бришанскій левъ. Накарнизѣ піэдеспала начерпаны слова: Копенгагенъ, Ниль, Трафальгаръ. Бареліефы шого же піэдеспала изображаютъ море Сѣверное, Нѣмецкое, Средиземное и Ниль.

Г.

О
ПЕРВОНАЧАЛЬНОМЪ ВВЕДЕНІИ ПОСѢВА
ПШЕНИЦЫ ВЪ АМЕРИКѢ.

Достойно примѣчаніе, что на одной половинѣ земнаго шара обитаютъ народы, коимъ молоко и нивяныя растѣнія совершенно не извѣстны, между тѣмъ какъ на другой хлѣбопашество и скотоводство составляютъ отличное занятіе народовъ. Мы видимъ, что на новой матерой землѣ, отъ 45° Сѣверной до 42° Южной широты, разводятъ одинъ родъ нивяныхъ растѣній, и именно пшеницу. Напротивъ того на древнемъ материкѣ и даже въ отдаленныя времена, упоминаемая Испоріею, находимъ, что всюду сѣяли пшеницу, ячмень, рожь, овесъ и вообще всѣ роды нивяныхъ растѣній. Діодоръ Сицилійскій упоминаетъ о дикой пшеницѣ, растущей на Леонпійскихъ поляхъ и во многихъ другихъ мѣстахъ Сициліи. Спренгель выписалъ любо-

пышныя мѣста, подтверждающія мнѣніе, что многіе роды хлѣба въ Европѣ имѣють свое происхожденіе изъ Сѣверной Персіи и Индіи, гдѣ произрастають они сампроизвольно. Яровая пшеница расстѣль въ Мусликанской землѣ, Сѣверной провинціи Индіи; ячмень, названный Плиніемъ *antiquissimum frumentum* находилъся, по мнѣнію Моисея Хоренейскаго, на берегахъ Араксы или Куры въ Георгіи; по извѣстію Марко-Поля въ Боляшамѣ въ Сѣверной Индіи, а по повѣствованію Скельпа близъ Гамадана. Одинъ Негръ, невольникъ Фердинанда Корпеца, первый сѣялъ пшеницу въ Новой Испаніи. Онъ нашелъ три зерна оной въ Сарочинскомъ пшени, привезенномъ въ Испанію для продовольствія войскъ. Въ городѣ Квишо, въ одномъ Францисканскомъ монастырѣ, по нынѣ еще хранился, какъ священная вещь, глиняный сосудъ, заключавшій въ себѣ первую пшеницу, копорую сѣялъ въ семъ городѣ монахъ Фрей Іодоко Рикси, уроженецъ Геншкскій. Первый посѣвъ оной происходилъ предъ монастыремъ на мѣстѣ Св. Франциска (*plazuela de San Francisco*), гдѣ вырубилъ лѣсъ, проспиравшійся до подошвы огнедышущей горы Пихинхи. Монахи показывали Гумбольд-

шу, во время пребыванія его въ городъ Квишо, помянушый глиняный сосудъ, и просили исполковать ему начертанную на ономъ надпись, копорая, по мнѣнію ихъ, имѣла нѣкоторое отношеніе къ пшеницѣ. На немъ было начертано на древнемъ Нѣмецкомъ языкѣ слѣдующее: „Кшо изъ меня пьешь не забудь Господа.“ Сей древній глиняный сосудъ имѣеть нѣчто таинственное. — —

Г.

ИЗВѢЩЕНІЕ.

Общество доводитъ до свѣденія Пешра Родіоновича Вареникова и чиновниковъ Канцеляріи Одесскаго Коммерческаго Суда, что присланныя 66 рублей ассигнаціями для пособія несчастному спарцу, о коемъ извѣщено было въ 5 книжкѣ сего Журнала, въ то же время доставлены по назначенію благотворителей; а съ тѣмъ вмѣстѣ долгомъ поставляешъ засвидѣтельствовать предъ ними искреннюю благодарность облагодѣтельствованнаго ими спрадальца.

(При сей книжкѣ Планъ острововъ Юсари съ показаніемъ цклоненій магнитной стрѣлки.)

П Р О З А.

И Г О Р Ь.

ПЯТЫЙ СЛАВЯНСКІЙ ВЕЧЕРЬ *).

Быспрошекущи крыліе швои, о счастье! полешъ швой ешь полешъ молніи! — Кто изъ сыновъ и дочерей земли дерзнешъ подашь законы швоему стремленію? Кто изъ великихъ міра сего наложитъ цепи на легкокрылые ноги швои, и прикуешъ къ жизненной колесницѣ своей? Никто, — ниже изъ багряноносцевъ земли Славеновой! — Единный перспъ Обладателя Вселенныя указываетъ пуши полешу швоему, вращающееся счастье!

*) Сшашья сія взята изъ II части *Славенскихъ вечеровъ*, кошорая въ скоромъ времени издана будетъ Общесшвомъ.

Ч. III. Кн. 3.

18

Туманомъ покрышы были власы во-
спекающаго надъ градомъ Кіевомъ Свѣ-
шова. Сизый Днѣпръ съ глухимъ ре-
вомъ медлѣнно капилъ въ берегахъ вол-
ны свои; умолкло пѣніе пщицъ сладко-
гласныхъ. Одинъ вранъ чернокрылый из-
давалъ вопли по дубравѣ, — и хищный
волкъ вторилъ ему грознымъ завыва-
ніемъ.

Воспекла юная супруга воюющаго
Игоря, Князя Кіевскаго, прекрасная
Ольга, съ одра златопиканнаго. Мрачны-
ми взорами узрѣла она съ високаго ше-
рема своего и горы и доли Кіевскіе, и
волны Днѣпровскія и дубравы тѣнистыя.
Воздохнула она объ опсупспвіи супру-
га своего, рашующаго въ предѣлахъ зем-
ли Древлянскія. Давно уже златоверхій
шеремъ ея обезлюдѣлъ, и ложе брачное
охладѣло.

Друзья мои и совѣтники; вѣщала
она къ избраннымъ спарѣйшинамъ двора
Князева: сердце мое ноешъ въ груди мя-
шущейся, и слезы текутъ изъ очей

моихъ, дабы подобно перловому ожерелью унизать выю мою. Горькое чувство скорби непредвидимой ослабило руки мои, и я не могу простерть ихъ для объятій юнаго Святослава. Знаменія упра сего сущь ошголоски ночи шоя, въ которую узрѣлъ меня впервые Игорь воинспвенный! Ахъ! они были тогда предшечами моего счастья; шеперь должны бышь, по вѣщанію премудрыхъ, вѣспниками горести безупѣшныя! Внемлите словамъ моимъ, и, если можно, совѣшами своими ушѣшьте сердце жены любящія и любимыя! —

Ревѣлъ мушныѣ Волховъ въ берегахъ своихъ; молніи шерзали покровъ неба ярящагося; градъ сбиваль вѣнви съ дубовъ и елей долговѣчныхъ; громъ рыкаль средь обласпей небесныхъ ужасно, и заглушалъ ревъ безчисленныхъ сшай медвѣдей, обишашелей лѣсовъ великаго Новограда. Въ дождѣ безпредѣльномъ горько рыдала природа, подобно съшующей невѣстѣ, грядущей за гро-

бомъ жениха своего, несомого съ поля брани.

Въ ушлой хижинѣ опца моего общала я на берегу Волхова. За двѣ весны предъ шѣмъ сошелъ онъ въ могилу, оставя мнѣ хижину, ладію и сѣщи рыболовныя — все достояніе рыбака убогаго. — Съ шрепещущимъ сердцемъ, преклонивъ колѣна, возсылала я мольбы предъ скудельнымъ изображеніемъ Перуна громовласшпшеля. Мгновенно дверь хижины распворяешся, и при непрерывномъ блескѣ молніи я зрю юнаго Вишязя, въ бронѣ серебрянной, опоясаннаго мечемъ грознымъ. — Ни самъ свирѣпый Ній (*) не попрязь бы шoliko робкаго сердца моего своимъ появленіемъ.

Дщерь Славянская! вѣщаль Вишязь, — не покрова ишу я въ хижинѣ сей; сердце швое да успокоишся! — Войштва, мною предводимыя, какъ скоро Зимцерла освѣшишь, врачную ризу ночи

(*) Славянскій богъ ада.

сея, сразяшся съ врагамм опечеспва. И враги и друзья на другомъ берегу Волхова. — Безъ меня, вождя своего, разсѣюшся они по дубравамъ и долинамъ, какъ спадо голубей опъ спада врановъ хищныхъ. Громы и молніи, бури и сумракъ, не воспяшяшъ вождю Росскому припечь къ воинспву своему въ часы бипвы кровавыя; я долженъ бышь на другомъ берегу! Знаю, сколь мышцы швои слабы разсѣкашъ весломъ волны пѣнисшыя; я управлю ладією; шы обявляй мнѣ пущь, по коему можешъ печь она не подвергнись мѣлямъ и прешкновеніямъ.

Мы взошли въ ладію малую. Вишязь напрягъ крѣпкія мышцы свои, и по моему указанію разсѣкаль волны свирѣпыя. Долго боролся онъ съ враждебными спихіями; наконецъ — благодареніе грозному Посвиспу (*) — восхо-

(*) Славянскій богъ вѣшровъ.

дящее изъ за пучь солнце освѣпило насъ на другомъ брегѣ Волхова. Випись долго взираль на меня взоромъ внимательнымъ, и вопросиль пошомъ: „имя швое, прелесшь незнакомаа?“

Ольга, имя мое, опвѣпшповала я, и непоняшный препешъ разлился въ груди моей; и я чувспшовала пурпуръ, озарившій мои ланишы.

„Кпо располагаешъ швоею учапшью?“

Воля Боговъ небожипелей!

„Богиня Лада не вѣнчала шебя ро-
„зовымъ вѣнкомъ своимъ?“

Дѣвическій поясъ мой не разрѣ-
„шень еще!

При семь Випись снимаешъ съ себя цѣпъ злапую, возлагаешъ на выю мою, и гласомъ, подобнымъ гласу арфы сладкозвучной, вѣщаешъ мнѣ: „Ольга! я „спранникъ здѣсь, и ничего не имѣю „оставишь шебѣ въ знакъ памяпи за „швою услугу! Бреги цѣпъ сію! Если „я паду шеперь на бипвѣ кровавой, шы „вручи ее жениху своему: если же

„останусь побѣдшелемъ, не замедлю
 „явиться къ тебѣ, и обмѣню залогъ, сей
 „другимъ, тебя достойнѣйшимъ! Взой-
 „ди въ ладью свою, и спѣши въ хижи-
 „ну. Скоро берега сіи заспонутъ опъ
 „воплей поражающихъ и споновъ пора-
 „женныхъ.“

Такъ вѣщалъ Випись, запечашлѣлъ
 поцѣлуй на ланищѣ моей, и скрылся въ
 чащѣ дубравной. — Медленно плыла я
 по укропившимся водамъ Волхова; ше-
 ченіе струй его направляло ходъ ладіи
 моей: ибо возможность управлять вес-
 ломъ моимъ — забыла.

Въ продолженіи двухъ грустныхъ
 дней, опъ зари утренняя до зари ве-
 черней, склоняся на пень дуба дрежня-
 го, сидѣла я на берегу мушнаго Волхо-
 ва. Прелестный Погода (*) развѣвалъ
 волосы мои по груди шрепещущей. Цвѣ-
 ты благоухали; крошкія волны рѣзви-
 лись въ объятіяхъ береговъ своихъ; но

(*) Зефиръ Славянскій.

я ничему не внимала. Блуждающіе взоры мои обращены были на опдаленныя лѣса и горы, опколѣ чаяла я узрѣшь или любезнаго Вишязя, или величественную шѣнь его: — ибо онъ при разспаніи нашемъ общалъ мнѣ или то, или другое. Мнѣ казалось, что прощальной поцѣлуй его все еще пылалъ на моей ланишѣ.

Наспалъ и претій день, — и при возшѣспвіи на небѣ нашемъ свѣсила великаго, вяла я громкимъ воплямъ на брегѣ опдаленномъ. Сердце мое содрогнулось — и я не дерзала возвестъ взоръ свой на мѣсто опасное. Поспешенно гулъ, шумъ и говоръ людскій ко мнѣ приближающійся, меня ободряють, я восстаю опъ дерна цвѣшущаго — и зрю у ногъ моихъ Вишязя, мнѣ любезнаго. Онъ окруженъ былъ мужами добльспвенными въ dospѣхахъ рапныхъ. Изумленіе мое было неописанно. Онъ беретъ цѣпь свою съ выи моей и возлагаешъ на свою. Снимаешъ перспень съ руки своей и

вручивъ мнѣ, взываетъ: „Се залогъ
„благополучія Славянъ и ихъ племени!
„Ольга! сего дня будешь пы моею су-
„пругою! — Я Игорьъ, повелишель ве-
„ликаго Новограда и всея земли Сла-
„венскія.“

Въ полубезчувствіи пала я въ объ-
шя Вишязя державнаго: послѣдовала за
нимъ во градъ великій, въ чершогги
Княжескіе, и съ слезящимъ взоромъ бла-
годарности къ Богамъ покровишелямъ,
возрѣла на воспекающую звѣзду вечер-
нюю съ высокаго ложа Игорева!

Быспрошекущи крыліе швои, о сча-
спіе! Полешъ швой ешь полешъ мол-
ніи! — Куда опшрацаешь пы ясные взо-
ры свои опъ ложа Ольги державныя?

Пыль подьемлешся высоко на дворъ Кня-
жескомъ, и задыхающійся вѣспникъ, шпорг-
шійся къ Княгинѣ, вѣщаешъ: „Бери на руки
„младаго сына своего Свяшослава, и шеки
„во срѣшеніе опца его! Онъ съ дружиною
„стоишъ предъ врашами града Кіева. Гроз-
„но чело его, подобно шучѣ, и безмолвныя

„уста, кажется, предвѣщаютъ удары
„гибельные. Теки ему во срѣшеніе!“

Прижавъ юнаго сына къ родимель-
ской груди своей, пораженная Ольга въ
сопущствѣ Боярь и дѣшей ихъ, — исхо-
дитъ со двора Княжескаго.

Быстро пропекаетъ она спогны гра-
да обширнаго и является на берегу Днѣ-
пра быстропечнаго.

Храбрая дружина узрѣла ее, и глу-
бокой спонъ раздался по долинь. Мрач-
ные взоры воиновъ и крѣпкія руки опу-
спились. Они раздѣлили ряды свои, и
се! — на песку сыпучемъ, на чешырехъ
желѣзныхъ щитахъ распроспертъ былъ
Вишязь, подобно крѣпкому кедру, пад-
шему при корнѣ опъ удара громоваго.
Блѣдны были ланиты его; блестящіе
нѣкогда доспѣхи покрыты пылью и
кровою; сомкнувшіяся уста, казалось,
грозили еще врагу дерзновенному; глава
его покоилась на злупомъ щипѣ; у ногъ
его лежали копіе, мечъ и колчанъ безъ
срѣль. —

Приближалась Ольга къ смертному одру Вишязя, преклонила колѣна, облобызала уста хладныя, очи помершвѣлыя, рану на груди, облишую кровію, и возсвавъ, рекла къ воинству: „Течемъ ко граду преспольному! шрупъ его хочешь, призны, духъ его алчешь мщенія! Тынь великая! успокойся! Ольга доспа, вишь шебъ и шо и другое!“

Она воспала въ безмолвіи; воины подняли на рамена свои одръ Вишязя, и обратились къ Кіеву. На челъ Ольги невидно было ни черпы горести; во взорахъ ея ни слъзи печали! Толико безпредѣльны были и горестъ и печаль Ольги державныя!

Позналъ Кіевъ потерю свою невозвратную, и вопли скорби и съшованія разлились на широкихъ стогнахъ его. Быстро опверзлись врага желѣзные, и мужи и спарцы и жены и дѣвы, подобно валу Днѣпрову, гонимому крыломъ Посвиспа, пошекли на срѣшеніе дружины рашной. Воззрѣли они на одръ высо-

кій, и вопли и сшоны попрысали въпви дубовъ и вязовъ прибрежныхъ. Они воспѣли пѣсни горести надъ прахомъ мужа великаго.

Воины. „Паль Вишязь, — и не воз-
„станешъ опъ одра своего! Зазвучишь
„труба бранная, и онъ не ослабился!
„Возстанушь и възрыдаюшь враги по-
„раженные, и сердце его не запрепе-
„щеть опъ радости! Усна Вишязя сом-
„кнулись, сердце великаго оледенѣло!“

Граждане. „Паль владыка Кіева, —
„и не возстанешъ опъ одра своего!
„Спекупся на широкій дворъ его и
„граждане и спранники, и не возвесе-
„лился онъ за сполами дубовыми. Вос-
„поюшь ему пѣсни похвальные, — и
„онъ не опдарить ихъ взоромъ привѣп-
„спвія! Усна веселыя сомкнулись, серд-
„це гощепрімнаго оледенѣло!“

Воины. „Паль сильный, — и не воз-
„станешъ опъ одра своего! — Проле-
„пипъ средъ неба громъ побѣдъ сыновъ
„его, и онъ не совосплещеть общей ра-

„доспи! — Повергнушь побѣжденные
 „къ престолу Росскому дани богашья,
 „и онъ не проспрешъ къ нимъ длани
 „своей! — Глубоко въ землѣ проспрешъ
 „ся онъ; — шажелый курганъ наляжешъ
 „на грудь его!“

Граждане. „Паль мудрый, и не воз-
 „станешъ опъ одра своего! Пришекушь
 „ко врашамъ двора его и вдовы и сиро-
 „шы, и онъ не изречешъ къ нимъ: дѣ-
 „ши мои! — Воздадушь хвалу его кро-
 „шоспи и милосердію, и онъ не воззо-
 „вешъ къ нимъ: друзья мои! — Ис-
 „плѣшъ въ ушробѣ земли сердце благо-
 „родное, одинъ могильный холмъ возвѣ-
 „спишъ вѣкамъ: былъ онъ.“

Всѣ. „Паль Игорь — и не воспашъ
 „нешъ опъ одра своего! — Паль Ви-
 „шязь сильный, паль владыка мудрый!
 „Тяжко оковалъ его сонъ смерти цѣпя-
 „ми желѣзными! Не возбудишся онъ и
 „не возстанешъ на гласъ народа своего
 „и воиншва! Одинъ могильный холмъ

„возвѣспитъ намъ и родачъ опдален-
нымъ: былъ онъ — и нѣтъ его!“

Такъ пѣли воины и граждане, шешуя за прахомъ Повелителя, и наполнили воздухъ плачемъ и воплемъ. Достигли они холма высокаго, изкопали на вершинѣ его могилу глубокую, и опустили въ нее ошанки мужа сильнаго. Туда низпущенъ любимый конь его, шоварищъ вѣрный въ битвахъ тяжкихъ; шуда повержены тяжелый щитъ его и мечъ булашный; шуда вся збуя богапырская.

Злаповласый Свѣшвидъ, спускаясь уныло за лѣса и горы, послѣднимъ взоромъ своимъ освѣшилъ высокій курганъ надъ шрупомъ Игоревымъ. Но возвращаясь паки на небо Кіевское, узрѣлъ онъ плачь, и внялъ шонамъ цѣлаго народа и воинства надъ могилою своего Повелителя! —

Смерть, обладательница всего живущаго подъ солнцемъ! Кому изъ вѣнецносцевъ ужасно осприе косы швоей?

Тому ли, копорый дни жизни своей исчислялъ числомъ благошвореній? Тому ли, копораго широкой дворъ былъ надежнымъ убѣжищемъ сироты и вдовицы? Тому ли, копорый ополчался на брань и заключалъ союзы не по личной злобѣ или приспращію, но единспвенно для блага дѣшей своихъ и брашій, для блага народа ему подвлашнаго? Нѣтъ! шаковый вѣспника новоя жизни вспрѣшишь съ улыбкою любви и надежды воздаянія! Одни подданные сплачуть его и должны оплакать слезами горькими: ибо ясное, кропкое, благошворное солнце ихъ закапилось, и они остаюшся во шъмѣ сомнѣнія, не будепь ли на мѣсто его новое солнце взошедшее на высоту поднебесную, покрышо шучами, въ нѣдрахъ своихъ скрывающими громы рыкающие и молніи смершно-разящія!

Василій Нарѣжный.

О

ВОДОПАДАХЪ РЪКИ ОРИНОКО.

(Окончаніе.)

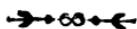

Опшъ высокаго горнаго кряжа Кунавами, между испочниками рѣкъ Сипапо и Веншуари, проспирается далеко на Западъ къ Уніамскимъ горамъ гранишный хребетъ, съ кошораго низпадають чешыре ручья, ограничивающіе въ то же время водопадъ Майпуресскій: Сипапо и Санариапо на Восшочномъ берегу рѣки Ориноко, Камеи и Топаро на Западномъ. Тамъ, гдѣ лежишь деревня Майпуресь, горы образуюшь просшранный, на Юго-западъ опкрышый заливъ.

Здѣсь пѣнящаяся рѣка низвергается съ Восшочной горной пологосши. Но вдали Западной спороны узнаешь древній,

покинутый ею берегъ. Между обѣими холмистыми цѣпами проспирается обширная зеленая долина, гдѣ Езуиты выстроили маленькую церковь изъ пальмовыхъ деревъ. Сія равнина возвышается надъ поверхностію рѣки едва на 30 фушовъ.

Геологическій видъ сихъ странъ, скалы Кери и Око, лежація въ видѣ острововъ, рышвины, образованныя въ первомъ изъ сихъ холмовъ великими водами и находящіяся совершенно на равной высотѣ съ шѣми, копорыя видны на прошивулежащемъ оспрову Уивипари, — всѣ сіи явленія доказываютъ, что Ориноко наполнялъ нѣкогда сей изсякшій нынѣ заливъ. Вѣроятно воды соспаляли до полъ пространное озеро, доколѣ Сѣверная плошина имъ прошивустояла; но когда она была расшоргнуша, тогда зеленая долина, обитаемая нынѣ Гвареками, явилась въ видѣ острова. Можеть бышь рѣка долгое время окружала скалы Кери и Око, копорыя по-

добно нагорнымъ замкамъ, выходя изъ древняго русла ея, являющъ живописное зрѣлище. Воды убывая мало по малу, удалились наконецъ совершенно къ Воспичной цѣпи горъ.

Сіе мнѣніе подтверждается многими обстоятельствоми. Ориноко имѣетъ здѣсь, подобно Нилу, близъ Филе и Сіэны доспопримѣчательное свойство чернить краснобѣлыя гранишныя горы, которыя онъ цѣлыя тысячы лѣтъ омываетъ. Куда досягающъ воды, тамъ каменистый берегъ покрывъ нѣкопорымъ угольнымъ свинцоваго цвѣта веществомъ, проникающимъ во внутренность камня едва на одну десятую долю линіи. Таковое очерненіе и рышвины, о коихъ мы выше сего говорили, знаменующъ древнюю высоту водъ рѣки Ориноко.

Въ скалахъ Кери, на островахъ водопадовъ, въ холмистой цѣпи Кумадаминари, лежащей выше острова Томо, и наконецъ въ устьѣ рѣки Яо, видны

сіи черныя рытвины, возвышенныя опъ 150 — 180 фушовъ надъ нынѣшнею по-верхносною водою. Существованіе ихъ показываеиъ (впрочемъ сіе видно во всѣхъ рѣкахъ въ Европѣ протекаю-щихъ), что рѣки, заслуживающія нынѣ наше удивленіе, суть токмо слабыя ошачки чрезмѣрнаго количества водою первобытнаго міра.

Таковыя просныя замѣчанія не избѣгли и опъ дикихъ обитателей Гваяны. Вездѣ Индѣйцы показывали намъ слѣды древней высоты водою. На зеле-номъ лугу близъ Уруаны лежишъ уеди-ненно гранишная скала, на копорой (по повѣствованію достойныхъ вѣроянія лю-дей) въ вышинѣ на 80 фушою начер-шанышо чши рядами изображенія солнца, луны и разнообразныхъ живошныхъ, преимущественно крокодиловъ и поло-зовъ. Нынѣ никто не можетъ взойши безъ подмошпокъ на сію опвѣсно - стоя-щую шѣну, заслуживающую шщатель-ное изслѣдованіе будущихъ путешеш-

венниковъ. Въ таковомъ же удивленіи доспойномъ положеніи находяпся гіероглифическіе знаки, начертанные на горахъ Уруаны и Энкарамады.

Если вопрошаешь шамошнихъ жителей, какимъ образомъ сіи изображенія могли бытъ шамъ начертаны, шо они отвѣчаютъ, что сіе произошло во время высокихъ водъ, когда прародители ихъ плавали по онымъ. Слѣдовательно сія висопа водъ была прежде грубыхъ памятниковъ шрудовъ человека. — Она показываетъ состояніе земли, кошорое не должно смѣшивашъ съ шѣмъ, когда первое прозябеніе нашей планеты, исполинскія шѣла пресѣкшихся породъ живошныхъ и обитатели Океана первобышнаго міра, обрѣли свою могилу подъ зашвердѣлою корою земною.

Сѣверный выходъ пороговъ извѣстенъ изображеніями солнца и луны. Скала Кери, о коей я неоднократно упоминалъ, получила свое названіе отъ

бѣлаго, вдали блестящаго пятна, въ кошоромъ Индѣйцы находятъ великое сходство съ полною луною. Я не могъ въобразиться на сію крушую скалу; но върочно, что бѣлое пятно есть ничто иное, какъ шокмо большое кварцовое гнѣздо, образуемое соединеніемъ жилъ въ сѣровапочерномъ гранитѣ.

Противъ Кери, Индѣйцы показываютъ съ шайншвеннымъ удивленіемъ на горѣ, какъ бы изъ базальна состоящей, шаковой же кругъ, почиаемый ими за образъ солнца (*Самози*). Можетъ быть самое положеніе сихъ скала было причиною къ шаковому ихъ наименованію: ибо я нашель, что скала Кери обращена была къ Западу, а Камози къ Востоку. Изслѣдователи языковъ найдуть въ Американскомъ словѣ *Камози* (*Самози*) великое сходство со словомъ *Камозъ* (*Самосч*), означающимъ солнце на одномъ изъ Финикійскихъ нарѣчій.

Водопады Майпуресскіе не содержатъ въ себѣ великой массы мгновенно

низвергающихся водъ, подобно Ниагарскому паденію, на 140 фушовъ возвышенному и не соспоаятъ также въ шѣсныхъ проливахъ, чрезъ которые рѣка спремилса съ ускоряющею быспрошою, какъ Понго Манзеригъ въ Амазонской рѣкѣ; но они являются въ видѣ безчисленнаго множества маленькихъ каскадовъ, копорые, подобно ступенямъ, одинъ за другимъ слѣдуютъ. Сей родъ водопадовъ, именуемой Испанцами Raudal, образуется Архипелагомъ острововъ и скаль, копорые такъ стѣсняють русло рѣчное, имѣющее въ ширину 8000 фушовъ, что едва оспаетса онаго 20 фушовъ для свободнаго плаванія. Воспочная спорона нынѣ непришупнѣ и опаснѣ Западной.

Въ устьѣ Камей выгружаютъ товары, что бы пустое судно, здѣсь именуемое Пираго, провести знающими сіи водопады или пороги Индѣйцами, до устья Топары, гдѣ опасность почипаетъ уже миновшею. Если отдѣльныя

скалы или ступени (каждая изъ оныхъ означается особымъ именемъ) не возвышены на 2—3 фуза, то Негры отваживаются спускаться внизъ на лодкѣ. Если же должно имъ итти вверхъ рѣки, то они плывутъ впереди ея, зацѣпляють послѣ многихъ и щепныхъ усилий веревку за край вышедшаго изъ воды утеса и посредствомъ уже сей веревки прищягивають къ себѣ лодку, которая часто во время сей многопрудной работы опрокидывается или совершенно наполняется водою.

Иногда, и сего шокмо случая опасаяся шамошніе жипели, лодка разбивается о скалу. Тогда окровавленный кормщикъ спарается избѣгнуть водовороша и достигнуть берега вплавь. Гдѣ ступени чрезвычайно высоки и скалы преграждають теченіе рѣки, шамъ легкія суда, помощію подкладываемыхъ подъ оныя бревень, выпаскиваются на ближній берегъ.

Знаменишѣйшіе пороги сушь: Пури-

марими и Маними. Они возвышены на 9 фушовъ. Я нашель съ удивленіемъ посредствомъ измѣреній барометромъ (геодезическое нивелированіе содѣлалось здѣсь невозможнымъ по причинѣ неприступныхъ мѣстъ, при заразительномъ воздухѣ, наполненномъ безчисленнымъ множествомъ москишовъ), что паденіе водъ (Raudal) отъ устья Камеи до устья Топары едва содержишь 28 до 30 фушовъ. Я говорю съ удивленіемъ: ибо чрезъ шо познаешь, что ужасный шумъ и дикій ревъ пѣнящихся волнь рѣки производящъ единственно отъ быспраго шеченія, преграждаемаго многочисленными скалами и островами. Въ истинѣ мнѣнія сего удостовѣришься лучше, когда отъ деревни Майпуресь перешедъ скалу Маними, низходишь на самый берегъ рѣки.

Въ семь-шо мѣстѣ наслаждаешся совершенно чудеснымъ зрѣлищемъ. Мгновенно являешся взорамъ пѣнящаяся поверхность рѣки на цѣлую милю длины.

Черныя желѣзовидныя громады скаль вынікаюць изъ нѣдръ ея подобно нагорнымъ башнямъ. Каждый оспровъ, каждый камень, украшенъ вѣшвисшими сплешшимися деревьями. Густый шуманъ вѣчно носится надъ водами. Сквозь пѣнисное облако паровъ проникаетъ вершина высокихъ пальмъ. Когда горящій лучъ заходящаго солнца преломится во влажномъ воздухѣ, тогда начинается оппическое очарованіе. Разноцвѣшныя радуги, по исчезаюць, по вновь появляются. Игра вѣшперковъ колеблетъ ихъ эфирный образъ.

Медленно шекущія воды сосшавили оспрова изъ земли, наносимой въ дождливое время на голыя скалы. Оспрова сіи, украшенные росниками (*drosera*), сребрянолиспвенными мимозами и другими различными расшѣніями, образуюць цвѣшники, разбросанные на обнаженныхъ скалахъ. Они напоминаюць Европейцу о шѣхъ гранишныхъ уединенныхъ и покрышыхъ цвѣшами горахъ, которыя

Альпійскіе обшпашели именують Courtils и которыя выходяшь изъ лдяныхъ горъ Савойскихъ.

Въ синеватой опдаленности взоръ покоится на длиннопроспиряющемся горномъ хребтѣ Кунавами, который оканчиваешся высокою, шупоконечною вершиною. Послѣдняя цѣпь сихъ горъ, именуемая шамошними жителями Калишамини, представилась намъ при захожденіи солнца, какъ бы въ огнѣ, пылающею.

Явленіе сіе возобновляется ежедневно. Никшо не былъ близъ сихъ горъ, но вѣрояшно, что блескъ производить огнь отраженія мыловки или слюдистаго сланца.

Во время пятидневнаго пребыванія нашего близъ водопадовъ мы замѣтили, что шумъ рѣки былъ во время ночи сильнѣе, нежели днемъ. Сіе явленіе примѣчаеш у всѣхъ водопадовъ въ Европѣ. Что можешъ бытъ причиною сего явленія въ пустынь, гдѣ ничто не нарушаеш тишины природы? Вѣрояшно,

что сіе происходитъ опъ снрямащагося вверху знойнаго воздуха, который препяиспвуешъ днемъ распроспраненію звука и прекращаетъ во время ночи, когда поверхность земли прохладится.

Индѣйцы показывали намъ слѣды колесъ и рассказывали съ удивленіемъ о волахъ, возившихъ на шельгахъ лодки на лѣвый берегъ рѣки Ориноко, опъ устья Камеи до устья Топары, въ по время, когда Езуипы обращали здѣшнихъ жипелей въ Хриспіанскую вѣру. Тогда суда оспавались нагруженными и не были, какъ нынѣ, повреждаемы вспрѣчающимися мѣлями и беспреспанными удареніями объ оспроконечныя скалы.

Соспавленный мною планъ всей окреспной спраны показываешъ, что весьма удобно открьшь сообщеніе между Камеи и Топаро. Долина, орошаемая сими рѣками совершенно равна. Въ 1800 году предложиль я Генераль Губернашору Венезуэлы провешпи здѣсь каналъ, который содѣлался бы судоходнымъ ру-

кавомъ рѣки Ориноко, замѣнивъ древніе и опасные проливы оной.

Водопадъ Апуресскій совершенно подобенъ Майпуресскому. Онъ также низвергается съ высокихъ скалъ; пальмовый лѣсъ возвышается посреди пѣнящихся водъ. Знаменишѣйшіе пороги онаго лежать между островами Авагури, Яваривени, Сурипаманы и Уирапури.

Возвращаясь съ Г. Бонпланомъ съ береговъ рѣки Негро, мы опважились спуститься по водопаду Апуресскому въ нагруженной лодкѣ. Неоднократно выходили мы на ушесы, которые подобно плоскоинамъ, соединяли острова съ островами. Иногда вода стремилась чрезъ сіи плоскоины или падала съ глухимъ шумомъ во внутренность оныхъ; отъ чего рѣка въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно омѣла: ибо она нашла себѣ путь въ подземныхъ проходахъ. Въ сей дикой и уединенной странѣ въюгъ гнѣзды злашвидные пѣшухи (*pirga guricola*), одна изъ прекраснѣйшихъ птицъ

подъ пропиками, копорая имѣетъ двойной движущійся изъ перьевъ хохолокъ и не уступаетъ въ дракъ Остѣ - Индскому дворовому пѣшуку.

Близъ Канукари гранишныя ушесы образуютъ каменную плошину. Здѣсь вошли мы въ пещеру, коей влажныя стѣны покрыты были водянымъ мхомъ (*Conferva*) и блестящимъ виссомъ (*Bryus*). Съ ужаснымъ шумомъ рѣка пропекала надъ пещерою. Мы долго наслаждались симъ величественнымъ зрѣлищемъ природы, попому что Индѣйцы оставили насъ однихъ посреди пороговъ. Лодка должна была объѣхать узкій островъ, дабы взять насъ на нижнемъ берегу онаго. Мы пробыли здѣсь полшора часа подъ сильнымъ дождемъ. Ночь наступила и щепно искали мы себѣ убѣжища въ пещерахъ гранишныхъ скалъ. Маленькія обезьяны, копорыхъ мы цѣлыя недѣли носили съ собою въ плетеныхъ клѣшкахъ, привлекали своимъ жалобнымъ воемъ крокодиловъ, коихъ вели-

чина и свинцовосѣрый цвѣтъ означали великія лѣта. Я не упомянулъ бы о семь обыкновенномъ явленіи рѣки Ориноко, если бы не увѣряли насъ Индѣйцы, что въ порогахъ никогда не видали крокодиловъ. Полагаясь на ихъ слова, мы часто осмѣливались купаться въ сей части рѣки.

Между тѣмъ каждую минуту возраждалось въ насъ опасеніе быть принужденными провести у водопада длинную ночь пропиковъ, кромѣ того, что были вымочены и оглушены чрезвычайнымъ шумомъ паденія водъ, какъ вдругъ явились Индѣйцы съ нашею лодкою. Спупень, по которой хотѣли они спуститься, нашли совершенно неприспупною: ибо вода была чрезвычайно низка, а пошому и принуждены они были искать въ Лабиринтѣ проливовъ удобнаго выхода.

При южномъ входѣ Апуресскаго водопада лежишь на лѣвомъ берегу рѣки знаменишая у Индѣйцовъ Ашаруипская

пещера. Окрестная ея страна имѣетъ величественный и грозный видъ, приличествующій только погребалищу цѣлаго народа. Съ трудомъ и не безъ опасности всходишь на сію крушую, совершенно обнаженную гранишную стѣну и спустишь твердо на гладкую скалу было бы совершенно не возможно, если бы не находились на оной кристаллы полевого шпата въ дюймъ длиною.

Едва достигнешь вершины сей скалы, какъ поражаешься величественнымъ зрѣлищемъ окрестъ лежащей страны. Изъ пѣнящихся водъ рѣки Ориноко возвышающія холмы, украшенные лѣсами. По ту сторону рѣки, на западномъ берегу ея, взоръ покоится на неизмѣримой зеленой долинѣ, орошаемой Мешою. Подобно грозящей собирающейся тучѣ, является на горизонтѣ гора Уніама. Такова-то отдаленность; но вокругъ созерцаемая все обнажено и спѣснено. Пустынный коршунъ и кричащій полуночникъ парящъ уединенно надъ воздѣланною до-

линою и кружащаяся шѣнь ихъ медленно носилъся по голымъ скаламъ.

Сія пропасть ограничена горами, на округленныхъ вершинахъ коихъ сплотаючись величайшіе гранитные шары, имѣющіе въ поперечникѣ отъ 40 до 50 фушовъ. Они кажутся прикосновенными единою почкою къ горѣ ихъ поддерживающей, и какъ бы долженствующими скапливаться въ пропасть при слабѣйшемъ ударѣ землетрясенія.

Отдаленнѣйшій конецъ сей долины покрытъ густымъ лѣсомъ. Въ семь-шестисотомъ мѣстѣ является Апаруипская пещера. Она не есть собственно пещера, но сводъ, далеко нависшая скала или бухта размытая водами, кои нѣкогда досягали до сей высоты. Сія пещера есть погребалище истребленнаго здѣсь народнаго племени. Мы сочли шамъ до шести сотъ сохранившихся человѣческихъ основовъ; каждый изъ оныхъ былъ заключенъ въ корзинкѣ, изъ лиственныхъ жилокъ пальмы сплешенной.

Корзинки, именуемая Индѣйцами *малиресъ*, образуютъ родъ четвероугольныхъ мѣшковъ, которые по возрасту умершаго сдѣланы различной величины, даже и для младенцевъ. Въ нихъ хранящіяся основы совершенно невредимы.

Коспи сохраняютъ шремя способами: бѣлятъ, красятъ сокомъ добываемымъ изъ распѣнія *Vixa ogellana*, или мажутъ оныя благовонными смолами, смѣшанными съ пизанговыми листьями.

Индѣйцы рассказываютъ, что умершаго закапываютъ нѣсколько мѣсяцевъ въ сырую землю, которая испребляетъ мало по малу мускуловое тѣло; допомъ вынуть, оскабливаютъ оное опъ костей оспрыми камнями. Многія Гваянскія племена хранятъ и понынѣ сіе обыкновение. Послѣ корзинокъ (*Marires*) находятъ также урны изъ полубобожженной глины, заключающія, какъ кажешся, коспи цѣлыхъ семействъ.

Величайшія изъ сихъ урнъ бывають вышиною въ 3, а шириною въ $5\frac{1}{2}$ фушовъ; онѣ имѣють овальный, довольно приплюснутый видъ, зеленоваты и украшены ручками въ видѣ крокодиловъ и змѣй, а по краямъ меандрами и лабиринтами. Таковыя украшенія совершенно подобны шѣмъ, когорыя покрываютъ стѣны Мексиканскаго замка близъ Мишлы. Ихъ находятъ во всѣхъ странахъ земныхъ и у народовъ различнаго образованія: у Грековъ и Римлянъ, въ храмъ называемомъ *Deus Rediculus* въ Римѣ и на щипцахъ Таишанъ; словомъ: повсюду, гдѣ мѣрное повсюденіе правильныхъ видовъ прельщало взоры. — Таковое подобіе основывается на физическихъ причинахъ, на внутреннемъ свойствѣ нашихъ душевныхъ расположеній, доказывающихъ общее происхожденіе и древнее сношеніе народовъ.

Наши полмачи не могли сообщить намъ достоверныхъ свѣденій о древности сихъ сосудовъ. Большая часть осшвовъ не имѣла, какъ казалось, свыше

спя лѣшъ. Но преданіе Гварековъ гла-
силь, что храбрые Апуры, преслѣдуе-
мые людоѣдами Карибскими, спаслись
на скалахъ пороговъ — плачевное мѣ-
стопребываніе, гдѣ погибло ушѣсненное
народопоколѣніе, а съ нимъ и языкъ его.
Въ неприспунныхъ часяхъ водопадовъ
находятся подобныя пещеры (*). Вѣ-
роятно, что послѣднее семейство Апу-
ровъ вымерло весьма поздно: ибо въ
Майпурессѣ живеть еще шарый попу-
гай, о которомъ повѣствуютъ шаман-
ніе жишеля, что они не могутъ пони-
мать его по той причинѣ, что говорятъ
онъ на языкъ Апуровъ.

При наступленіи ночи, оставили мы
сію пещеру, взявъ съ собою, къ вели-

(*) Въ 1800 году, когда я проѣзжалъ Ори-
некскіе лѣса, дѣлались по повелѣнію Короля
нѣкоторыя поиски въ пещерахъ, хранящихъ
кости человѣческія. Обвинили ложно Миссіо-
нера, имѣющаго наблюденіе за сими порогами
въ томъ, что будто нашель онъ въ сихъ пе-
щерахъ сокровища, которыя погребены были
Езуитами; до опъзда ихъ изъ сихъ спранъ.

кой досадѣ нашего пушеводителя, нѣсколько череповъ и полный осповъ пожилаго человѣка. Одинъ изъ сихъ череповъ былъ срисованъ Г. Блюменбахомъ въ превосходномъ его сочиненіи, но къ сожалѣнію вышепомянутый осповъ, равно какъ и большая часть нашихъ собраній, погибли въ бывшемъ подлѣ Африканскихъ береговъ кораблекрушеніи, гдѣ окончилъ жизнь юный Францисканскій монахъ, другъ и спутникъ нашъ Жуанъ-Гонзалецъ.

Какъ будто движимые предчувствіемъ прискорбной для насъ потери, въ мрачности и мечтаніи удалились мы въ сей пещеры, сокрывающей погибшее народное племя. Ночь была ясная и прохладная, какъ обыкновенно бываетъ въ странахъ подлѣ пропиками лежащихъ. Луна въ раскрашенныхъ кругахъ спояла высоко въ зеницѣ. Она освѣщала края шумана, которъй въ яркомъ очерпаніи, подобно облаку, покрывалъ пѣнящуюся рѣку. Бесчисленное мно-

жесиво насѣкомыхъ изливали свой красноватый фосфорическій свѣтъ по землѣ, различными распѣніями усладной. Поверхность ея блистала живымъ огнемъ, какъ будто усыянный звѣздами сводъ небесный, опустился на зеленую долину. Вьющійся шрубоцвѣтъ (Vignonia), душистая ванилла и желпоцвѣтное Банисперово распѣніе, украшали входъ пещеры. Вершина пальмъ колебалась съ шумомъ надъ гробницею.

Такъ умирають цѣлые народы и слава ихъ преселяется въ неизвѣстность. Но когда каждый цвѣтъ ума увядаетъ, когда произведенія шворческаго искусства погибають въ бурѣ времянь: тогда возраждается новая жизнь изъ нѣдръ земли. Неупомимо зиждущая природа разверзаетъ свои силы, не заботясь о томъ, что злобный и ни съ чѣмъ не примиримый человекъ попираетъ созрѣвающій плодъ ея.

Г

ЕСТЕСТВЕННАЯ ФИЛОСОФІЯ.

Селеская картина.

Въ нѣдрѣ Алпійскихъ горъ, вѣчнымъ льдомъ покрытыхъ, лежишь уединенная цвѣтущая долина. Тамъ, подъ тѣнію густолиственныхъ деревъ небрежно разсыяны мирныя хижины, около стѣнъ ихъ вѣется дикій плющъ, а, верхія кровли заросли мхомъ всегда зеленѣющимъ. — Тамъ, спремится съ вершины горы шумящій водопадъ; — солнечныя лучи переломляясь въ кристалльныхъ брызгахъ, отражаютъ радужныя цвѣты; съдая пѣна его, подобно легкому шуману, разстилается по обширному водопоку — и перяется въ небольшихъ ручьяхъ, освѣжающихъ благодѣтельной влагою жаждущія поля, усѣяныя цвѣтами.

Тамъ, заблудшійся странникъ впадаетъ въ тихое уныніе.

Погруженный въ приятныя мечтанія блуждалъ я нѣкогда въ мѣстахъ сихъ; заспигшая буря выводитъ меня изъ задумчивости — я спѣшу къ жижинамъ и спущусь у первой. Пресварѣлая женщина, какою пылкое воображеніе позновъ представляетъ намъ Бавкиду, встрѣчаетъ меня съ почтеніемъ и сельскимъ дружелюбіемъ, доспойнымъ нравомъ злашаго вѣка! „Немногимъ надѣлила насъ судьба, сказала она, но съ радостнымъ сердцемъ раздѣлимъ мы съ вами немного, посланное намъ благоспію Небесъ: свѣжее молоко, спѣлыя плоды и вкусный ржаный хлѣбъ — къ вашимъ услугамъ!“ Я удивился чистотѣ и порядку, украшавшимъ сіе мирное жилище, въ которомъ все было просто и все представляло счастливую бѣдность. На свѣжей соломѣ лежалъ спарець (живое изображеніе Филемона). — „Опдохните, сударь, у насъ, сказала

„добрая старушка, и подала мнѣ соло-
 „менной стуль; позволше обсушивъ
 „ваше плащье — оно все измокло опъ
 „дожда, скоро возвращающа дѣши наши
 „съ поля; какъ они будутъ ради,
 „что вы бѣдную нашу хижину предпоч-
 „ли другимъ.“ Я подвинулъ стуль къ
 постелѣ старца и спросилъ его не бо-
 лень ли онъ, или не чувствуешь ли ка-
 кой скорби?

Старикъ.

Нѣтъ, сударь, благодаря Небо, ни
 какой скорби не имѣю; однакожь для
 кого весна девяношо разъ уже обнов-
 лялась, топъ и безъ болѣзни чув-
 ствуешь слабоснь; нѣсколько дней по-
 му, какъ я уже не работаю. Лиза,
 пригошовъ намъ блюдо овощей, принеси
 шестидесятилѣпняго вина. Извинише,
 Сударь, бѣдная жена моя также чув-
 ствуешь бремя осмидесятилѣпней спа-
 роспи, уже не прыгаешь она легко по-
 добно сернѣ, какъ бывало, въ двадцать
 лѣшь: время все изменяетъ.

Я.

Почтенный спарець! Ты безъ сомнѣнія наслаждаешься истиннымъ спокойствіемъ?

Старикъ.

Надѣюсь, что сіе спокойствіе заслужилъ я! Сколько разъ вязалъ снопы, сколько разъ занимался собираніемъ винограда! Всегда былъ здоровъ; довольство блиспало на челѣ моемъ; радость и смиреніе въ сердцѣ; тихо прейду въ лучшій міръ! Опцы наши, двое дѣшей и друзья мои шамъ примушь меня въ опверспыя объятія; сколь искренно я любилъ ихъ! какая радость снова видѣться съ ними и не проливать болѣе слезъ! Съ сею надеждою, безъ всякой скорби и помленія ожидаю конца моей жизни!

Я.

Безъ всякаго помленія? Не понимаю, какъ можно цѣлый день лежать въ постелѣ и не чувствовашъ мучительной скуки!

Старикъ.

Вы думаете, что я скучаю? Если бы въ молодости насладился я всѣми ушѣхами здѣшной жизни; если бы ушопалъ въ непрерывныхъ удовольствіяхъ; если бы ночь обращалъ въ день, а день въ ночь; или живя въ шумномъ свѣтѣ, бросался бы ошъ одного предмета къ другому; если бы все время жизни моей проводилъ въ игрѣ, пресыщеніи и непрезвостии; если бы развращалъ невинность и разрывалъ узы супружества, тогда угрызение совѣсти мучило бы меня! Но, благодаря небо, сердце мое непорочно. Въ уединенномъ жилищѣ семь испыталъ я и худое и доброе; въ каждомъ возрастѣ вкушалъ я свойственныя удовольствія: въ молодости я былъ пылокъ и имѣлъ друзей; возмужавъ влюбился и никогда не измѣнялъ слову одинъ разъ предъ Олшаремъ произнесенному; всегда хранилъ вѣрность къ женѣ своей; она была прекрасна, благодѣтельна и добродѣтельна —

качества сіи обуздываютъ спрасши мужей. Всѣ дѣти мои, коихъ на пятидесятомъ году имѣлъ я, были здоровы, добронравны и прудолюбивы; дочери прелестнѣе были всѣхъ въ нашемъ селеніи! Каждый воскресный день онѣ собираются ко мнѣ съ мужьями и дѣтьми своими; всякой разъ восхищаюсь я разительнымъ ихъ сходствомъ со мною или съ моею Лизою; въ малюшкахъ ихъ ясно видѣнъ нашъ ошпечашокъ или живой образъ, снятый только во дни цвѣтущей нашей юности. Всѣ знаютъ мой голосъ, любятъ меня, цѣлуютъ, гладятъ мою бороду. Эша хижина наполняется братьями и сестрами: они живутъ въ согласіи и дружбѣ, всегда довольны Творцомъ своимъ, собою и цѣлымъ свѣтомъ; что на сердцѣ у нихъ, то и на языкѣ. И послѣ сего я долженъ чувствовать скуку? ... Невозможно!

Я.

Такъ, добрый старикъ! Одно

только жестокое сердце можетъ быть несчастливо! Однакожь, шеснь дней въ недѣль, когда вы одни только остаешесь, не кажутся ли нѣсколько продолжительными? О чемъ вы тогда мечтаешь въ своемъ уединеніи?

Старикъ.

О минувшихъ моихъ радостяхъ. Какъ сильно бьется сердце при воспоминаніи о какомъ нибудь добромъ дѣлѣ, тогда чувствую такую бодрость, такую живость, что кажется, подобно рѣзвой сернѣ, готовъ бы былъ лѣзть черезъ холмы и горы. — Я долженъ признаваться вамъ и въ моихъ слабостяхъ: въ продолженіи жизни я любилъ пить хорошее старое вино, чистое, безъ всякой примѣси, какъ мое сердце, — и теперь еще пью его по каплѣ для освѣженія засохшей горшани и для подкрѣпленія силъ; но никогда не упивался имъ болѣе, нежели сколько нужно для утоленія жажды, и потому можетъ быть оно и въ девяносто лѣтъ кажет-

ся мнѣ сполько же приятнымъ, какъ и при первомъ спаканѣ. Нынѣ поддержи-
ваешь оно оспальныя мои силы и всег-
да возвращаетъ мнѣ юность хотя на
короткое время, производишь скорое
волненіе въ крови и проясняешь зрѣніе.
Однакожь шеперь, кажется, настоя-
щая пора и попробовашь его? Какъ дол-
го не возвращается моя Лиза? А!... да
вошь и она! Эта лучшая изъ всѣхъ жен-
щинъ: я люблю ее сполько же, какъ и
въ первый день, когда ее узналъ и ког-
да плясалъ съ нею. Помнишь ли ны
это Лиза? Обратись мысленно за шессть-
десять лѣтъ. Помнишь ли, какъ я по-
жималъ швою руку? Какимъ ны взгля-
домъ тогда подарила меня. О! онъ про-
никъ до самаго сердца: тогда было сча-
спливѣйшее время въ моей жизни; но
оно скрылось; дни юности оспались въ
одномъ воспоминаніи! Но — упѣшься,
Лиза! скоро, скоро, по шу спорону гро-
ба, наступитъ еще счастливейшее вре-
мя; наспанетъ для насъ прекраснѣшая

весна; богатѣйшая жажва вознаградишь еще труды наши! Между тѣмъ какъ я мечшаю объ эпомъ, юношь моя, кажешся, возвращаетса и сія мечша разгоняетсѣ мракъ очей моихъ.

Я.

Теперь я понимаю. Но смерть бытъ можешъ, ожидающая насъ за дверши? ...

Старикъ.

Я не спрашусь ее: она для меня всегда приятный гостъ! Всегда помышлялъ я о шомъ, что родился смершнымъ; всякое начало имѣетъ свой конецъ.

Я.

Однакожъ можешъ ли шы оставишь безъ скорби шѣ земныя радости, шѣ земное благо, которыя сей мръ содѣлали для тебѣ небомъ?

Старикъ.

Тогда мои дѣши будутъ чувствовашъ шѣ радости, пользовашся послѣ меня шѣмъ благомъ ... И я не всегда обладалъ онымъ.

Я.

И ты спрашишься будущаго?

Старикъ.

Съ младенчества моего я боялся одного шелько Бога и — никого болѣе; защищалъ невинность по возможности; дружба, добродѣтель — прелести сей жизни были мнѣ извѣсны и я наслаждался ими. Весна моей юности ощущѣла, а за нею сокрылась и осень; я возрасталъ подобно здоровому дереву и приносилъ плоды. Зима никогда не была для меня припашнымъ временемъ года; природа казалась тогда мертвою; теперь по закону Вѣчнаго и она наспулила, и сіе брѣнное шѣло кажется мнѣ семенемъ, кошорое десницею Творца бывъ брошено въ нѣдра земли, дастъ лучшее произрашеніе тамъ, гдѣ царствуетъ вѣчная Весна!

Я.

Почтенный спарець! Въ сихъ словахъ благодарности и восхищенія чистиай согласіе мое съ твоимъ ученіемъ!

—••••—

Старикъ.

Конечно, въ цвѣшущихъ лѣтахъ моихъ я не хотѣлъ бы умереть. Мнѣ кажется, природа не дала намъ столько силъ тѣлесныхъ, сколько душевныхъ способностей и сердечныхъ ощущеній, чтобъ прежде усовершенствованія допустить ихъ увянуть. Если бы не оставилъ я по себѣ дѣшей, воспитанныхъ въ строгой добродѣтели; если бы не трудился во всю жизнь въ пользу лица моего и не переносилъ печалей и радостей, то въ посредственномъ моемъ сословіи я менѣе былъ бы полезенъ свѣту. Съ тихою радостію однакожь теперь говорю я оспавишь безбѣдственное мое существованіе, чтобъ премѣнить его на счастливѣйшее. — Не много обращался я въ свѣтъ, но всегда находилъ, что тѣ, кои сомнѣвались въ безсмертіи души, кажется, но силы въ сердцѣ своемъ доказательство, что душа наша безсмертна. Не только въ лучшемъ мірѣ награждаетъ

Богъ добрыхъ дѣла, но и здѣсь добродѣ-
шительный человѣкъ собираетъ зрѣлые
плоды благошворительности. Посмо-
трите, сударь, какую добрую женою
наградило меня Небо! Одного только
прошу я отъ благости Божіей, чтобы
миръ сей оставилъ намъ въ одно время
обоимъ. О ты безцѣнная подруга моей
жизни! Могу ли пережить я шопъ часъ,
когда сомкну глаза швои на вѣки? пере-
несешь ли и ты потерю мою и сча-
сень ли оплакивать шого, кошорый все-
гда любилъ тебя болѣе всего на свѣшъ?
Нѣшъ! смерть не будетъ шоль неспра-
ведлива и ужасна; она не разлучилъ
двухъ сущесшвъ, кошорыя въ сшран-
ствіи жизни никогда не разлучались!
Только о семъ умоляю Тебя, подашеля
всѣхъ благъ и источникъ всѣхъ мило-
стей! Да возстанушъ нѣкогда шѣла на-
ши вмѣстѣ, и да приступимъ къ суди-
лицу швоему безпрепешно. Впрочемъ,
да будетъ воля швоя!

Я.

Другъ мой! откуда происпекають
эполь высокія чувспвованія?

Старикъ.

*(бросивъ взоръ къ Небу и положи руку
на сердце, по нѣкоторомъ молтаніи).*

Отсюда онѣ происпекають; сума-
сбродными кажущся мнѣ люди, когда
превозносятся своею мудроснію. Чпо
знаешь самый ученѣйшій человекъ? Ни-
чего, или имѣешь одно шолько часпное
обо всемъ познаніе: все представляеш-
ся намъ какъ бы во мглѣ; все кажешся
намъ мечпою; однакожь я всегда искалъ
общества съ умными людьми. Сколь ча-
сно подѣ сѣмъ яворомъ, посаженнымъ
предѣ хижиною на десяпомъ году моего
возраста, сколь часпо наслаждался я
бесѣдою достойнаго нашего Священника;
сколь часпо по вечерамъ, подѣ мирною
шѣнію сего дерева, добрый владѣлецъ
земли нашей приходилъ къ намъ рассу-
дашь о мудрости, добродѣтели; приро-
дѣ и о будущей жизни. Одинъ усыпаль

цвѣтами пушь къ моему временному благополучію, другой — спезю къ вѣчному блаженству. Боже, вознаграждающій всѣхъ по милосердію своему! награди ихъ шамъ въ вѣчности, гдѣ мы ошашъ вспрѣшимся.

Я.

Добрый старикъ! какое спокойствіе, какая веселость духа, могутъ разогнать мракъ хладной могилы? Не шягошишь ли шебя разлука съ милыми дѣшми, коихъ оставляешь ты въ свѣтѣ, исполненномъ разврата и пороковъ, не озаривъ ихъ лучемъ своей мудрости и добродѣтели?

Старикъ.

Эша мысль не омрачипшь послѣднихъ минушь моей жизни. Кровь моя и кровь жены моей, шекущая въ жилахъ ихъ, ешь лучшее прошиводѣйствіе всѣмъ порокамъ. Никогда люные звѣри не порожидали агнцевъ, и рѣдко далеко падаетъ яблоко ошъ своего дерева. Они всегда любили насъ и почишали, и я надѣюсь,

что самое спольшіе не можешъ испре-
бихъ изъ памяти ихъ нашей жизни и
нашавленій: послѣднія минушы мои, ко-
ихъ всѣ они должны бышь свидѣтелями,
запечапльюшь по въ сердцахъ ихъ. Кто
взглянешъ на меня и на мою Лизу уми-
рающихъ, пошь пожелаешъ жишь шакъ,
какъ мы жили.

Я.

Однакожь, продолжишельныя мученія
на смершномъ одрѣ, спенанія, тяжелье
горесшныя вздохи, слезы одинъ
часъ шакого сосшоянія гораздо ужаснѣе
послѣдней борбш со смершю!

Старикъ. (Улыбаясь.)

Эшаго не можешъ случишься. День
моей смершш, долженъ бышь днемъ пра-
зднештва въ моемъ домѣ! Какой земле-
дѣлецъ печалинся въ день жашвы? Такъ
и я ошойду для собиранія плодовъ шру-
да моего. На вѣки сопру я пошь съ ли-
ца; буду вѣчнымъ наслаждашься спокой-
ешвиемъ; и не ужели сего спокойшвія,
сей жашвы, не хошьли бы. пожелашь мнѣ

дѣши мои, лучшіе мои друзья? Не уже-
ли, въ первой разѣ жизни и на краю
гроба захотѣли бы они оскорбить меня
своею гордоснію? Справѣдливѣе изъяс-
лять сожалѣніе о человѣкѣ при первомъ
взглядѣ его на свѣшъ, когда еще никто
не увѣренъ, принесетъ ли онъ суще-
ствованіемъ своимъ какую нибудь поль-
зу. Кто не жилъ, но жизнь свою вла-
чилъ подобно дѣшамъ; кто не былъ по-
лезенъ свѣшу, на могилахъ пѣхъ ро-
стетъ кипарисъ; розы и миршы будущъ
цвѣсші на моей могилѣ! —

Я

(обнимая Старика со слезами.)

Благодарю, спокрашно благодарю
тебя, благороднѣйшій человѣкѣ! Какъ
скоро объяснилъ ты мнѣ самую пруд-
нѣйшую науку, науку — умереть?

Старикъ.

Что есть смерть? прешашъ жизнь;
и это называеше вы наукою? Развѣ она
пруднѣе, непоняшнѣе науки жизнь? По-
вѣрьше мнѣ, (взявъ меня за руку) по-

вѣрше старцу приближающемуся ко гробу, старцу, который опытами знаешь, что кто вѣренъ былъ законамъ природы и добродѣтели, тошъ умираешъ всегда спокойно!

Такъ говорилъ сей Неспоръ, и его понятіе ничѣмъ непомраченное, разумъ, черпты лица, изображающія веселіе, подобны были вечерней зарѣ прекраснѣйшаго лѣшняго дня. Величественный видъ его придавалъ удивительную живость и привлекательность его выраженію. Жена его сидѣла подлѣ насъ: въ ея очахъ блискали сердечныя чувствованія, на лицѣ изображались невинность и добродѣтель; въ морщинахъ чела ея скрывались не уныніе и сграданія, но мудрость и размышленіе. — Все казалось несомнѣннымъ знакомъ постояннаго спокойствія. Послѣ столь приятныхъ минутъ въ моей жизни, я оставилъ сихъ почтенныхъ людей съ незабвеннымъ воспоминаніемъ о мирной хижинѣ, въ которой узналъ я истинную Философію,

основанную на законахъ природы и добродѣтели. — Буря утихла, небо прояснилось, во всей странѣ царствовало спокойствіе, какъ и въ моемъ сердцѣ.

Возвращаясь домой, я поспѣшь приступилъ къ описанію сей встрѣчи. Слезы капались изъ глазъ, рука дрожала и перо едва повиновалось моимъ чувствованіямъ. Съ какимъ неперпѣніемъ, съ какимъ неизъяснимымъ желаніемъ спѣшилъ я изобразить хотя слабую пѣнь того впечатлѣнія, которое сія незабвенная прогулка сдѣлала на меня. Счастливъ тотъ, кто заблуждался въ свѣтѣ, подобно мнѣ, для того, чтобы съ новою опытносною, съ новыми познаніями возвратиться на стезю спиранической нашей жизни.

Съ Нѣм. Ан. Дуроль.

Х А Р А К Т Е Р Ъ

Ф Р А Н Ц У З О В Ъ И А Н Г Л И Ч А Н Ъ .

Свойства Поэзии обоихъ народовъ (Tableau des Revolutions du système politique de l'Europe).

Въ грозную эпоху, когда Англія, прошивоборствую деспотизму Франціи, испоргала изъ властоплюбивыхъ рукъ ея скипетръ Европы и поражала гордоснѣ Людовика XIV въ славныхъ битвахъ (при Гохшешѣ, Рамиліи и Мальплаке) за злоупотребленіе его власти, она оспаривала у Франціи вѣнецъ дарованій, по ея примѣру восходила на высокую степень образованія, и соревновала ей на поприщѣ Словесности: соперничество крошкое, мирное, знаменитое для обоихъ народовъ и благошворное для че-

ловѣчества. Въ то время, когда геній творилъ во Франці блестящія произведенія, или познавалъ и объяснялъ тайны природы, — въ Англии онъ занимался тѣми же предметами, оказывалъ одинакія усилія и приобреталъ равныя успѣхи; но въ каждой странѣ онъ шелъ различными путями, произведеніямъ своимъ далъ особенный характеръ, и одинъ не занялъ ничего у другаго.

Поспараемся объяснить сію удивительную странность. Извѣстно, что Англичане, находясь въ сосѣдствѣ съ Европою, обращаясь со всѣми народами земнаго шара, до сего времени своими качествами особенными и по истинѣ единственными, такъ сказать, отчуждены отъ цѣлаго міра. Нѣтъ ничего противоположнаго, какъ народный характеръ Французовъ и Англичанъ, хотя они отдѣлены другъ отъ друга однимъ только узкимъ проливомъ моря. Взаимное обращеніе обоихъ народовъ одного къ другому, происшедшее отъ сей про-

пивоположности сполько же, какъ опъ еспешственной ихъ вражды между собою, усилило разность ихъ характеровъ, нравовъ и обыкновеній. Природа одарила Француза чувствительностію нѣжною, копорую весьма легко попрыаси, и копорая поражается всѣмъ на свѣтѣ; Англичанину она дала чувствительность глубокую, копорую сполько же прудно распрогашь, какъ и успокоишь, она получаешь менѣ впечатлѣній, но сохраняетъ ихъ гораздо долѣ. Воображеніе Француза живо, оно шворилтъ быспро, и во мгновение представляеть множество понятій; воображеніе Англичанина оильно, оно созидаешь не споль скоро, не спремилтъя безпреспанно опъ одной каршины къ другой, но за то одинъ предметъ его занимаешь болѣ, возбуждаешь всю его дѣятельность и усиліе, за то оно живописуешь все чертами яркими и сильными. Французъ объемлеть вдругъ множество отношеній, умъ его постигаетъ мысли другихъ и изобрѣшаетъ

самъ съ легкостію; Англичананъ, менѣе развлеченный обиліемъ понятій, изслѣдываетъ одну мысль съ большимъ постоянствомъ и напряженіемъ, и поному онъ гораздо способнѣе восходитъ до первыя ея началъ, и дѣлится ея до самыхъ отдаленныхъ послѣдствій. Французъ по своей природѣ, весель, игривъ, въпренъ; Англичанинъ важенъ, разсудителенъ, задумчивъ, даже мраченъ; первый имѣетъ непрерывную нужду въ обществѣ и живетъ болѣе съ людьми, нежели съ природою; второй ищетъ уединенія и бесѣду съ природою предпочитаетъ обществу людей. Первый желаетъ нравиться и занимать собою другихъ, и если бы онъ не имѣлъ врожденной доброты, то одно желаніе сіе содѣлало бы его предупреждающимъ, услужливымъ, вѣжливымъ; второй не заботится блистать въ свѣтѣ, и довольный самимъ собою, кажется забываетъ цѣлый міръ. Франція, находясь въ сосѣдствѣ съ другими образованными народами и обращаясь съ ни-

ни непреспанно должна по необходимости имѣть нравы кропкіе, привычки не столь спранныя, болѣе расположенія принимаешь обычаи другихъ или сообщашь имъ свои собшвенные; напрошивъ того Оспровишяне, сходные всегда сами съ собою, весьма наклонны спавншь себя выше всѣхъ другихъ народовъ, и почиая себя ошдѣльнымъ міромъ, не долженспвующимъ подражать другимъ, они слѣдуютъ, кажешя, влеченію одной природы. Вообще во Франціи народный духъ составленъ изъ прекраснаго смѣшенія оспроумія, разсудка, воображенія, чувсшва и предспавляешъ счасливое равновѣсіе всѣхъ способносшей. Въ Англии гораздо чаще владычешвуешъ одно качество, одна способность берешъ рѣшишельный перевѣсъ; гораздо чаще находимъ пламенное воображеніе и кипящую чувсшвишельность, не всегда освѣщаемыя размышлениемъ и руководимыя вкусомъ, или же умъ глубокомысленный и слѣпмый, но хладный, суровый, обна-

женный опъ всѣхъ прелестней воображенія и чувства. Сии качества народнаго духа и характера производящъ безъ сомнѣннн опъ мѣстныхъ обстоятельствъ обоихъ народовъ, но можешъ быть еще болѣе онѣ зависящъ опъ различнаго ихъ произхожденія, опъ важныхъ происшествій съ ними случившихся, опъ ихъ гражданскихъ поощановленій и образа жизни частной. Онѣ должны быть объяснены въ исторіи Словесности обоихъ народовъ: ибо онѣ напечатлѣваюцца и живутъ въ ихъ твореніяхъ, дающъ имъ особенный видъ, изъясняющъ намъ ихъ недоспашки и красоны, и образуящъ вкусъ народный. — Словесность каждаго народа есть характеръ его и духъ, въ высокой степени обработанные, очищенные, возвышенные до идеальнаго совершенства въ опличныхъ его произведеніяхъ.

У Французовъ Поэзія живетъ нѣкоторымъ образомъ въ условномъ мірѣ; они изображающъ природу, но природу усо-

верщенствованную, каковою должно ее предсавить, дабы удовлетворить въ-снѣ воображенію и разсудку людей образованныхъ обществомъ, природу въ отличнѣйшихъ ея произведеніяхъ, подчиненную правиламъ, огражденную законами измѣренной стройности, не произвольными, но иногда кажущимися шаковыми, законами, основанными на естествѣ души человѣческой, но съ перваго взгляда имѣющими видъ условныхъ. Напротивъ Поэзія Англійская не переносится въ сферу идеальнаго совершенства, въ которой предметы, чувствованія, спраши, все имѣетъ правильнѣйшій видъ; она обихаетъ въ міръ вещественномъ и живописуетъ природу, такъ какъ она есть, со всѣми ея противоположностями, несовершенствами и несообразностями, въ минуты, когда она творитъ изящнѣйшія произведенія, и когда повинуетъ другимъ законамъ и спремясь къ другой цѣли, она кажется небрежною и какъ бы забывающею соб-

свенное свое достоинство. Подвергая все строгому выбору, Англичанинъ боится утратить много со стороны богатства изображеній и разнообразія предметовъ; безпорядокъ и неровности природы, имѣющъ сходство съ его гениемъ свободнымъ и независимымъ; и отвергнувъ способъ выраженія рѣчи, характеры, частныя изображенія, по мнѣнію Французовъ неблагородныя, онъ подумалъ бы, что сіе значить уснано-влять нѣкоторой родъ почетнаго оплечія въ понятіяхъ и чувствованіяхъ, и налагать на свой разумъ узы рабства.

Отсюда происходитъ другое различіе во вкусъ обоихъ народовъ; одинъ чувствительнѣе къ прекрасному, другой болѣе поражается высокимъ. Французъ красоту всего шворенія предпочитаетъ силѣ изображеній, Англійскій поэтъ напрошивъ того охотнѣе пожертвуетъ правильностію цѣлаго яркости его картинъ; онъ говоритъ къ народу

требующему глубокихъ чувствованій, сильныхъ, поразительныхъ изображеній, впечатлѣній, потрясающихъ душу, и раздѣляешь съ нимъ его потребности и наслажденія; онъ будетъ разинеленъ, но не всегда сохранитъ соразмѣрность; порывы воображенія ему кажутся знакомъ силы, приличный выборъ мыслей и выраженій признакомъ слабости, и пораженный нѣкошорыми чертами мужественными и смѣлыми, онъ проспнитъ всѣ недоспашки, или даже и не замѣнитъ ихъ. Французъ, говоря народу, одаренному нѣжною чувствительностію, произведешь споль же живыя впечатлѣнія, но средствами менѣ насильственными. Онъ огорчилъ бы своихъ слушателей, потрясъ бы ихъ душу и расперзалъ сердце, еслибъ осмѣлился оныя употребить. Сей народъ, любящій соразмѣрность согласія, одаренный сужденіемъ быспрымъ и вѣрнымъ, легко посшигаетъ отношенія частей къ цѣлому, и хочеть, чтобы разсудокъ его услаждался красошою

спройности памь, гдѣ воображеніе плѣняется разнообразіемъ и обиліемъ предметовъ; онъ иребуееть силы, но хочешь, чшобы она была благоразумно различна во всемъ швореніи, чшобы всѣ его способности наслаждались равномѣрно и ниодна изъ нихъ не оспавалась праздною, между шѣмъ, какъ другая упомянута и поражена множесшвомъ предметовъ, на нее дѣйспвующихъ. Высокія изображенія, мысли, чувспвованія его восхищають, но онѣ не доспавляютъ ему полнаго удовольспвія, и онъ никогда не просниеть силъ, кошорая онъ времени до времени, удивляя смѣлоспію и величіемъ, огорчинъ вкусъ его къ изящному несообразносшію, чрезмѣрнымъ увеличеніемъ, невѣрносшію и грубосшію изображеній.

Наконецъ есть еще одно существенное различіе между Поэзією Англійскою и Французскою, кошорое болѣе всѣхъ прочихъ зависинъ, кажется, отъ характера и духа народнаго. Вооб-

Ч. III. Кн. 3.

раженіе Англійскихъ поэтовъ любилъ одѣвашъ въ образы понятія общія, предлагашъ повсюду отвлеченныя правила, живописуя и украшая оныя. Такимъ образомъ драматическіе стихотворцы нерѣдко влагаюшъ въ уста своихъ героевъ разсужденія нравственныя, политическія, философскія, и ихъ слушаюшъ всегда съ восхищеніемъ, не взирая на малое число мыслей сильныхъ и глубокихъ. Въ Поэзіи описательной знаменитые ихъ Стихотворцы не олицетворяюшъ никогда предметовъ вещественной природы, подобно Грекамъ и Римлянамъ, но они спараюшся изображать ее, представляя шъ понятія, кои она возбуждаетъ, приводя размышленія, кои она внушаетъ, и выражая вѣрно расположеніе духа, въ кое она приводитъ своего созерцателя. Сей родъ изображенія для нѣкоторыхъ имѣетъ неизреченныя прелести, но онъ не можетъ нравиться всѣмъ вообще. вмѣсто того, чшобъ все отвлекать и приводить въ общія поня-

лія, Поэзія должна дати всему особенное шило и образъ. Трудно рѣшишь, кошорый народъ превосходить одинъ другаго; но весьма легко показашь, кошорый произвелъ болѣе швореній, изьясныхъ ошъ погрѣшностей. Должно опдати справедливосшь шворческимъ дарованіямъ поэшовъ Англійскихъ, даже при всемъ недоспашкѣ ихъ вкуса; но невозможно также оприцашь, чшобы знаменитые спихошворцы Французскіе были лишены генія, поелику они имѣли несчасшіе, цовиновашься всегда законамъ истиннаго вкуса.

Послѣднее опличительное свойство Англійской Поэзіи происходитъ ошъ ума швердаго, глубокомысленнаго, философскаго, и сіе душевное качество было причиною великихъ успѣховъ ихъ въ наукахъ ещеспвенныхъ и въ Философіи нравсшвенной. Живя болшею часшю сами съ собою и съ природою, они имѣють довольно времени замѣчашь произсшвія, изслѣдывашь ихъ причины, сдѣ-

ласть надъ ними наблюденія и опыны. Способны къ постоянному вниманію и къ великому напряженію силъ душевныхъ, они занимаются долго однимъ предметомъ, изслѣдываютъ глубоко одну мысль, разсмащриваютъ ихъ со всѣхъ сторонъ и обнимаютъ всѣ связи ихъ, всѣ отношенія близкія и отдаленныя. Спокойствіе и холодность разсудка предохраняетъ ихъ болѣе всѣхъ другихъ народовъ, отъ поспѣшныхъ умозаключеній, отъ несообразныхъ увеличиваній, отъ неистовства созидать химерныя системы. Философія ихъ носитъ на себѣ отпечатокъ характера народнаго и столько же оплична отъ Философіи Французовъ, какъ и отъ Философіи Германцевъ, съ коими они имѣютъ весьма великое сходство. Она гораздо глубокомысленнѣе, хотя не столько блистательна, какъ Французская, и болѣе основана на дѣяніяхъ, благоразумнѣе, скромнѣе, нежели Германская. Лучшія ихъ произведенія не предсавляютъ ни

остроумныхъ соображеній, ни блестящихъ мыслей, ни разительныхъ умозаключеній Малекбранша, Ла Брюера, Паскаля, ни счастливаго искусства излагать отвлеченныя разсужденія почто и приятно, и украшанъ высокія истины цвѣтами воображенія; но зато въ ихъ твореніяхъ ходъ понятій гораздо правильнѣе, основательнѣе, шверже: они освѣщаютъ свой предметъ со всѣхъ сторонъ, не довольствуясь показанъ только нѣкошорыя его часпи. Они желаютъ болѣе научить, нежели блистать и удивлять: одна только истина занимаетъ ихъ. Они не помышляютъ о томъ дѣйствіи, какое она произведетъ, не спараятся доставить ей успѣхи прелестію краснорѣчія, и пребываютъ отъ самихъ себя одной почтою и ясностію въ ея изложеніи.

Съ Француз. пер. А. Г.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОСКАРЪ и ДЕРМИДЪ.

Подражаніе Оссіану.

Почто, сынъ Альпина, почто опшверзаешь,
Источникъ рыданій моихъ?
О смерти Оскара почто вопрошаешь,
Разцвѣтшаго къ жизни на мигъ?
Мнѣ время главу сѣдинами покрыло,
Попухнули очи отъ слезъ;
Но сердце несчастья сего не забыло,
Свирѣпаго гнѣва небесъ!
Оскаръ! не сойдешь съ облаковъ опдаленныхъ,
Чтобъ слезы опца очерешь!
Внучаннаго славой, въ dospѣхахъ военныхъ,
Тебя мнѣ ужъ болѣ не зрѣшь!

Ты скрылся опъ взоровъ, какъ солнце злашее,
 Въ часъ полдня объятое мглой;
 Ты скрылся, какъ въ пучахъ мерцанье ночное,
 Пропекшее быстрой стрѣлой!
 Одинъ я оставленъ судьбою жестокой!
 Такъ дубъ средь могильныхъ холмовъ
 Склонившись уныло, стоить одинокой
 Безъ вѣшвй, безъ юныхъ листовъ.
 Опырады не вижу я въ жизни сей слезной;
 Скорѣе, желанная смерть!
 Чшо въ мръ печальномъ? Оскаръ мой лю-
 безной,
 Тебя мнѣ ужъ болѣ не зрѣшь!

Герой въ бурь брани не такъ исчезаешь,
 Какъ быліе нашихъ полей:
 Въ крови сопоспашъ онъ свой мечъ обагрѣшь
 Подъ блескомъ ихъ грозныхъ мечей;
 Орлинымъ полешомъ парипъ межъ полками,
 Съ перунами смерти въ рукахъ,
 И падши, сраженный пропивныхъ стрѣлами,
 Онъ гибнешъ на вражбихъ пѣлахъ.
 Но сынъ мой! не палъ ты во брани со сла-
 вой,
 Дни вѣрнаго друга пресѣкъ,
 И другъ неразлучный, спезею кровавой
 Тебя за собою повлекъ!

Оскаръ и Дермидъ украшеніемъ были
 Героевъ Морвенской спраны,
 И нѣжное дружество въ сердца хранили
 Среди ужасовъ грозной войны.
 Подобно двумъ камнямъ, лепящимъ съ вер-
 шины
 Арвена, покрышаго мхомъ,
 Они успремлялись на вражи дружины —
 И все повергали кругомъ.
 При видѣ ихъ, сильныя въ страхѣ дрожали,
 Предчувствуя смершнй ударъ.
 „Спасайшесь, о други!“ — они восклицали,
 „Предъ нами Дермидъ и Оскаръ!“

Они поразили, опмщенъемъ пылая,
 И Дарга, могущихъ Царя!
 Дочь грознаго Дарга Мальвина младая
 Прекрасна была, какъ заря;
 Скромна, какъ свѣшило спыдливое ночи,
 Низведшее взоръ въ океанъ,
 И крошко сіяли прелесшныя очи,
 Какъ звѣзды сквозь легкой шуманъ;
 А грудь волновалася шихимъ дыханъемъ,
 Какъ снѣгъ, низлешѣвшій съ небесъ,
 Колеблемый нѣжнымъ Зефира лобзанъемъ
 На вѣшвіяхъ зыбкихъ дровесъ.

Герои узрѣли ее — и плѣнились;

Повергли оружье предъ ней

И плѣнницѣ робкой они покорились,

Забывъ о побѣдѣ своей.

Мальвина въ невинной груди ощущала

Дополъ безвѣстный ей жаръ;

Взглянула — и пламеннымъ взоромъ сказала;

Чшо миль ея сердцу Оскаръ!

Сколь все ей въ Оскарѣ казалось прекрасно:

И юныя розы ланишь,

И рѣчи, какъ арфы игра сладкогласной,

И мечъ его бранный и щипъ.

Власы изъ подъ шлема его развѣвались,

Какъ чернаго врана крылъ;

Съ любовію слава и дружба сливались

На свѣпломъ Героя челѣ.

Улыбкою, взглядомъ, присушпвіемъ ми-
лой

Предъ нимъ озарень цѣлый свѣпъ;

Для друга его все мертво и уныло,

Надежды и радости нѣтъ!

„О другъ мой! я Даргову дщерь обожаю,

Оскарѣ вѣщаешь Дермидъ;

„Ты любишь ее, шы любимъ; я спрадаю:

„Чшожь горещь мою исцѣлишь?

„Гдѣ счастье найду, изнуренный поскою?...

„Одна мнѣ опрада — пвой мечь!

„Оскаръ! удостой пы своею рукою

„Печальную жизнь мнѣ пресѣчь!“ —

Оскару ли кровью пвоей обогришься

И друга во гробъ низвести? —

„Кшо жь смѣешь съ Оскаровымъ другомъ
сразиться,

„И смертный ударъ нанесши? —

„Я съ честию паду, побѣжденный побоею,

„Съ весельемъ явлюсь въ облакахъ,

„И если почтѣшь пы Дермида слезою,

„То слава освѣпитъ мой прахъ!“ —

Къ чему пы меня преклоняешь, несчастной?

Я долженъ шебя умершвишь!

Но послѣ могу ли владѣшь я прекрасной,

Могу ли безъ друга я жить?

Какъ ночью съ пуши совратившійся стран-
никъ,

Я буду блуждать средь могиль;

А пы — и въ небесной опчизнѣ изгнанникъ,

Безъ друга все будешь уныль!

Нѣшь! вмѣстѣ мы кончимъ сердечныя муки

Со славой опъ нашихъ мечей!

Пойдемъ и погибнемъ! Не будешь разлуки

И въ гробъ для нѣжныхъ друзей.

Герои въ долинѣ мечи обнажаютъ,
 Доспѣхъ ихъ булатный гремитъ;
 Стремятся, опшодяшъ, разяшъ, оппра-
 жаютъ —

И палъ злополучный Дермидъ!
 Вошще побѣдителъ лобзаньемъ, слезою
 Мнишъ къ жизни Дермида воззвашъ,
 И рану сжимаешь дрожащей рукою,
 Чшобъ крови пошокъ удержиашъ;
 Дермидъ угасаетъ съ улыбкою ясной!
 Въ опчаянни спонешъ Оскаръ;
 Склоняся главою надъ жершвой несчастной;
 Ужъ поздно клянешъ свой ударъ!

Для взоровъ его золошая денница
 Покрылась шуманомъ гущымъ;
 Все въ мѣрѣ вѣщаетъ ему: шы убійца!
 И всюду Дермидъ передъ нимъ!
 То бурей одвѣнъ, перуны опмщенья
 И пламенникъ гнѣва несешъ;
 То нѣжной улыбкой, лучемъ примиренья
 Въ чершogi воздушны зовешъ.
 Трепещешъ Оскаръ и въ безлюдной пущынѣ
 Блуждаетъ, какъ призракъ ночной.
 Съ раскаянемъ въ сердцѣ предспаль онъ къ
 Мальвинѣ
 И съ мрачной во взорѣ поской,

Блѣднѣя отъ страха, она вопрошаетъ:

„Почто столь печаленъ, мой другъ?“ —

На ловлѣ и въ битвахъ, Оскаръ охвѣ-
чаетъ,

Былъ прежде ужасенъ мой лукъ,
И стрѣлы мои пролетали дубравы
Быстрѣ небесныхъ огней;
Но нынѣ запымились дни юные славы:

Нѣтъ силы во длани моей!

Напрасно старался пронзить я стрѣлою
На древъ повѣшенный щитъ;
Упорствуешь лукъ передъ слабой рукою
И къ цѣли стрѣла не летишь! —

„Позволишь ли мнѣ испытать свои силы,
Могу ли я лукомъ владѣть? —

Веди меня къ цѣли! ты будешь, мой ми-
лый,

Предъ слабою дѣвой краснѣть!“

Съ колчаномъ и лукомъ пришли на долину,
Гдѣ все улыбалось кругомъ.

Оскаръ непримѣнно оставя Мальвину,
Сокрылся въ кустахъ за щитомъ.

Звенишь шепива — и стрѣла засвисѣла,
И щитъ раздробленный упалъ!

Съ веселиемъ къ другу Мальвина лешела,
Но онъ ужъ пронзенный лежалъ.

Увидя ее, онъ при дверяхъ кончины.

Съ улыбкою ей говоритъ:

„Мнѣ смерть не ужасна! рукою Мальвины

„Опмщенъ мой любезный Дермидъ!

„На этой долинь поверженъ онъ мною:

„Предай ты насъ вмѣстѣ землѣ!“...

Сказавъ — и ко праху покиннулъ главою,

И смерть разлилась на челѣ!

Такъ палъ мой Оскаръ — и уже не возста-
нешь!

Погасла надежда моя!

Кшо нѣжно на спарца несчастнаго взгля-
нешь?

Кшо въ землю положишь меня?....

Прелеспная сморипшь, дрожипшь, цепенѣешь:

Нѣшь друга — нѣшь счастья для ней!

Для ней все погибло! и солнце блѣднѣешь,

И скрылась земля опъ очей!

Извлекши стрѣлу, она грудь поражаетъ,

Вослѣдъ за любезнымъ лешипъ! —

Несчастливыхъ могила одна заключаешь,

И древо надъ нею шумипшь!

Надъ мрачной гробницею выпазей сильныхъ

Покоишься робкая лань;

И шочишь желѣзо на камняхъ могильныхъ

Воишель, гошоваясь на брань.

На гробъ несчастныхъ, возсѣдши съ поскою,
Я слезы сердечныя лью.

Склоняюся милая шѣни надъ мною,
Въ воздушномъ блуждая краю.

Я, мнишся, ихъ вижу черпы незабвенны,
Я внемлю призывный ихъ гласъ.

Ошвѣтшувуйше: скоро ли, шѣни священны,
Наспунитъ послѣдній мой часъ?

На васъ язираю съ нѣмымъ ожиданьемъ,
За вами душею несусь:

Когдажъ я разстануся съ жизнью, съ спра-
даньемъ,

И скоро ль я къ вамъ преселюсь?....

А. Крыловъ:

НА СМЕРТЬ Г

Il veut le souvenir de ceux qu'il a chéris.

Его ужь для сердець осиропѣвшихъ нѣтъ
Едва свяшая спрась загла свѣшльнигъ
брачный ,
Едва произнесла супружескій обѣтъ ,
Какъ миршъ любви упалъ подъ кипарисы
мрачны ! . . .

Судебъ таинственныхъ незыблемый за-
конъ ! . .

Прискорбіе друзей вошце о немъ молило ; —
Супруги юной плачь , сиропъ невинныхъ
спонъ :

Угрюмой парки серпъ ничпо не ошклоило ! . . .

Ты лавры пожиналъ въ безчисленныхъ
 бояхъ,
 Щипомъ благой судьбы опъ гибели хранимый,
 И славы пущь скончавъ, мечпалъ пы, по
 трудахъ,
 Спокойно опдохнулъ подъ сѣнію родимой...

И дней твоихъ пошокъ не возмущень
 грозой,
 Волною свѣплюю опрадно разсипался —
 Но долго ль? ... Возшумѣлъ гласъ бури ро-
 ковой
 И смерти черныи прахъ съ кристалломъ водъ
 смѣшался!...

На быспрыхъ крыліяхъ блаженства дни
 лепяшь!...
 Давноль, Супругъ - Ощецъ, пы взоръ подруги
 милой
 Давиль воспорженный, въ кругу любезныхъ
 чадъ?
 Давно ль? ... И нѣшь тебя! пы ранней
 скрпшь могилой!

Давно ли горешнымъ спрадальцамъ жизни сей,

Рукой незримою пы лиль благошворенья? —
 Давно ли пы вдовиць и сирыхъ машерей,
 Ушвщенныхъ шобой, внималь благословенья?...

Увы! Онъ шеперь на гробъ швой ихъ не-
 сущь!
 О другъ незримый ихъ! И жизни за пре-
 дѣломъ
 Объшами сердцеъ онъ шебя найдушъ.
 Благошворишеля — и шамъ вѣнецъ удѣ-
 ломъ!...

Но ахъ! шебя уже ничшо не замѣнишь
 Подругъ дней швоихъ, снѣдаемой поскою,
 И первой спрасши жаръ ничшо не воспа-
 лишь.
 Въ душъ лешящей въ мѣрь безвѣспный за
 шобою...;

Вошце блестящую слезу въ ея очахъ
 Спремисья осушишь зависшливое время.
 Ч. III. Кн. 3. 23

Ты спутникомъ живымъ во всѣхъ ея меч-
тахъ :

Тобой — печальная подъемлешь жизни бремя!...

Младенцы сирые — залогъ любви свя-
шой —

Подобіемъ своимъ, бышь можешь, оживаясь;
Бышь можешь, въ нихъ блеснешь и милый
образъ твой,

И крошкѣй даръ: душой прелестной наслаж-
даешься.

Бышь можешь, — но себя для мащери
ужь нѣшь!...

Нѣшь — для поскобленной супруги невозвра-
тно!...

О, спроси пламенной оппорженнѣй пред-
метъ!

Когда званіе къ тебѣ — за гробомъ внашню!

Когда супруги гласъ, дѣшей твоихъ, род-
ныхъ,

И горестныхъ друзей — еще тебѣ любезны:

Склонись съ улыбкою на доль съ зибей свя-
ныхъ,

Гдѣ праху швоему приносяшь жершвы слез-
ны!...

Ударишь и для нихъ разлуки вѣчной
часъ!...

Но въ немъ — шаншвенно сокрышо сьеди-
ненье,

И если жаръ къ тебѣ и здѣсь въ нихъ не
угасъ:

Ошшедшій другъ ихъ! шамъ безвѣшно
измѣненье!

А. М. ой.

ПРИЗЫВАНІЕ ЛИЛЫ.

О ты, которую люблю
И въ сердцѣ лишь одну имѣю;
Но пламенную спрась мою
Досель еще открышь не смѣю; —
Приди, о другъ души моей,
Моя Лилеша дорогая!
Приди подъ тѣнь дубравы сей!
Здѣсь ждетъ тебя любовь святая;
Ты здѣсь ея услышишь гласъ,
Узнаешь пайну шу священну,
Что въ сердцѣ спраспномъ сокровенну
Ношу съ собою всякой часъ.
Приди, о Лиля дорогая!

→•••←

Приди ко мнѣ въ зеленый садъ:
 Въ немъ для тебя цвѣтшы алѣютъ,
 Въ немъ сочный, сладкій виноградъ,
 И яблоки наливны зрѣютъ;
 Въ немъ приглашашъ тебя подъ тѣнь
 Спокошній дубъ и клень вѣшвисшій;
 Прохлада въ ясный жаркій день;
 Спруишся шамъ ручей сребрисшій;
 И зелень мягкая, какъ пухъ,
 Лежишъ по берегу пеленою;
 Придижъ сюда, мой другъ; побою
 Украсишся зеленый лугъ. —

Приди, о Лила дорогая!

Приди вечернею порой,
 При шихомъ мѣсяца мерцаньи,
 Приди съ ночью темной,
 Въ часъ сладкаго душѣ свиданья!
 Приди скорѣй подъ мой шы кровь:
 Да вкусимъ вѣрности награду,
 Познаемъ нѣжную любовь —
 Сей жизни горестной усладу;

Да встрѣпимъ солнца мнѣ восходъ

И упря первое явленье

Среди приашна усыплеца,

Въ забвеннѣ горестей, забота.

Приди, о Дила дорогая!

Съ Нѣмецк. Ал. Дуревъ.

ЭПИТАФІЯ

В. А. ОЗЕРОВУ.

Здѣсь Озерова прахъ - скрылъ камень гробовой.

О зависть! не дерзай за нимъ въ обищель
- шльнѣя;

Иль шрепещи: Фингаль, Агамемнонъ, Донской
Возстанушь для опмщенѣя.

А. Крыловъ.

КЪ СНИГИРЮ.

Красногрудой другъ мой милой!
Опъ чего пы все груспишь,
Ноешь въ пѣсенкѣ унылой,
Иль насупившись сидишь?
Въ бѣдной хижинѣ смиренной
Ты не плѣнникъ заключенной,
Ты хозяинъ какъ и я!
Тѣсной кѣшки — пы не знаешь,
Гдѣ задумаль, шамъ поржаешь,
Всѣмъ мила здѣсь пѣснь швоя.

Не тебѣль плачу я даня
Всѣмъ, что любишь ѣшь и пишь? —
И за шо у насъ нѣшь брани,
Если вздумаешь шалишь,

И вспорхнувъ опъ сна съ зарёю,
 Раннею кружась порою,
 Сядешь прямо на меня:
 Въ волосахъ моихъ играешь,
 Ръзво носикомъ шелкаешь,
 Сладкй сонъ опъ глазъ гоня. —

Чуть осердишься собираюсь,
 Ты вспорхнулъ — и былъ шаковъ!
 Вдругъ запълъ — я улыбаюсь,
 Ты прощенъ! — здѣсь нѣтъ силковъ:
 Здѣсь жероль цвѣшешъ душиста,
 И вода въ фарфоръ чиста,
 Здѣсь на солнцѣ, предъ окномъ
 Ты купаешься привольно
 И напѣшившись довольно,
 Брызжешь свѣплымъ вокругъ дождёмъ.

Опъ чегожъ шакъ часто, милой,
 Грудью бьешся пы въ стекло?
 вмѣсто пѣсенъ — крикъ унылой?
 Опъ чего? — Здѣсь шакъ шепло!.....

Въ гости просишься къ свободѣ!
 Полно! взглянь: во всей природѣ
 Скука — жизни искры нѣтъ!
 Спужа, вьюги, бури онѣжны....
 Здѣсь съ побой всѣ дружны, нѣжны....
 Здѣсь покой, тепло и свѣтъ!

Ахъ! а шамо яспребъ люпой
 Бѣдныхъ ппичекъ шакъ и ждепъ;
 Изъ засадъ, злодѣй, минушой
 Налешипъ и заклюешъ!
 Ты погибъ! — „Мнѣ все извѣстно,
 Говоришь ты; — но гдѣ пѣсно,
 Тамъ свободы нѣтъ свяшой!
 Ппичкамъ спражъ — ихъ машъ природа:
 Всѣ кричашъ мнѣ, чпо свобода
 Лучше кляпки золошой!“ —

Правъ ты, правъ, о сынъ природы!
 Вольнымъ всюду жизнь сладка:
 Гдѣ не свѣтишь лучъ свободы,
 Хлѣбъ посылъ шамъ, — соль горька! —

Что сказалъ ты, самъ я по те

Гордому скажу вельможѣ:

Не пѣняюсь я мечшой,

Бышь свободнымъ, въ бѣдной ханѣ

Лучше, чѣмъ въ большой палатѣ

Жишь, — какъ въ кашкѣ золотой! —

Федоръ Глинка.

П Ъ С Н Я.

Вы малюпочки, мѣлки ппашечки,
Вы слепайшеса во зеленой садъ,
Собирайшеса на ракишовъ кустъ,
Разгоните грусть сладкой пѣсенкой;
Вы напомните весну красную,
Какъ съ малиновкой соловей пѣвалъ;
Вы напомните счастье прежнее,
Счастье крапкое со милымъ дружкой! —
Что померкло ны солнце красное?
Что желшѣешь ны мурава шрава?
Гдѣ дѣвался ны цвѣтъ лазоревый?
Гдѣ дѣвалося время радости? —
Солнце красное скрылось шучами,
Мураву желшишь непогодушка;
А съ разлукою миновалося
Время радости, время счастья:

Съ милымъ счастье въ споронѣ чужой
 Милый въ смертный бой, на войну пошелъ.
 Буйный въшрь шумишь во сыромъ бору ;
 Во чистомъ полѣ воронъ каркаешь ;
 Мнѣ бѣдой грозишь сердце вѣщее :
 Знашь, что милый другъ не воропишься ;
 Знашь мнѣ рокъ судилъ одиночество,
 Въ одиночествѣ сердце выплакашь.
 Ахъ! замолкнише мѣлки пшашечки:
 Нѣтъ, не такъ пѣвалъ соловей весной!
 Вашей помною, шихой пѣсенкой
 Сердце клонишься пуще къ горести.

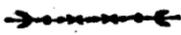
Ми — ло Со — нь.

ВОЛЧЬЯ КЛЯТВА.

Баснь.

Волкъ по полю шапался, да шапался,
Да какъ-шо въ западню попался
И всѣмъ, что свяшо ешь, предъ мужикомъ
Онъ клялся,
Что впредь ужъ ни кускомъ
Скромнаго не поживишь,
Когдабъ изъ западни ему освободишь;
Что только лишь правой,
Да рыбою одной
И будешь онъ кормишься.
Мужикъ недалновиденъ былъ,
Проспаго толка,
Божбѣ повѣрилъ волка

И плушу западню раскрыль ;
 А шопъ шаковъ и былъ,
 Какимъ бышь обѣщался!

И двадцати шаговъ онъ сдѣлашь не успѣлъ,
 Какъ шупъ же искусиль поспрѣль! —
 Нечаянно съ свиньей въ болошѣ повспрѣ-
 чался:

„Вѣдь эшопъ звѣрь

„Въ водѣ шеперь,

„А что въ водѣ, по рыбою зовешся,

Волкъ самъ съ собою разсуждалъ,

И взорами ее за раньше пожиралъ :

„То шупъ грѣха не приведешся

„И не нарушишся обѣшь ничѣмъ,

„Когда я эшу рыбу съѣмъ.“ —

Сказалъ и ухвалилъ свинью за шею.

Не должно довѣряшь злодѣю.

Ал. Дуроль.

ТОСКА ПО МИЛОМЪ.

Романсъ В. А. Жуковскаго *).

Дубрава шумушь ;
Сбираюшся щучи ;
На берегъ зыбучій
Склонившись , сидишь
Въ слезахъ , пригорюнясь , дѣвица - краса.
И полночь и буря мрачатъ небеса ;
И черныя волны , вздымаясь , бушуютъ ;
И шажкіе вздохи грудь бѣлу волнуютъ :

„ Душа опцвѣла ;
Природа уныла ;
Любовь измѣнила ;
Любовь унесла

*) На сей романсъ , въ концѣ книжки , предлагаешя музыка В. Алферева. Аккомпанименшь сдѣланъ для фортепіано и для гитары, съ намѣреніемъ угодишь охотникамъ пѣнія, аккомпанирующимъ голосъ на помъ или другомъ инструменщѣ , по произволению (ad libitum.)

Надежду, надежду — мой сладкій удѣлъ! —
 Куда ты, мой ангель, куда улешѣль?
 Ахъ, полно! я счастьемъ мірскимъ насла-
 дилась:

Жила, и любила, ... и друга лишилась!

„Текише струей
 Вы, слезы горючи! —
 Дубравы дремучи!
 Тоскуйше со мной!

Уже не видашь мнѣ веселія дней;
 Проспилась, проспилась я съ жизнью моей!
 Мой другъ не воскреснешь! что было не бу-
 дешь!....

Чтожъ сердце минувшихъ ушѣхъ не забудешь?

„Ахъ, скороль пройдушь
 Унылые годы? —
 Съ весною — природы
 Красы расцвѣтушь ...

Но сладкое счастье не дважды цвѣтешь!
 Пускай же драгое въ слезахъ оживешь!
 Любовь! ты погибла! — Ты, радость, умча-
 лась!

Одна о минувшемъ шоска мнѣ оспалась!“

С М Ъ С Ъ.

УЧЕНЫЯ ИЗВѢСТІЯ,

ИЗВЛЕЧЕННЫЯ ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Вѣнская Академія Наукъ получила новое поощреніе. Императрица удостоила принять званіе почетнаго Члена оной. При каковомъ случаѣ Графъ Аншуанъ де Ламбергъ, Президентъ сего ученаго сословія, имѣлъ честь 3го Августа предсшавить дипломъ Ея Императорскому Величеству.

Получены вновь извѣстія объ отправленной въ Баффинской заливъ экспедиціи подъ начальствомъ Капитана Росса. Оба корабля находились 8го Іюля подь 74 градусомъ Сѣверной широты близъ достопримѣчательнаго мѣста, названнаго Баффиномъ the Devil's thumb. Въ продолженіе пуши всѣ на корабляхъ были здоровы; но при самомъ

оправленіи писемъ, льды начали препяш-
ствовашь продолженію дальнѣйшаго путеше-
ствія. Другая экспедиція, посланная къ
Шпицбергену подь командою Капишана Бю-
шана находилась 8го Іюля подь 80 градусомъ
Сѣверной широты, вблизи ужасной массы
льдовъ.

Французская Академія предложила на
1819 годъ нѣкошорые вопросы, за рѣшеніе
коихъ опредѣлила она въ награду золотыя
медали въ разныя цѣны: одна изъ нихъ оцѣ-
нена въ 1500 франковъ. Сей же Академіи
прислана, отъ неизвѣстнаго любителя наукъ
медаль цѣною въ 1200 франковъ въ награж-
деніе тому, кто напишетъ съ ясными при-
мѣчаніями и доказательствами о пользѣ
изустнаго ученія.

Общество земледѣлія, шорговли наукъ и
художествъ въ Марнскомъ Депаршаментѣ
предложило также на будущій годъ нѣкошорыя
задачи, за рѣшеніе коихъ назначены зо-
лотыя медали и другія награжденія.

Аббашъ дѣ Гон издалъ въ Парижѣ новое
сочиненіе подь названіемъ: *Traité des caractères
phisiques des pierres précieuses pour servir à leur détermination, lorsqu'elles ont été
taillées.* Оно содержишь весьма драгоценныя

и новыя свѣдѣнія вообще по части Минералогіи и даещь общія и ясныя понятія о самой Геологіи.

Въ Бернѣ напечатано Г. Яномъ, Профессоромъ словесности и краснорѣчія Берлинской Академіи довольно изрядное и хорошо расположенное сочиненіе о краснорѣчіи и риторикѣ. Кромѣ основныхъ правилъ словесности, онъ помѣстилъ въ ономъ множестве примѣровъ, показывающихъ въ разныхъ родахъ силу и красоту своего опечесивеннаго языка. Желательно, чшобы и у насъ, при нынѣшнемъ сшараніи и попеченіи о словесности водворился вкусъ къ подобнымъ сочиненіямъ. Здѣсь должно разумѣшь не многосложныя и огромныя изданія, извѣсныя подъ именемъ собраній, но единственнаго шѣтворенія, гдѣ приятное искусшно соединено съ полезнымъ, и гдѣ самыя сшрогія правила языка, не предспавлены въ правилахъ, кошорыя болѣе упоминающь умъ, нежели обогащающь его знаніями.

Академія наукъ, словесности и искусствъ въ Руанѣ, предложила на 1819 годъ двѣ задачи, за рѣшеніе коихъ назначены въ награжденіе золотыя медали.

Королевское Арраское Общество назна-

чло также въ награду двѣ шаковыя же медали за рѣшеніе данныхъ вопросовъ. Кромѣ сего оно предложило сочинить оду на освобожденіе Арраса Маршалломъ Тюренномъ въ 1654 году, и историческое похвальное слово Монсиньи, родившемуся въ Па де Кале.

Въ Газетѣ *Notizie del Giorno* находишь весьма удивительное объявленіе. Брюнеръ живописецъ декораций, Инженеръ и Архитекторъ родомъ изъ Болоніи, поселившійся въ Анконѣ, объявляетъ перенести цѣлыя башни, церкви и дворцы съ одного мѣста на другое, — всюду гдѣ покло ровная плоскость позволитъ произвести сіе въ дѣйство. На примѣръ, онъ намѣревается перенести съ мѣста башню Святого Марка въ Венеціи и поставитъ оную противъ Герцогскаго Дворца или биржи. Онъ предпринимаетъ также привести въ прямую линію улицы и площади, не причинивъ зданіямъ ни малѣйшаго вреда. Римскій журналистъ не находишь сіи предложенія совершенно вздорными и нелѣпыми. Онъ приводитъ сему нѣкоторыя примѣры, между прочимъ и то, будто одна колокольня перенесена была съ одного мѣста на другое въ Кресченцино, близъ Верцелли въ 1776мъ году! —

По новѣйшимъ свѣдѣніямъ видно, что до сего времени выкапываютъ великое множество древнихъ бронзовыхъ шпатуль Помпейскихъ. Недавно найдена превосходной работы шпатуля изображающая Аполлона. Полагають, что уже шестнадцатая часть города открыта. Въ Парижѣ издана топографическая карта Помпей и всѣхъ открытыхъ въ немъ рѣдкостей, изъ чего видно, что улицы, площади и зданія были начертаны весьма по малому размѣру.

Тайный Совѣтникъ Бюловъ предложилъ награду тому, кто напишетъ сочиненіе о сродствѣ Индійской Мифологіи съ Сѣвѣрною. Сочиненія должны поступить на разсмотрѣніе въ Королевское Датское ученое Общество. Профессоръ Фин-Магнусенъ, природный Исландецъ, написалъ по сему поводу подробное сочиненіе на Датскомъ языкѣ, которое вѣроятно получитъ предъ всѣми преимущественно.

За два года предъ симъ, предложена была въ Даніи отъ неизвѣстнаго задача, о судьбѣ Датскаго языка въ Герцогствѣ Шлезвигскомъ, за рѣшеніе коей положенную награду получилъ нынѣ Профессоръ

и Секретарь Королевской Библиотеки въ Копенгагенъ, Верлауфъ.

Г-нъ Конспаншенъ, живописецъ, имѣлъ честь показывать Французскому Королю списокъ съ Рафаеловой картины, представляющей Св. Дѣву. Сей списокъ, по удостоверенію знашковыхъ, превосходной работы; принадлежишь Испанскому Королю и будетъ въ непродолжительномъ времени отправленъ въ Мадридъ.

Въ Парижѣ издано Гильбертомъ, де Меріакъ, Членомъ многихъ ученыхъ Обществъ новое и весьма любопытное сочиненіе подъ заглавіемъ: *de la liberté des mers et du commerce ou Tableau historique et philosophique du droit maritime*. Разрѣшаемый въ семъ швореніи вопросъ есть безсомнѣнія важнѣйшій изъ всѣхъ: въ немъ изложены права человѣка и польза народовъ. Повѣствуя о древнихъ законахъ касательно морскаго права народовъ, сочинитель показалъ и шѣ, коими руководствуются въ семъ случаѣ новѣйшіе Европейскіе народы, именно Англичане и Французы. Сочиненіе весьма занимательно; въ ономъ сильно изражена любовь къ правосудію, чести и отечеству.

Г.

ИЗВѢСТІЯ

О нынѣшнемъ состояніи Персидскаго Государства *).

Персидское Государство претерпѣло въ разныя времена въ политическомъ состояніи своемъ большіе перевороты ; но никогда правительство не было основано на столь строгомъ правосудіи какъ нынѣ, въ царствованіе дома Каджаръ. Сіе поколѣніе

*) Сія сшашья написана Персидскимъ Посланникомъ, пребывающимъ въ Парижѣ, *Мир-Давуд-Задуръ де Мелик-Ханъ Назаролъ*, Кавалеромъ орденовъ Солнца и Льва перваго класса и напечатана въ 1816 году въ Парижѣ особымъ сочиненіемъ на Персидскомъ и Армянскомъ языкахъ ; съ послѣдняго переведена она Профессоромъ Армянскаго языка при Королевской Библіотекѣ *Жакобъ-Шаганолъ де Сирведолъ* на Французской.

происходя по инокшорымъ преданіямъ ошъ Чингис-Хана, за нѣсколько уже вѣковъ утвердило владычество свое на Сѣверныхъ границахъ Персіи и усилившись послѣ царствованія Шаха Надира (Тамас-Кули-Хана) въ сихъ странахъ, приобрѣло ошъ всѣхъ значнѣйшихъ фамилій въ Государствѣ величайшее уваженіе.

Въ 1784 году Ага-Могамед-Шахъ, произшедшій изъ сего знаменитаго поколѣнія, низложивъ своихъ соперниковъ одного за другимъ, овладѣвъ всѣми Персидскими областями и царствовалъ десять лѣтъ. Ему наследовалъ племянникъ его Фетали-Шахъ съ согласія всего Персидскаго народа.

Каджары во всѣхъ дѣлахъ своего правленія руководствовались мудростію и правосудіемъ и симъ образомъ снискали себѣ любовь Персовъ. По древнимъ обычаямъ общественное правосудіе ввѣрено было Кадіямъ и правителямъ городовъ и областей, которые разбирали дѣла по своему произволу, причиняя народу безчисленныя припѣсненія и навлекая всеобщее негодованіе; но теперь всякое тяжёбное дѣло бываетъ изслѣдовано со всею точностію и нерѣдко въ присущствіи Шаха-Заде (Принца Крови). Прежде судьи

не имѣли для содержанія своего никакихъ способовъ, кромѣ наградъ, получаемыхъ отъ шажущихся споронъ: шеперь правительство, предоспавивъ имъ постоянные доходы, запрещило подъ спротимъ възсканіемъ брать и самые маловажные подарки. Въ прошедшихъ сполъшїяхъ большая часть жителей Персіи переселялась съ богатствами своими и познанїями въ чужїя спраны, дабы освободиться отъ прищесненїа и непомѣрныхъ налоговъ; но шеперь Персіане удалившіеся въ другїя земли возвращаются опять въ свое отечество. Даже чужеспранцы желаютъ поселиться въ Персіи, видя, что правительство даруетъ свободу и мудрое покровительство торговлѣ и другимъ отраслямъ промышленности. Прежде сего Персидскїй народъ имѣлъ отпращенїе отъ всѣхъ другихъ сектъ и вѣроисповѣданїй; нынѣ всѣмъ вѣрамъ безъ исключенїа дозволено отпращивать богослуженїе и предоспавлено равное покровительство. До сего времени во многихъ обласїяхъ Персіи было множество разбойниковъ, коихъ не старались ни истреблять, ни наказывать; нынѣже повсюду царствуетъ безопасность, въ городахъ и на большихъ дорогахъ. Военное искусство и дре-

вній образъ вести войну замѣненъ Европейскою дисциплиною; введеніе коей примѣнно уже въ плащь, военныхъ упражненіяхъ и вообще во всемъ, что относится до военнаго устройства.

Когда Государь възрѣетъ управленіе дѣлъ сыновьямъ своимъ или Ханамъ, онъ пребудетъ оныхъ письменной клятвы во всемъ ему повиноваться и безприсѣрасно защищать права каждаго, преслѣдуя злодѣевъ. Сии съ своей стороны наблюдаютъ, дабы подвластные имъ областные Начальники при отправленіи своей должности уклонялись оныхъ всякой неправды и злоупотребленія власти, искореняя подъ смертною казнію всякаго рода насиліе и подвергаясь отвѣстности за самыхъ своихъ подчиненныхъ. Въ то время какъ Фешали - Шахъ держитъ швердою рукою бразды правленія, сынъ его Аббасъ-Мирза, законный наследникъ престола и Государственный Намѣстникъ, управляя областію Азербай-Джанъ шествуетъ со всею ревностію по стопамъ родителя своего и занимаясь государственнымъ дѣломъ сообразно волѣ его и утвержденнымъ оныхъ постановленіямъ, ., приобретаетъ въ оныхъ ежедневнo новыя познанія.

На шаковыхъ правилахъ устроено Персидское правленіе, подъ защитою коего каждое лице, собственность и вѣроисповѣданіе пользуются всевозможною свободою и покровительствомъ. Добродушіе Шаха извѣстно во всемъ Государствѣ. Всѣ его дѣйствія одушевлены правосудіемъ, любовію къ человѣчеству и милосердіемъ, а сіе привлекаетъ къ нему болѣе и болѣе сердца народа. Чтобы доставить о семъ краткое понятіе я представлю здѣсь нѣсколько послѣднихъ случаевъ.

Въ 1813 году жилиши Корассана взбунтовались и хотѣли сдѣлаться независимми. Слухъ о семъ происшествіи скоро достигъ до Афгановъ, коихъ Государь Шах-Магмудъ вознамѣрился поддержать возмущеніе и поддаль имъ помощь. Собравъ войско онъ послалъ его подъ предводительствомъ сына своего Шах-Заде-Камранъ въ Корассанъ. Сіе происшествіе дошло въ то же время до свѣденія Фешали-Шаха, кошорый съ своей стороны далъ повелѣніе собрать прошиву нихъ войско, надъ коимъ начальство поручено Измаил-Хану - Телан. Когда полководецъ сей пригошовился въ походъ: то узнали въ Тегранъ, что Сулейман-Хан-Каджаръ, глав-

ный намѣстникъ Мазандерана прислалъ къ сторонѣ бунтовщиковъ. Видя угрожающую опасность Фешали - Шахъ рѣшился тогда идти самъ пропаву возмутишелей. Онъ немедленно отправился и предводительствуя войскомъ побѣдилъ ихъ на многихъ сраженіяхъ и покорилъ всю землю даже до Герапа. Сулейман-Ханъ былъ взятъ въ плѣнъ со множествомъ Хановъ и знатнѣйшихъ Генераловъ Корассана, взбунтовавшихся по его примѣру. Фешали-Шахъ велѣлъ предстать имъ предъ себя въ Диванѣ, куда собрались и первостепенные Государственныя чины.

Желая произвести судъ надъ Сулейман-Ханомъ на основаніи отечественныхъ законовъ Фешали Шахъ спросилъ ихъ, какой образъ наказанія заслуживаютъ виновные? Судьи отвѣчали, есѣли по закону, то они должны осуждены быть на смерть. Шахъ, не смотря на сей приговоръ, сжалился надъ Сулейман-Ханомъ и только приказалъ лишить его званія, даровавъ ему жизнь, дабы показать свѣту примѣръ правосуднаго мщенія законовъ. Потомъ просилъ онъ всѣхъ прочихъ бунтовщиковъ и принялъ ихъ въ службу.

Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1815 года въ окрестностяхъ столицы произошла большая засуха. Шейкъ сего города, Ул-Исламъ, уважаемый впрочемъ Шахомъ и его дворомъ, не зная образа мыслей сего Государя относительно попеченія его о всѣхъ подданныхъ безъ различія, надѣялся угодишь Богу и Государю, избравъ такія мѣры, кои совершенно противны были вождѣ Его Величества. Онъ созвалъ въ свой домъ болѣе двухъ сотъ чловѣкъ простаго народа и увѣрилъ ихъ, что неурожай и засуха есть наказаніе Божіе, посылаемое за то, что они ходящъ въ шракиширы, содержимыя Армянами. Дабы укротить Божескій гнѣвъ, должно истрѣбить всѣ сіи нечестивыя мѣста и идти съ нимъ на разореніе оныхъ. Подобными внушеніями; слѣданными мяшежной и безразсудной черни, Шейкъ ожесточилъ умы и возбудилъ къ мщенію народъ, который успремясь въ населенную Армянами часть города, въ присутствіи Шейка сломалъ до основанія нѣсколько церквей и разграбилъ дома нѣкоторыхъ купцовъ, торгующихъ виномъ.

Шахъ съ негодованіемъ узнавъ о семъ происшествіи, о коемъ немедленно ему донесено было, шотчасъ велѣлъ взять подѣ

спражу Шейка и всѣхъ его послѣдователей и предшавишь ихъ въ себѣ. Но они будучи предупреждены о гнѣвѣ Государя скрылись въ разныхъ частяхъ города, а Шейкъ болѣе всѣхъ раздражившій Его Величество бѣжалъ въ мечеть Шах-Абдул-Азима, находящуюся въ полторы мили отъ Теграна и почищаемую неприкосновеннымъ священищемъ, въ коемъ преслупники и даже смертоубійцы избавляющся отъ преслѣдованія, пока они пребываютъ въ ономъ *)

Однакожь шѣлохранищели Государя успѣли схватишь двадцать человекъ, коихъ предшавили Шаху, окруженному всѣми Министрами. „Дерзкіе! съ гнѣвомъ сказала „онъ имъ, кто приказалъ вамъ послунишь „шанимъ образомъ? Какой законъ сіе допу-

*) Сія деревня, построенная на развалинахъ древняго и великаго города Рай (Греческаго Рауѣс) служишь безопаснымъ убѣжищемъ единственно потому, что заключаетъ въ себѣ гробъ одного Имама Задега, называемаго Шах-Абдул-Азгилъ, который почищается у Музульманъ за великаго Свящаго Мечеша, гдѣ погребены Имамы или дѣти ихъ, такъ что: Коулъ, Имамъ Гуссеймъ и пр. имѣють шже преимущество.

„скаешь? Уже ли Шейкъ Ул-Исламъ Госу-
дарь вашъ, или повелишель земли сей? Вы
„нарушили законы государства моего, ими
„я васъ и осуждаю; удалишесь опъ лица мо-
„его!“ Виновные въ поже время понесли
законное наказаніе и должны были заплашиться
за убышки Армянамъ 1000 шомановъ. По-
шомъ Государь велѣлъ призвать къ себѣ Ар-
мянскихъ начальниковъ и ободрилъ ихъ сими
словами: „Я хочу, сказалъ онъ имъ, чшобы
„всѣ народы моего Государства, какой бы
„ни были они религіи, наслаждались законною
„свободою и жили бы спокойно подъ покро-
„вомъ моей царской власпи.“ Онъ обѣщаль
имъ строго наказать Шейка и просилъ ихъ
не престававать молишь Бога, о сохраненіи
дней его. Фепали-Шахъ повелѣлъ въ поже
время Казначею своему выдать имъ 3000
шомановъ изъ собственннй казны, дабы ока-
зашъ вспоможеніе Христіанамъ, болѣе про-
чихъ при семъ случаѣ пострадавшимъ. Онъ
хотѣлъ еще, чшобы церковь Армянская бы-
ла поправлена иждивеніемъ правительсва
и чшобы испорченныя или истребленныя
вещи вознаграждены были другими.

Съ Француз. Александръ Риттеръ.

Имена особъ благоволившихъ подли-
саться на сей Журналь.

(Продолженіе.)

- Горный Кадетскій Корпусъ 2 экз.
Его Высокоблагородіе Абрамъ Израелевичъ
Перешцъ.
Его Благородіе Юрій Никишичь Баршеневъ.
Въ Гжатскѣ.
Его Высокоблегородіе Николай Егоровичъ Ко-
лачевскій.
Его Благородіе Наумъ Полъшаевъ.
Въ Твери. Его Превосходительство Николай
Сергѣевичъ Всеволожскій.
Въ Псковѣ.
Его Превосходительство Баронъ Борисъ Ан-
поновичъ Фонъ - Адеркасъ.
Его Высокоблагородіе Семень Семеновичъ Го-
рожанскій.
Его Благородіе Дмишрій Михайловичъ Бизю-
кинъ.
Его Благородіе Николай Егоровичъ Диринъ.
Ч. III. Кн. 3.

Въ Казани. Ея Высокоблагородіе Глафира Ивановна Панаева.

Въ Кіевѣ.

Преосвященный Серапіонъ Мишрополищъ Кіевскій.

Его Превосходительство Федоръ Викшоровичъ Назимовъ.

Его Высокородіе Иванъ Федоровичъ Бушовичъ.

Въ Сквирѣ:

Кіевскій Губернскій Маршалъ Дворянства Францъ Михайловичъ Моржковскій.

Бывшій Сквирскій повѣстовый Маршалъ Дворянства Спаниславъ Игнашьевичъ Залѣвскій.

Бывшій предводитель Кіевскаго Главнаго Суда 2го Департаменста Францишекъ Захарьевичъ Ганскій.

Въ Черкасахъ: Бывшій Маршалъ Дворянства Фроль Антоновичъ Залѣвскій.

Въ Махновѣ. Махновскій Повѣстовый Маршалъ Дворянства Антонъ Павловичъ Сабанскій.

Въ Умани. Уманскій повѣстовый Маршалъ Дворянства Графъ Осипъ Адамовичъ Мощенскій.

Въ Радомыслѣ. Его Превосходительство Антонъ Осиповичъ Злошницкій.

→•••←

Въ Черкасѣ.

Ихъ Превосходительство :

Николай Васильевичъ Иловайскій.

Екимъ Екимовичъ Карповъ.

Григорій Дмипріевичъ Иловайскій.

Логвинъ Карповичъ Денисовъ.

Василій Тимофѣевичъ Денисовъ.

Максимъ Григорьевичъ Власовъ.

Ихъ Высокоблагородіе :

Поликарпъ Панфиловичъ Урюпинсковъ.

Алексѣй Ѳедоровичъ Бѣляевскій.

Степанъ Даниловичъ Пропоповъ.

Карпъ Ивановичъ Шамшевъ.

Алексѣй Васильевичъ Мамлыкинъ.

Петръ Евпейчъ Черевковъ.

Николай Семеновичъ Сулинъ.

Михайло Ѳедоровичъ Малчевскій.

Петръ Ѳедоровичъ Малчевскій.

Николай Ивановичъ Кумшанскій.

Яковъ Радіоновичъ Наумовъ.

Алексѣй Ивановичъ Щедровъ.

Ихъ Благородіе :

Василій Григорьевичъ Трапинъ.

Егоръ Анпоновичъ Фомины.

Василій Максимовичъ Яновъ.

Степанъ Конспаншиновичъ Фомины.

Урядникъ Николай Поляковъ.

Въ Екатеринославѣ:

Ихъ Превосходительство:

Иванъ Христофоровичъ Калагеоргій.

Павель Ивановичъ Невѣровский.

Ихъ Высокоблагородіе:

Антонъ Афанасьевичъ Калениченко.

Викторъ Петровичъ Папчинскій.

Василій Афанасьевичъ Вуичъ.

Василій Ивановичъ Соловьевъ.

Василій Ивановичъ Синельниковъ.

Ихъ Благородіе:

Аполонъ Петровичъ Папчинскій.

Иванъ Ивановичъ Пеперсонъ.

Въ Иркутскѣ.

Его Высокоблагородіе Волошиновъ.

Его Благородіе Романовъ.

Балаганской Братской Тайша 12го класса
Назаровъ.

Въ Киренскѣ.

Его Высокоблагородіе Шевелевъ.

Киренскій купецъ Илья Пежемскій.

— — — — — Дмишрій Сычевъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

П Р О З А.

	Стран.
Объ изящномъ	1, 127.
О философіи (изъ сочиненія Г. жи Стале о Германіи)	19.
Путешествіе къ рѣкѣ Пашѣ. (Къ сосъ- ду моему.)	29.
Дитя милосердія. (Изъ Гердера.)	42.
Два опьянѣ. (Народный разсказъ.)	45.
Издѣдованіе неправильнаго дѣйствія магнишной спирѣлки у оспрова Юсари, учиненное въ 1815, 1816 и 1817 годахъ	151.
О водопадахъ рѣки Ориноко	180, 288.
Солнце и луна (изъ Гердера)	204.
Побродягинъ, или прогулки по Пешер- бургу. День вперой	207.
Игорь, пьяный Славянскій вечеръ	273.
Ешественная Философія. (Селеская картина.)	310.
Характеръ Французовъ и Англичанъ. Свойства Поэзіи обоихъ наро- довъ	328.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

	Стран.
Буривой и Ульмила. (<i>Эпическій опитъ.</i>)	59.
Грозная ночь	88.
Пѣснь умирающаго Терамена	91.
Къ Юліи	95.
Гимнъ веселоспи	97.
Фіалка и Дубы. (<i>Басня.</i>)	100.
Гимнъ величію и всемогуществу Бо- жю	232.
Свиданіе и разлука. (<i>Изъ Гете.</i>)	240.
Козакъ на родинѣ (<i>Романсѣ.</i>)	242.
Е. Н. Ш. ой, на смерть мало-лѣт- ной ея дочери	247.
Львиное правосудіе. (<i>Басня.</i>)	250.
Оскаръ и Дермидъ. (<i>Подражаніе Оссиану.</i>)	342.
На смерть Г.	351.
Призываніе Лилы	356.
Эпидафія В. А. Озерову	358.
Къ Снигирю	359.
Пѣсня	363.
Волчья клятва. (<i>Басня.</i>)	365.
Тоска по миломъ. (<i>Романсѣ.</i>)	367.

С М Ъ С Ъ.

О Россійскихъ бумажныхъ деньгахъ и средствахъ доставивъ имъ поспоянное допоянство	102.
---	------

Извлеченіе изъ письма Г. Корреспон- денца о Московскихъ цѣли- тельныхъ водахъ	108.
Ученыя извѣстія, извлеченныя изъ иностранныхъ журналовъ 112, 263, 369.	
Записки общесва	117.
Извѣщенія	121, 272.
Отрывокъ изъ письма къ другу	252.
О первоначальномъ введеніи посѣва пшеницы въ Америкѣ	270.
Извѣстія о нынѣшнемъ состояніи Пер- сидскаго Государства	375.
Имена особъ благоволившихъ подпи- саться на сей журналъ	388.

ПОГРѢШНОСТИ.

Въ 6й книжкѣ на стр. 384 послѣ 11й строки *считая*
сверху пропущено :

Любима въ рожицѣ шѣвнншшой ошдыкашь ,

Въ 8й книжкѣ на стр. 265 *напечатано* :

27го Сентября ш. с. день рожденія Королевн
титай : рожденія Короля.

